

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Марков Д. Ф.</i> За дальнейшую интенсификацию научных исследований	3
<i>Кузьмин М. Н.</i> История социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в трудах Института славяноведения и балканистики АН СССР (итоги и задачи исследований)	12
<i>Достян И. С., Фрейдзон В. И.</i> Основные проблемы формирования национальных государств в Юго-Восточной Европе (конец XVIII — 70-е годы XIX века)	21
<i>Зеленина Л. В.</i> Формирование принципа status quo в политике Великобритании на Балканах (1790—1809)	34
<i>Грибовская А. И., Моторный В. А.</i> К периодизации украинско-болгарских литературных связей	46
<i>Осипова П.</i> К вопросу о славяно-румынских литературных связях (И. Славич и Л. Ребряну и славянские литературы)	57
<i>Гиндин Л. А., Калужская И. А.</i> Вывод о слав.* koliba	68
<i>Орел В. Э.</i> Pro et contra одной этимологии	76

СООБЩЕНИЯ

<i>Большакова К. В.</i> У истоков сотрудничества историков СССР и народной Польши (1946—1951)	79
<i>Кириллова-Угрюмова Т. В.</i> К вопросу об общественной деятельности Р. Йовановича	86

1

1987

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Гибзианский Л. Я.</i> З. Т. Голенкова. Очерк истории социологической мысли в Югославии	93
<i>Носкова А. Ф.</i> А. Н. Мерцалов. В поисках исторической истины	96
<i>Медведева О. Р.</i> Kultura polska XVIII i XIX w. i jej związki z kulturą Rosji	98
<i>Чекмонас В.</i> Исследования по истории славянского языкознания	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Греков И. Б.</i> Конференция советских и польских историков	104
<i>Валева Е. Л., Венедиктов Г. К.</i> Второй международный конгресс по болгаристике	105
<i>Наумов Е.</i> В специализированном совете по защите докторских диссертаций (по всеобщей истории) при Институте славяноведения и балканистики АН СССР	109

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. П. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

МАРКОВ Д. Ф.

ЗА ДАЛЬНЕЙШУЮ ИНТЕНСИФИКАЦИЮ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Институт славяноведения и балканистики АН СССР прошел сорокалетний путь развития. Он является важным центром изучения истории, истории культуры, литератур и языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы, большинство которых входит сегодня в мировую систему социализма. Перед Институтом, естественно, встают все новые и новые задачи. Его сорокалетие — повод для размышлений о пройденном пути с целью извлечь уроки и практические выводы, сказать и о позитивных результатах, и о наших недостатках, а также о планах на ближайшее будущее.

Институт славяноведения был создан в начале 1947 г. В его составе тогда было всего 18 сотрудников. Но он быстро развивался. Этому способствовало то, что во главе его стояли такие выдающиеся слависты, как его первый директор академик В. Д. Греков, академики В. И. Пичета, Н. С. Державин, М. Н. Тихомиров. В его работу включались специалисты из других учреждений, готовились молодые кадры через аспирантуру. Уже в первые годы своего существования Институт стал регулярно публиковать свои труды в «Ученых записках», «Кратких сообщениях» и других изданиях.

В конце 40-х — начале 50-х годов Институт приступил к подготовке обобщающих трудов по истории Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии, которые были изданы в течение 10—12 лет. Позже, после преобразования Института в Институт славяноведения и балканистики (1970) эта серия пополнилась трудами по истории Венгрии и Румынии. Одновременно были созданы и книги по истории литератур славянских народов.

Сегодня мы ясно видим недостатки упомянутых изданий, но значение этих работ неоспоримо — это первые в Советском Союзе обобщающие марксистские труды, в которых история и художественная литература представлены в систематическом изложении с древнейших времен до 50—60-х годов XX в. В самих странах работа такого характера только начиналась. Вполне естественно возникла атмосфера взаимной заинтересованности, устанавливались дружеские деловые контакты, создавалась необходимость научного сотрудничества, которое получало все более широкое развитие.

За прошедшие 40 лет учеными Института созданы многочисленные исследования, утвердившие его место в системе общественных наук. Здесь нет надобности приводить перечень этих исследований. Об общем объеме и характере выполненных работ довольно подробно говорится в ранее опубликованных моих статьях¹, в справочно-библиографической

¹ См., например, статьи: «25 лет работы Института славяноведения и балканистики АН СССР» [1, 1972, № 1]; «За глубину и синтетичность научных исследований (к 30-летию Института славяноведения и балканистики АН СССР)» [1, 1977, № 3].

брошюре, посвященной 30-летию Института [2]. В данной статье представляется целесообразным подчеркнуть динамику исследовательской мысли по основным научным направлениям.

XXVII съезд КПСС уделил большое внимание общественным наукам. В Политическом докладе и других документах съезда сказано о необходимости связи науки с актуальными задачами нашего времени, с практикой, о необходимости сосредоточения усилий на всестороннем анализе опыта мирового развития, создания нового общества в СССР и в других социалистических странах, на изучении процессов в мировом коммунистическом, рабочем, национально-освободительном движениях. С этими глобальными направлениями самым непосредственным образом связаны и задачи Института. Хотелось бы еще особо отметить, что новая редакция Программы партии, учитывая сложный, комплексный характер проблем общественного развития, подчеркивает необходимость углубления интеграции различных наук. В ней говорится: «Должны получить более широкое развитие такие формы организации науки, которые обеспечивают междисциплинарное исследование актуальных проблем, необходимую мобильность научных кадров, гибкость структуры научных учреждений, эффективность исследований и разработок» [3, с. 168].

Институт славяноведения и балканистики АН СССР — комплексный по своему составу: он объединяет историков, лингвистов, литературоведов, историков культуры. И хотя такая структура определилась с самого начала существования Института, к собственно комплексным исследованиям мы приступили далеко не сразу. Надо было разработать методологические принципы таких исследований, а затем приходилось преодолевать немалые трудности в процессе их непосредственной организации. И шли мы постепенно — от сборников к большим коллективным монографиям².

Главная задача Института — изучение истории и истории культуры европейских социалистических стран с древности до наших дней. Особо важное место занимают, естественно, исследования проблем революционных преобразований в этих странах, история строительства социализма. Есть у нас в этой области значительные успехи — создан ряд крупных работ, притом сравнительно-исторического плана. Назовем из них хотя бы некоторые исследования последних лет.

В 1982 г. вышла в свет вторым изданием коллективная монография «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе». К 40-летию победы над фашизмом опубликована книга «СССР и страны народной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества» (подготовлена совместно с Институтом истории СССР); изданы также книги «Культура в общественной системе социализма» (1984), «Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов» (1985). Вышли и другие работы, в том числе индивидуальные монографии [5]. И все же нельзя сказать, что мы удовлетворены своими результатами. Есть у нас на этом участке серьезные недостатки, для преодоления которых требуются конструктивные меры.

Хотя в наших институтских исследованиях в разных аспектах уже освещалась тема Сопротивления фашизму (см., например, [6, 7]), она раскрыта далеко не полностью: не проведен всесторонний анализ еще многих фактов и событий, не использован весь имеющийся архивный материал. Между тем эта тема принципиально важна для более широкого освещения роста политического сознания народов, их движения к радикальным революционным изменениям. Теперь она выделена в особый раздел нашего плана, притом мы стремимся обеспечить комплексный подход к ней — в ее исследовании будут участвовать не только историки, но и литературоведы. Можно надеяться, что коллектив авторов придет к новым обобщениям и выводам.

² Я стремился рассказать об этом опыте Института (см. [4]).

Все еще узким местом в деятельности Института остается критика буржуазных и ревизионистских фальсификаций развития социализма. В последнее время мы стремимся сосредоточить усилия и на этом участке. Важными представляются две работы: одна, выполненная совместно со словацкими учеными, недавно вышла из печати [8], другая будет выполнена в течение двенадцатой пятилетки («Буржуазная историография проблем социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Критический анализ»). И эта линия должна быть продолжена, в том числе в работах, исследующих общие процессы исторического и историко-культурного развития.

Исключительно важным направлением является изучение международного опыта строительства социализма. Оно должно занять центральное место в нашей работе. В Политическом докладе XXVII съезду КПСС говорится: «Сегодня особенно важно на основе развития — и не одной, а ряда стран — проанализировать характер социалистического образа жизни, осмыслить процессы совершенствования демократии, методов управления, кадровой политики. Бережное, уважительное отношение к опыту друг друга, применение его на практике — огромный резерв социалистического мира» [3, с. 72].

В новом пятилетнем плане Института значится ряд работ, находящихся в русле этой проблематики — они посвящены изучению общих закономерностей и специфических особенностей переходного периода от капитализма к социализму, освещению методологических вопросов исследования проблем строительства социализма, культуры и художественной литературы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Более подробно об изучении в Институте этого периода будет сказано в специальной журнальной статье. Здесь следовало бы отметить коллективный труд, который в основном уже завершен. Он носит название «Очерки истории строительства основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». В нем предпринята попытка обобщить в сравнительно-историческом плане опыт социалистического строительства ряда стран, притом наряду с историками участвуют и культурологи.

Говоря об изучении периода строительства социализма, отметим, что нам необходим поворот к современным процессам последних двух десятилетий. Частично это делается, но крайне недостаточно. Задача остается, и ее надо решать.

Разрабатывая план Института на двенадцатую пятилетку, мы многое сделали, чтобы избежать мелкотемья (и работу эту необходимо продолжить) с целью сосредоточения усилий ученых на наиболее актуальных проблемах, которые, несомненно, есть по всем изучаемым нами историческим периодам. Подчеркнем в связи с этим, например, принципиальную важность ряда проблем по древней и средневековой истории. Таковы, скажем, проблемы этногенеза славянских и балканских народов, формирования народностей, возникновения и распространения славянской письменности, введения христианства. Здесь вследствие недостаточной изученности проблематики проявляются различные тенденции и взгляды, идут дискуссии, приобретающие иногда довольно острый характер.

Именно этими проблемами заняты наши медиевисты, добываясь в исследованиях интеграции различных наук. Так, труд «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» (1982), получивший признание в науке, написан совместно историками и лингвистами, опирающимися также на данные археологии, этнографии, антропологии. Проблема эта разрабатывается и в новых трудах, охватывая и другие периоды (зрелого феодализма, позднего средневековья). Притом заслуживают внимания соображения авторских коллективов по практическим вопросам организации работы, поиски путей и форм дальнейшей, еще более органичной, интеграции разных наук. В русле исследований проблем этногенеза идет работа по созданию большого этнолингвистического словаря славянских народных древностей в несколь-

ких томах, выполняются и другие лингвистические работы, связанные с тематикой балтославянского и балканского ареалов.

Одной из больших тем Института было и остается изучение национально-освободительных движений народов Центральной и Юго-Восточной Европы. В этой области у нас накоплен значительный опыт. Вышли в свет крупные работы сравнительно-исторического плана, среди которых выделяется коллективный труд «Освободительные движения народов Австрийской империи» в двух томах (1980—1981). Труд этот, освещающий сложные взаимоотношения народов в многонациональном государстве, получил заслуженное признание.

По периоду национального возрождения выполнен цикл работ, комплексно анализирующих исторические и историко-культурные процессы. Ведь явление возрождения представляет собой многокомпонентную систему, включающую и формирование социально-экономических основ нации, национального самосознания, и становление национальных культур, национальных литературных языков. В рамках специальной серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры» была подготовлена и издана книга «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты» (1981). В этой же серии вышли в свет лингвистическое и два литературоведческих исследования: «Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков» (1978); «Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение» (1982) и «Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: романтизм» (1983). Специалистами по истории культуры создан труд «Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы» (1984).

Названные книги не изолированы, не замкнуты в рамки внутренних вопросов отдельных наук, наоборот, каждая из этих наук участвует своими специфическими средствами в решении общих задач. Книги эти написаны по единому плану, определенному их направленность, объединены упомянутой выше серией, т. е. они в совокупности представляют собой междисциплинарное исследование эпохи национального возрождения.

Исследования такого рода будут продолжаться и в дальнейшем. Можно сожалеть, что нами еще не создан целостный синтетический труд, который бы подытожил результаты многочисленных разработок в этой области на уровне широких обобщений. Такой труд был запланирован, но он по разным причинам не выполнен в прошлой пятилетке. Теперь в новый пятилетний план включена коллективная монография «Нации Центральной Европы в XVIII—XIX вв.: проблемы формирования и развития», в которой предполагается дать синтез сделанного по важнейшим аспектам, подвести историографические итоги многолетних исследований данной темы у нас в стране и за рубежом.

Проблемы, о которых идет речь, остро актуальны и в наши дни: к ним проявляется большой интерес в самих странах, их изучение помогает нам увидеть исторические корни некоторых процессов и явлений в этих странах и сегодня. Подчеркнем еще одну сторону: опыт борьбы народов изучаемого нами региона за национальное и социальное освобождение, за установление своих самостоятельных государств перекликается с важными процессами, происходящими в современном мире, — с антиколониальной, национально-освободительной борьбой многих народов за свои права и свободы.

Необходимо отметить характерную, принципиально важную тенденцию развития научных исследований в Институте — стремление к синтетическим работам, к широким обобщениям. Уже упоминались большие коллективные труды, в которых в сравнительно-историческом плане проведен анализ и обобщен опыт революций 40-х годов, строительства основ социализма. На двенадцатую пятилетку поставлена более масштабная по историческому охвату задача — исследование всего переходного пе-

риода от капитализма к социализму в Центральной и Юго-Восточной Европе. Важное значение имеет также и находящийся в процессе выполнения труд «История литератур европейских социалистических стран после 1945 г.» в двух томах. В ближайшие годы будет завершена начатая в прошлой пятилетке серия «История зарубежных социалистических стран Европы» в восьми томах. Кроме указанного выше труда о формировании и развитии наций, с эпохой национального возрождения связаны и готовящиеся «Очерки истории культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XVIII—XIX вв.» в двух томах. Есть и другие крупные работы, некоторые из которых я еще пазову по ходу изложения. Но здесь дополнительно скажу, что Институт обеспечивает подготовку соответствующих разделов по своему профилю в комплексных программах Отделения истории АН СССР, принимает участие в создании многотомных трудов — «История Европы», «История всемирной литературы».

Проблематика Института шире его названия — она охватывает не только славяноведение и балканистику, но и другие аспекты исторического и культурного развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Славяноведение и балканистика, конечно, занимают важное место в наших исследованиях. С этими двумя направлениями связаны многие наши работы.

В области славяноведения созданы, на мой взгляд, и интересные работы историографического характера. Издан словарь «Славяноведение в дореволюционной России» (1979). Подготовлен большой биобиблиографический словарь советских славистов. Периодически, отдельными выпусками, выходят сборники «Славяноведение и балканистика за рубежом», хотя в этой серии все еще крайне недостаточной остается информационно-аналитическая работа, которая должна дать более полное представление об этих областях науки в Западной Европе и Америке.

Институт участвует в работе Комиссии по славяноведческим исследованиям при Международном комитете историков, а также в работе Комиссии по истории мировой славистики при Международном комитете славистов. Уже изданы три тома, охватывающие историю славистики нескольких периодов ее развития: один издан в Чехословакии (1978), другой — в Болгарии (1981). Первый же том под названием «Методологические проблемы истории славистики» опубликован в Москве (1978). В этом томе освещается ряд принципиально важных вопросов методологии науки и среди них вопрос о предмете и понятии славяноведения. Советские ученые, показав историческую эволюцию понятия, пришли к обоснованному определению славистики как комплекса научных дисциплин. Это определение — отнюдь не формальное, а связанное с принципами славистических исследований — в общем, можно сказать, утвердилось на международных съездах славистов, на других форумах, во многих работах ученых разных стран.

По балканистике в последние годы у нас также созданы значительные исследования. Это, например, труды по проблемам становления государственности у балканских народов. Назовем и большой цикл работ, посвященный изучению международных отношений на Балканах (вышедшие в свет и находящиеся в процессе подготовки книги представляют собой, в сущности, систематическую историю этих отношений за 100 с лишним лет — с 1815 до 1918 г.). Все более весомую роль играет продолжающееся издание ежегодника «Балканские исследования». Понимая балканистику (подобно славистике) как комплекс научных дисциплин, мы стремимся в этой области к интеграции разных наук. Но, к сожалению, объединение ученых разных специальностей осуществляется пока спорадически, не носит планомерно-организованный характер. Это серьезный наш недостаток, и его нужно преодолеть.

В задачи Института входит изучение сложного периода между двумя мировыми войнами. Создан ряд трудов о кризисе буржуазной демократии, характере и функционировании политических систем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В этих трудах раскрывается положение классов, общественная жизнь, развитие политического созна-

ния народных масс, нарастание фашистской агрессии и угрозы войны. Включенный на двенадцатую пятилетку труд по проблематике политических систем охватывает 1929—1939 гг.

Все это очень важно для понимания того, какова была обстановка внутри изучаемых стран, как вызревали предпосылки последующих революционных выступлений. По всегда ли в этих странах объективно характеризуются тогдашние правящие круги, ведущие буржуазные деятели, в том числе в их отношении к Советскому Союзу и к Западу? Известно, что существуют разные взгляды и позиции, и, очевидно, надо выражать свое отношение к ним, именно как к определенным позициям, аргументированно излагая свою точку зрения.

Вообще состояние историографических исследований у нас в Институте оставляет желать лучшего — это касается всех научных подразделений. И речь идет не только о дискуссионных проблемах, а о необходимости ясно определять уровень достигнутого в науке по тому или иному изучаемому вопросу и, следовательно, видеть «точку отсчета» для дальнейших разработок. Выводы в связи с этим должны сделать все сектора и отделы Института.

Как уже говорилось выше, в комплексных исследованиях, наряду с историками, участвуют и наши филологи (литературоведы и лингвисты), их вклад заметен и значителен. Ими создан ряд крупных исследований и собственно лингвистического и литературоведческого характера, получивших широкое признание в науке. В планах на двенадцатую пятилетку значатся: уже названный двухтомный труд по истории литератур социалистических стран Европы, двухтомный труд, посвященный изучению исторической динамики художественных форм в литературах народов Центральной и Юго-Восточной Европы, двухтомный акцентологический словарь славянских языков, труды по фольклору, по основам балканского языкового союза, по социолингвистике и др.

Широко и многосторонне исследуются в Институте связи — исторические, историко-культурные, литературные, языковые — народов Центральной и Юго-Восточной Европы с народами нашей страны. Вопросы эти пронизывают институтские работы по всем изучаемым периодам — от древности до современности. И это понятно. Связи, о которых идет речь, уходят корнями вглубь истории, они нередко играли важную роль в судьбах народов изучаемого региона.

Общность происхождения славян, родство языка издавна определяли их контакты. Их опорой в борьбе против иноземных поработителей во многих отношениях и в разное время была Россия. Известно, что, скажем, балканские народы были освобождены от многовекового османского ига и обрели национальную независимость в огромной степени в результате русско-турецких войн, в особенности войны 1877—1878 гг. Напомним также, что возникновение самостоятельных славянских государств — Польши, Чехословакии, Югославии — связано с Великой Октябрьской социалистической революцией, способствовавшей развалу Австро-Венгерской монархии. И, конечно же, эти и многие другие исторические факты привлекают пристальное внимание советских ученых, являются предметом многочисленных исследований и в прошлом, и теперь.

Есть у нас в этой области серьезные достижения. Но надо идти дальше. В изучении связей разных народов мы порой сталкиваемся с простым описанием, с бессмысленным нагромождением фактографического материала вместо проникновения в смысл историко-культурных процессов. Нам нужно добиться резкого повышения теоретико-обобщающего уровня этих исследований.

Качественно новый период связей и их изучения наступил в наше время. Он определяется характером нового исторического образования — мировой системы социализма, в которую входит и Советский Союз, и другие социалистические страны. Это связи суверенных равноправных государств, для которых характерно всестороннее сотрудничество во всех сферах жизни, в том числе, разумеется, и в сфере науки.

Наш Институт ведет широкое сотрудничество с учеными социалистических стран. Здесь я не буду называть темы, по которым оно осуществляется — их 43, из которых 32 разрабатываются на двусторонней, 11 на многосторонней основе. Сотрудничество ведут и историки, и культурологи, и литературоведы, и лингвисты. Мы стремимся к интеграции научных потенциалов сотрудничающих стран, к объединению усилий для решения актуальных проблем, представляющих взаимный интерес.

Сотрудничество проходит в творческой атмосфере совместных обсуждений, товарищеских дискуссий на основе марксистско-ленинской методологии, общей для всех нас. Но мы еще не все сделали для поиска и использования новых путей дальнейшего углубления интеграции наших исследований. Нам нужно добиться более четкой организации сотрудничества, практиковать различные его формы: издание совместных коллективных трудов, проведение симпозиумов, взаимных консультаций и встреч по отдельным вопросам и т. п.

Институт участвует в работе двух международных ассоциаций, деятельность которых проходит под эгидой ЮНЕСКО, — Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК) и Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы (МАИЮВЕ). Регулярно издающийся Бюллетень МАИРСК на трех языках (русском, английском, французском) — важный объединяющий орган. Он издается на базе нашего Института слаженно работающей Группой информации и документации. В Бюллетене, а также на различных международных форумах проявляется наше стремление к сотрудничеству с учеными разных стран на основе общих принципов ЮНЕСКО, утверждающих необходимость содействия прогрессу культуры и взаимопонимания между народами.

Трудно даже перечислить, тем более охарактеризовать все участки работы Института. Я видел свою задачу в том, чтобы сказать об основных из них, притом не только фиксируя успехи, но и анализируя недостатки. Изучение истории, культуры и языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы, а значит — главным образом народов европейских стран социализма, осуществление широкого сотрудничества с учеными этих стран, проведение по всем историческим периодам сравнительно-исторических и комплексных исследований — с этим, в сущности, связан профиль Института, его место в системе общественных наук. Ход и результаты наших научных исследований как мера оценки деятельности Института находятся, естественно, в центре внимания. Но ход и успех исследований зависят в немалой степени от уровня их организации. В этой области у нас много недостатков, и о путях их преодоления надо сказать особо.

Научная работа — процесс творческий. Для настоящего ученого — это органическая потребность, он живет научными идеями, беспокойными поисками решения вставших перед наукой проблем. И такие ученые у нас есть. Вместе с тем мы сталкиваемся и с неприятными фактами невыполнения планов и поручений, с недобросовестностью и нарушениями трудовой дисциплины.

Решения XXVII съезда партии, Июньского (1986) Пленума ЦК КПСС, наделившие внимание всего нашего общества на решительное повышение качества и эффективности, личной ответственности каждого на своем рабочем месте, на борьбу против всякого рода тормозящих факторов, отсталых взглядов и застойности, касаются всех нас, и мы должны сделать необходимые выводы: добиться перестройки мышления научных работников в духе этих решений и крутого перелома в организации всей нашей работы.

Некоторые меры в этом направлении предпринимаются. Важной представляется начатая нами работа по совершенствованию организационной структуры Института, что, несомненно, связано с задачей дальнейшей интенсификации научных исследований.

Длительное время структурными подразделениями у нас были только сектора и группы, образованные по тем или иным научным дисциплинам, отдельным периодам или проблемам истории и культуры народов Цент-

ральной и Юго-Восточной Европы. Практика, однако, выявила необходимость создания и более широких объединений ученых — отделов. В настоящее время созданы три отдела: истории и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы периода социализма; истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы с древнейших времен до начала второй мировой войны; филологии и истории культуры.

Важнейшая задача отделов — осуществление координации как внутри отделов между секторами и группами, так и между отделами Института и за его пределами. У нас есть отдельные примеры хорошей координации (так, ведется ряд совместных работ сотрудниками разных секторов нашего Института, совместно выполняются работы и с учеными Института истории СССР и др.). Но многое еще надо сделать в этой области. Ведь с этим связаны целесообразная расстановка кадров, концентрация усилий на приоритетных направлениях и, в конечном счете, эффективность исследований. Решению этих вопросов сопутствуют немалые трудности, иногда возникает необходимость ломки привычных организационных форм. Так, мы стоим перед задачей создания подвижных проблемных групп — межсекторских и межотдельских. Задачу эту надо решить в ближайшее время.

Отделы, о которых идет речь, важны еще и в другом отношении: они должны способствовать осуществлению более действенного контроля за научным уровнем выполняемых работ, обеспечивая широкое их обсуждение с участием специалистов различного профиля. Нередко проводившееся до сих пор обсуждение исследований в узких рамках отдельных секторов, где эти исследования выполнялись, не всегда давало должный результат: порой сказывались групповые интересы, недостаточность критического анализа ошибок и упущений внутри небольшой научной ячейки.

Необходимо повысить роль журнала «Советское славяноведение» в развитии научных исследований. На его страницах многие годы не проводятся дискуссии по нерешенным вопросам, актуальность которых не вызывает сомнений. Есть и другие серьезные недостатки, вообще нуждается в перестройке работа журнала: необходимо проанализировать состояние дел, определить и реализовать конкретные меры по улучшению всей его деятельности.

Когда говорим о перестройке и перспективах деятельности Института, мы ясно сознаем, что все зависит от наличия квалифицированных кадров, способных успешно выполнить выдвинутую перед коллективом программу научных исследований. Каково положение в области, как мы видим здесь свои задачи?

У нас есть крупные ученые, работы которых известны и в СССР, и за рубежом. В данный момент мы в целом обеспечиваем кадрами ведущие научные направления. И все же картина кадровой обеспеченности, в особенности с точки зрения будущего, даже ближайшего, выглядит неоднозначно и в чем-то весьма тревожно.

К 1990 г. число сотрудников, которые достигнут пенсионного возраста, превысит 60% личного состава Института. Это значит, что вопрос о научной смене и преемственности стоит очень остро. Как же видятся пути его решения?

Нуждается в тщательном осмыслении проблема подготовки резерва руководящих работников — заведующих секторами, группами. Речь идет об интенсификации научного роста сотрудников среднего поколения. Это важное звено (доктора и кандидаты наук), и надо обеспечивать такие условия, при которых каждый из этих сотрудников отвечал бы за определенный участок, вел бы и чисто научную и научно-организационную работу, был бы готов при отсутствии заведующего сектором заменить его.

Недавно в Институте прошла аттестация научных работников. Проведена большая аналитическая работа. Возможно, в пей есть какие-то отдельные недостатки, подлежащие устранению в дальнейшем. Но в целом она дала объективную и принципиально важную картину квалификационного уровня сотрудников: «высветила» возможности каждого, помогла увидеть необходимость организационно-структурных измене-

ний и целесообразных перемен в расстановке кадров. Из всего этого нам еще надлежит сделать практические выводы.

В результате проведенной аттестации значительное число младших научных сотрудников переведены в должности научных, а некоторые и старших научных сотрудников. Это важный итог аттестации, способствующий росту научного потенциала Института. И потому надо видеть в этом не просто повышение в должности, а повышение ответственности за свое участие в работе.

Мы нуждаемся в пополнении Института молодыми кадрами. У нас есть приток молодежи, но, во-первых, он очень мал, а, во-вторых, наблюдается некоторая стихийность в приеме молодых людей на работу. Надо иметь в виду, что остро чувствуется нехватка кадров на ряде участков по периоду социализма, включая изучение социалистической культуры, специалистов по истории Албании, Румынии, Венгрии.

Нам надо обеспечить планомерную и целенаправленную подготовку молодых кадров. Для этого необходимо поддерживать связи с МГУ и другими учреждениями, выявлять талантливую молодежь, готовить молодых специалистов и через свою аспирантуру, добываясь затем их распределения на работу в соответствии с наиболее актуальными задачами научных исследований.

1986 год — первый год двенадцатой пятилетки. По планам Института начаты многие новые исследования. Как взят старт, каково состояние, равномерно ли распределена подготовка отдельных частей запланированных трудов по годам, как выполняется график — на эти вопросы мы не можем ответить однозначно положительно: хотя в целом работа идет, но кое-где выявилось отставание. В ближайшее время научные подразделения должны проанализировать ход выполнения своих планов и сделать необходимые выводы.

Мы идем к большому юбилею — в 1987 г. будем отмечать 70-летие Октябрьской социалистической революции. К этой дате у нас подготовлены два труда: «Великая Октябрьская социалистическая революция и народы Центральной и Юго-Восточной Европы» и «Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917—1920 гг.»; готовится также книга «Октябрьская революция и новая концепция литературы (к истории марксистской литературной критики в странах Центральной и Юго-Восточной Европы)». Мы встречаем юбилей не только этими книгами. Нам надо прийти к нему с хорошими результатами во всей нашей работе.

Перед Институтом стоят ответственные задачи. Их успешное решение зависит от нашей организованности, от честной и плодотворной работы каждого. Это — наш научный и гражданский долг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советское славяноведение.
2. Институт славяноведения и балканистики АН СССР. 1947—1977 (справочно-информационный обзор). М., 1977.
3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
4. Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. (Из опыта изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы). М., 1983.
5. Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979; Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944—1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986; Марьина В. В. Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984; Желицки Б. Й. Рабочий класс социалистической Венгрии. М., 1984.
6. Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945. М., 1978.
7. Народные и национальные фронты в антифашистской борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985.
8. Критика буржуазных фальсификаций истории социалистического содружества в Европе. М., 1986.

КУЗЬМИН М. Н.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ТРУДАХ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР (итоги и задачи исследований)

В реализации концепции ускорения социально-экономического развития советского общества, получившей развернутое обоснование на XXVII съезде КПСС, важное место отводится общественным наукам. «Многогранные задачи ускорения, его взаимосвязанные аспекты — политические, экономические, научно-технические, социальные, культурно-духовные и психологические, — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, — нуждаются в дальнейшем глубоком и всеобъемлющем анализе. Мы испытываем настоятельную потребность в серьезных философских обобщениях, обоснованных экономических и социальных прогнозах, глубоких исторических исследованиях» [1, с. 84—85].

Насущная потребность в методологически полноценных научных исследованиях, всесторонне и глубоко раскрывающих реальную сложность и все многообразие современного социалистического общества, внутренний механизм взаимодействия факторов его саморазвития, являющихся надежной основой эффективных практических решений, обострена переломным историческим характером эпохи, принципиальной новизной процессов, которые разворачиваются в нашем обществе, неэффективностью, а порой и несостоятельностью ряда устоявшихся теоретических схем и сложившихся на их базе идеологических представлений.

В кругу дисциплин, имеющих объектом своего исследования общество, историческим исследованиям принадлежит особое место. Это обусловлено, в частности, тем, что в реальной жизни общества нет явлений, существующих в «снятом виде», лишенных исторической глубины, исторического «измерения», явлений, которые могли бы быть поняты вне их исторического развития.

На эту особую значимость исторического анализа социальных явлений в системе других наук указал еще Ф. Энгельс, заметивший по поводу критики такого гигантского общественного феномена как христианская религия, что последняя «должна быть преодолена научно, т. е. исторически, а с этой задачей не в состоянии справиться даже естествознание» [2]. Отсюда высокая эвристичность исторического знания, которое, являясь необходимым компонентом научной теории общественного развития [3], обеспечивает эффективность и ее прогностической функции. Именно поэтому «ответственный анализ прошлого расчищает путь в будущее» [1, с. 23].

В системе ведущихся усилиями различных общественных наук исследований социализма, изучения его конкретно-исторического многообразия,

обобщения закономерностей его развития все большее методологическое значение приобретает анализ истории строительства нового общества в зарубежных социалистических странах, позволяющий — совместно с огромным историческим опытом СССР — с наибольшей полнотой представить закономерности становления и развития новой общественно-экономической формации. В. И. Ленин отмечал, что «цельный социализм» создается «только путем ряда попыток, — из которых каждая, отдельно взятая, будет одностороння, будет страдать известным несоответствием...» [4, т. 36, с. 306].

В изучении истории строительства нового общества исключительную теоретическую значимость представляет совокупный опыт стран Центральной и Юго-Восточной Европы, запечатлевший в себе процесс и результат межформационных общественных преобразований, осуществлявшихся при единстве условий и обстоятельств конкретной исторической эпохи, но проходивших в странах с неодинаковым уровнем капиталистического развития.

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР широкий переход к разработке проблем социалистического развития всей группы стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а затем к обобщению результатов этого развития в масштабах всего региона начался в первой половине 70-х годов, когда после включения в состав Института научных подразделений, изучающих историю неславянских стран региона сложились необходимые для этого практические условия.

К этому времени ученые Института уже обладали определенным позитивным опытом обобщения процессов антифашистского движения Сопротивления, народно-демократических и социалистических революций, социалистического строительства в отдельных странах региона, накопленным, прежде всего, в ходе подготовки историй отдельных стран, изданных Институтом в середине 50-х — начале 70-х годов [5].

Но это были попытки характеристик социалистического развития именно отдельных стран, реализовавшиеся в ходе исследований, имевших главной целью выработку общих концепций «национальных историй» на базе марксистско-ленинской методологии изучения исторического процесса. Переосмысливая и синтезируя наличный фактический материал, авторы этих трудов не всегда имели возможность опереться на необходимые предварительные аналитические разработки, раскрывающие конкретную структуру этого процесса. Действительно, углубленный монографический анализ указанного круга проблем в эти годы по существу только начинался. Правда, в большей мере это можно констатировать в отношении проблем истории второй мировой войны и отчасти революций: в 60-е — начале 70-х годов в свет вышли книги Л. Н. Нежинского, Л. Б. Валева, Г. М. Славина, А. И. Пушкаша, Ф. Г. Зуева, А. Ф. Носковой, В. С. Парсадановой [6]. Что же касается изучения собственно строительства социализма, то с 1960 по 1974 г. вышли лишь четыре монографии — П. В. Галенко, Л. Н. Нежинского, В. В. Марьиной и Г. П. Мурашко, Т. А. Покивайловой [7].

Таким образом, в начале 70-х годов произошел существенный сдвиг прежде всего в расширении и интенсификации, а затем и в углублении исследований истории социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Первое время характеризовалось преобладанием так называемых страноведческих работ, что было и неизбежно и необходимо. Более того, подобные работы — проблемные разработки, статьи и монографии, основанные на анализе всей полноты, богатства и специфики реального процесса, являлись необходимой предпосылкой для издания общерегиональных трудов, в которых общетеоретические выводы делались бы на базе обобщения конкретно-исторического материала в его многообразии и целостности, а не строились по принципу иллюстрации готовых и заданных схем [8]. В процессе углубления этих исследований и накопления проанализированного материала их характер постепенно менялся. Прежде всего, изучение процессов социалистического развития в регионе стало расширяться: от их характеристик в отдель-

ных странах — через промежуточный тип сборников, где страноведческие разработки собирались «под одной крышей» — к общерегиональным оценкам. Это создавало возможность для качественно более высокого — сравнительно-типологического и сравнительно-исторического — уровня выводов и обобщений.

Наряду с этим шло расширение направлений и сфер исследований, круга исторических дисциплин, ориентирующихся на данную проблематику: сначала к общесторическим добавились работы по истории международных отношений а затем (в конце 70-х годов) и по истории социалистической культуры, что не только значительно обогатило спектр ведущихся исследований, но и позволило в 80-е годы приступить к созданию трудов интердисциплинарного характера.

Указанные тенденции в характере исторических исследований социализма не были случайными. Потребность в переходе к работам сравнительно-исторического и комплексного типа диктовалась, прежде всего, внутренней логикой развития научного познания: достигнутая степень изученности основных процессов социально-экономического и политического развития социалистического общества в отдельных странах вела, с одной стороны, к сопоставительным работам общерегионального характера, а с другой — к преодолению изолированного, «тоннельного» подхода, к более многоаспектным, органически включающим и сферу культуры, характеристикам социалистического общества.

Все это в совокупности открывало путь к обобщениям, обладающим более высокой познавательной ценностью, способствующим действительному развитию теории исторического процесса.

В результате, сравнительно-исторические и комплексные исследования оказывали плодотворное обратное воздействие и на страноведческие труды: полноценное осмысление многих процессов в отдельных странах было эффективным лишь с учетом общерегионального контекста. (Последнее обстоятельство сыграло, кстати, положительную роль в повышении уровня наших страноведческих работ, ощущавших в 70-е годы трудности «соревнования на равных» с обладающими большей источниковой базой национальными марксистскими историческими школами в странах региона.)

Итак, период с начала 70-х годов характерен для Института безусловным расширением и углублением исследований проблематики социализма. В целом за эти годы (особенно за десятилетие с середины 70-х годов) историческими подразделениями Института выпущено девять крупных коллективных трудов, а также три индивидуальные монографии, анализирующие стержневые процессы социалистического развития в масштабах всего региона, а также ряд страноведческих монографических исследований [9].

Не ставя перед собой цели дать всем им полную характеристику, попытаемся оценить некоторые результаты работ общерегионального типа.

Уже с начала 70-х годов большой коллектив ученых сосредоточился на анализе процессов революционного перехода от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вышедшая в 1977 г. коллективная монография «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» представляла собой первую масштабную попытку реализации регионального исследования сравнительно-исторического типа. Работа содержит сопоставительный анализ коренных социально-экономических преобразований, осуществленных в ходе развития революционного процесса. На региональном материале было раскрыто многообразие тактических вариантов решения одной и той же стратегической задачи. Были выявлены наиболее типичные в условиях революций 40-х годов пути подведения широких масс трудящихся к осуществлению коренных социальных преобразований в сфере экономики.

Сопоставление опыта революций 40-х годов с опытом Великого Октября и революционных преобразований в Советской России, показало,

что рабочий класс, являющийся гегемоном революционного процесса, в новых исторических условиях, используя имеющиеся у него рычаги власти, уже на демократическом этапе развития революции активно направлял процесс разрушения капиталистического способа производства, боролся за социалистическую перспективу развития.

Тем самым подтверждался принципиально важный для развития марксистско-ленинской теории революции тезис о том, что в условиях существования мировой системы социализма переходный период от капитализма к социализму может начаться уже и в революции демократической, на этапе революционно-демократической диктатуры как переходной ступени, являющейся «...началом завоевания политической власти пролетариатом...» [4, т. 19, с. 214].

Оказавшееся весьма плодотворным направление сопоставительных исследований, получило дальнейшее развитие в написанных на региональном материале монографиях Г. П. Мурашко и В. В. Марьиной, а также в коллективном труде «Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов» (1985). В нем в центр внимания были поставлены политические аспекты развития революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, раскрыт процесс складывания вокруг рабочего класса широкого союза политических сил на демократической, национально-патриотической антифашистской платформе и исследован механизм его перерастания в союз антикапиталистический. В работе показана суть революционной стратегии авангарда рабочего класса и выявлены способы подведения его непролетарских союзников к осознанию необходимости политического разрыва с буржуазией в конкретных условиях 40-х годов.

Начало анализу политической проблематики на материале всего региона, включая и определенные общерегиональные обобщения, было положено коллективной работой «Из истории народно-демократических и социалистических революций», вышедшей в 1977 г. В книге раскрыта взаимосвязь особенностей генезиса революций, расстановки сил, социальной динамики революционного процесса, его механизма, форм и темпов с новыми условиями и задачами, возникшими в обстановке борьбы с фашизмом и его разгрома в ходе второй мировой войны, в обстановке нового этапа общего кризиса капитализма.

С начала 80-х годов коллектив, занимавшийся анализом народно-демократических революций, перешел к изучению проблем строительства основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К настоящему времени им завершена подготовка коллективного труда «Очерки истории строительства основ социализма», выполнявшегося в отличие от предшествующих работ не только как сравнительно-историческое исследование, но и как комплексное — с участием специалистов историко-культурного и историко-международного профиля.

Прошедшая летом 1982 г. в Институте дискуссия о содержании и хронологических рамках переходного периода от капитализма к социализму [10], а также научная конференция «Теоретические проблемы строительства основ социализма» (1984) в значительной степени способствовала углублению научных представлений по ряду принципиальных вопросов изучаемой темы.

Одновременно развернулось и активное международное сотрудничество с историками европейских социалистических стран, что нашло свое выражение в подготовке совместно с Институтом чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН сборника по проблемам строительства основ социализма в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы (находится в печати).

В текущей пятилетке это сотрудничество приняло более широкие масштабы и базируется на выполнении международного целевого проекта «Переходный период от капитализма к социализму в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы», в котором принимают участие историки НРБ, ВНР, ГДР, ПНР и ЧССР.

Другое весьма важное направление в изучении социализма как общественного строя представляют работы, посвященные развитию социалистических стран Европы в 60—70-е годы. Во второй половине 70-х годов оно заявило о себе изданием ряда коллективных работ: тематический сборник «Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1977), публикация материалов научных конференций «Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1979); позже некоторые члены этого авторского коллектива приняли участие в подготовке коллективной работы «Из истории социально-политического развития социалистических стран Европы» (находится в печати).

В 80-е годы предметом исследования этого научного коллектива стали вопросы эволюции социально-классовой структуры общества стран региона. Результаты анализа найдут отражение в коллективной монографии «Развитие социально-классовой структуры общества в европейских странах социализма», работа над которой в настоящее время завершается. В качестве предшествующего страноведческого исследования этих проблем следует назвать обстоятельную работу Б. Й. Желицкого, посвященную рабочему классу социалистической Венгрии (1985).

Самостоятельным направлением исследований в изучении проблематики социализма, осуществляемой в Институте, является исследование закономерностей его развития как мировой системы. Здесь особое внимание было сосредоточено на процессе складывания социалистического содружества в Европе. Предпосылки этого процесса исследовались в коллективной работе «СССР и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость» (1978).

Наиболее крупным трудом по этой теме стала подготовленная совместно с Институтом истории СССР АП СССР коллективная монография «СССР и страны народной демократии: становление дружбы и сотрудничества. 1944—1949» (1985). В ней изучена проблема становления отношений нового типа между СССР и народно-демократическими государствами именно как части процесса формирования социалистического содружества в Европе, обосновывается мысль, что складывание военно-политического союза СССР и указанной группы стран в ходе борьбы против держав фашистского блока было исходным пунктом формирования мировой системы социализма.

Выход в свет этого исследования, в котором раскрываются объективные условия налаживания отношений нового типа, имеет большое значение для разоблачения буржуазных фальсификаций истории социалистического содружества. Этому аспекту посвящена и изданная в 1986 г. с участием зарубежных специалистов коллективная работа «Критика буржуазных фальсификаций истории социалистического содружества в Европе». Роль социалистического содружества в борьбе за мир и безопасность в Европе в послевоенный период раскрывается в коллективной монографии «Европейские социалистические страны и мирное урегулирование в Европе после второй мировой войны», осуществляемой в рамках целевого проекта международного сотрудничества. В нем принимают участие институты Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии. Одна из актуальных сторон этой темы проанализирована в монографии Ф. Г. Зуева «Социалистическое содружество и разрядка в Европе» (1984).

Разработка проблематики развития отношений СССР с социалистическими государствами Европы подкрепляется серией фундаментальных публикаций материалов по истории советско-польских, советско-чехословацких и советско-болгарских отношений и связей [11].

Аналізу развития двусторонних отношений посвящена монография В. С. Парсадановой «Польско-советские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945» (1982) и завершенное исследование Л. Я. Гибианского «Советский Союз и новая Югославия. Очерки становления и развития взаимных отношений (1941 — начало 1947 г.)». Значение этих работ определяется тем, что они на большом фактическом

материале опровергают существующие в англо-американской буржуазной историографии фальсификации, извращающие подлинную сущность отношений СССР с этими двумя странами.

Самое молодое направление исследований проблематики социализма в Институте — исследование социалистической культуры. Коллектив, приступивший к комплексным исследованиям культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период строительства основ социализма был сформирован в конце 70-х годов. В качестве первоочередной перед коллективом встала, однако, задача разработки ряда теоретических вопросов и прежде всего предмета истории культуры как науки. Это вызвано тем, что существующие концепции культуры, разработанные на философском уровне, не давали, как это неоднократно отмечалось в научной литературе, необходимого представления о реальном «теле» культуры и ее структуре, не способствовали вычленению зоны конкретных исторических исследований культуры, не могли служить надежной моделью ее характеристики.

В результате проведенной работы была создана концепция культуры, основы которой изложены в коллективном труде «Культура в общественной системе социализма». Согласно этой концепции культура рассматривается как единая система духовного производства, хранения, распространения и освоения духовных ценностей, как одна из системообразующих подсистем общества. Эта концепция весьма плодотворна: она дает возможность преодолеть фрагментарность и разрозненность традиционных монодисциплинарных исторических исследований духовной жизни общества, и рассмотреть развитие культуры в более тесной взаимосвязи с развитием общества. При этом культура выступает не как пассивный результат общественного процесса, а как один из его важнейших активных факторов.

В этом заключается существенная новизна предложенного методологического подхода в исторических исследованиях культуры, которые прежде традиционно изучали ее исключительно в плане отражательной функции, как своего рода побочный продукт социально-экономического и политического процессов.

Оценивая проведенные в Институте сопоставительные, сравнительно-исторические и комплексные исследования социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы с точки зрения уровня осмысления исторического процесса, «поверки теории историей», углубления теории революции и социалистического строительства, следует отметить безусловно их высокую научную значимость.

К бесспорным позитивным результатам сопоставительного анализа следует отнести разработку типологизации стран региона, что открывает возможность для определения с большой степенью точности содержания и характера основных экономических, социальных, политических и идеологических процессов в каждой из стран как в переходный от капитализма к социализму период, так и на предшествующем этапе.

Сравнительно-исторический анализ послевоенного социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы позволил раскрыть «мирный» характер революционного процесса в этих странах, обусловивший важнейшие черты последующей расстановки социально-политических сил в этих странах, а затем — новые черты политической организации социалистического общества.

Этот анализ внес существенные коррективы в периодизацию процесса социалистического строительства, уточнив соотношение между этапом строительства основ социализма и переходным периодом в целом.

Включение в контекст общеисторических работ историко-культурных исследований позволило выявить важнейшие социокультурные характеристики основных классов и социальных групп общества, а тем самым — возможности человеческого фактора, определяющие содержание и границы ряда стержневых экономических, социальных и политических процессов переходного периода.

Завершая характеристику коллективных исследований, посвященных

анализу социалистического развития в масштабах всего региона стран Центральной и Юго-Восточной Европы, следует еще раз подчеркнуть значение и страноведческих работ. Если попытаться выявить наиболее характерную черту страноведческих исследований, например, по проблемам революций 40-х годов, то следует говорить о преодолении бытовавшего ранее одностороннего подхода к изучению революционного процесса, когда все внимание концентрировалось, как правило, на анализе сюжетов, раскрывающих революционную роль рабочего класса, тактику его политического авангарда. Позиции же других сил, участвовавших в политической борьбе, оставались вне сферы внимания. Работы, подготовленные в Институте за последние годы (Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова), свидетельствуют о переходе к обстоятельному изучению сложных, порой весьма противоречивых, меняющихся от этапа к этапу позиций как разнородных союзников рабочего класса по антифашистскому, антимонополистическому блоку, так и сил, противостоящих революционному авангарду.

Поворот исследователей к этим, ранее «непопулярным» сюжетам имеет принципиально важное значение. Он позволяет дать глубинный анализ совершавшегося в странах Центральной и Юго-Восточной Европы революционного переворота и избежать упрощенческих трактовок так называемого мирного развития революции.

Результаты изучения проблем социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы последнего десятилетия заслуживают, безусловно, самостоятельного историографического анализа. Этот анализ сможет дать более широкую и аргументированную оценку как их позитивному научному вкладу, так и присущих им недостатков.

В этой связи следует отметить, что не все осуществлявшиеся в эти годы в Институте коллективные исследования по проблемам социализма смогли дать ожидаемый итог. Это, в частности, касается характеристики истории социалистического строительства в 60—70-е годы. Объективными трудностями при таких исследованиях были отсутствие полной картины предшествующего исторического этапа строительства основ социализма, незавершенность изучаемых процессов, недостаточная глубина теоретического осмысления данного этапа в целом, отсутствие предварительных страноведческих разработок. Но были и субъективные причины их значительного отставания и неэффективности.

Решения XXVII съезда КПСС подчеркивают актуальность и ответственность изучения проблем социализма, необходимость глубокого освещения и обобщения опыта социалистического строительства, идущих не от привычных и готовых схем, а от тщательного анализа реальной и разносторонней практики исторического процесса. Все это диктует настоятельную потребность поворота к серьезной творческой разработке теории социализма и методологии его изучения.

В этой связи в пятилетний план Института включены два крупных труда, выполняемых совместно с Институтом истории СССР АН СССР — «Методологические и теоретические проблемы изучения строительства социализма в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы» и двухтомный обобщающий сравнительно-исторический комплексный труд «От капитализма к социализму. Общие закономерности и специфические особенности переходного периода в СССР и европейских социалистических странах». Последний из них, в частности, мыслится как исследование, в котором будет продолжено изучение коллективного опыта мирового социализма на материале стран региона и обобщение его всеобщих закономерностей в новую историческую эпоху. Рассмотрение этих проблем в сравнительно-типологическом контексте поможет лучшему осмыслению общего и специфического в опыте строительства социализма в СССР, а тем самым и пониманию актуальных задач текущего этапа.

Выдвинутая съездом новаторская стратегическая линия со всей остротой и настоятельностью требует переакцентировки внимания обществоведов на первоочередной глубокий анализ интенсивных факторов общественного развития, особенно человеческого фактора. Не случайно

поэтому в изучении опыта зарубежных стран на первый план съездом выдвинуты именно эти проблемы — «проанализировать характер социалистического образа жизни, осмыслить процессы совершенствования демократии, методов управления, кадровой политики» [1, с. 72].

Применительно к профилю Института это означает необходимость дальнейшей активизации изучения социальной структуры, социальной политики, широкого развертывания исследований по проблематике культуры европейских стран социализма — причем не только анализа системы культуры во всей ее многоаспектности, но и представляющих сейчас особую актуальность вопросов культурного и образовательного потенциала населения, характеристик «массового сознания», социокультурной типологии формирования нового человека в странах различного исходного исторического уровня и т. д. В этой связи в новый пятилетний план включены, в частности, такие коллективные труды: «Развитие села и структуры сельского населения в европейских странах социализма в 60—80-е годы» (с учетом того, что проблематика развития рабочего класса стран региона исследуется ИМРД АН СССР) и «Развитие социалистической культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы».

Материалы XXVII съезда КПСС ориентируют советских ученых на углубление разработки проблем социализма как мировой системы, на тщательный анализ национально-государственных и интернациональных интересов социалистических стран Европы в борьбе против ядерной угрозы и гонки вооружений, за сохранение и укрепление всеобщего мира, на разоблачение агрессивной политики мирового империализма.

Эта проблематика будет рассмотрена в коллективных работах: «Становление системы социалистических государств в Европе (проблемы истории и историографии)» и «Политика империалистических держав по отношению к европейским социалистическим странам в первое послевоенное десятилетие». Запланировано завершение начатого в предшествующей пятилетке (и упоминавшегося выше) труда «Европейские социалистические страны и проблемы мирного урегулирования в Европе (60-е — первая половина 70-х годов)».

В новом пятилетнем плане в качестве особого направления выделена задача критического анализа буржуазных интерпретаций социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Его результаты должны получить воплощение в коллективной работе «Буржуазная историография проблем социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Критический анализ».

Выполнение этих работ на высоком научном уровне явится важным вкладом в осуществление задач, поставленных перед общественными науками XXVII съездом КПСС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48, с. 578.
3. Маркс — историк. М., 1968.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
5. История Болгарии. Т. 2. М., 1955; История Польши. Т. 3. М., 1958; История Чехословакии. Т. 3. М., 1960; Очерки истории народной Польши. М., 1965; История Румынии. 1918—1970. М., 1971; История Венгрии. Т. 3. М., 1972.
6. *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. 1944—1948. М., 1961; *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964; *Славин Г. М.* Освободительная война в Югославии (1941—1945). М., 1965; *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966; *Зуев Ф. Г.* Польский народ в борьбе против фашизма. М., 1967; *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. 1939—1944. М., 1971; *Парсаданова В. С.* Формирование Национального фронта в Польше. М., 1972.
7. *Галенко П. В.* Социалистическая национализация основных средств производства в Польской Народной Республике. М., 1961; *Нежинский Л. Н.* Очерк истории Народной Венгрии. М., 1969; *Марьина В. В., Мурашко Г. П.* Путь чехословацкого крестьянства к социализму. 1948—1960. М., 1972; *Поквайлова Т. А.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии. 1949—1962. М., 1974.

8. *Марков Д. Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. М., 1983, с. 24—25.
9. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М., 1977; 2-е изд. М., 1982; Из истории народно-демократических и социалистических революций. М., 1977; Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; СССР и борьба народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945. М., 1978; Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979; Культура в общественной системе социализма. М., 1984; Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985; СССР и страны народной демократии: становление отношений дружбы и сотрудничества. 1944—1949. М., 1985; Критика буржуазных фальсификаций истории социалистического содружества в Европе. М., 1986; Из истории социально-политического развития социалистических стран Европы (в печати); *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979; *Марьина В. В.* Крестьянство в революциях 40-х годов. М., 1984; *Зуев Ф. Г.* Социалистическое содружество и разрядка в Европе: исторический опыт политической разрядки второй половины 60-х — первой половины 70-х годов. М., 1984; *Парсаданова В. С.* Польско-советские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1982; *Желицки Б. Я.* Рабочий класс социалистической Венгрии. М., 1985; *Валев Л. Б.* Исследования по новой и новейшей истории Болгарии. М., 1986; *Мурашко Г. П.* Политическая борьба в Чехословакии и национализация средств производства. М., 1986. Находятся в печати; *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия; *Носкова А. Ф.* Крестьянское политическое движение в Польше. Сентябрь 1939 — весна 1948 г.
10. *Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* К вопросу о переходном периоде в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — Советское славяноведение, 1982, № 6.
11. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7—12. М., 1973—1986; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4, кн. I—II. М., 1981—1983; Советско-болгарские отношения и связи. Т. 1—2. М., 1976—1981.

ДОСГЯН И. С., ФРЕЙДЗОН В. П.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (конец XVIII—70-е годы XIX века)

Большинство народов Юго-Восточной Европы еще в средние века оказалось под властью чуженациональных государств. Формирование социальной структуры буржуазного общества и буржуазных наций (как исторической формы существования этого общества) здесь началось в условиях иноземного господства. Власть инациональных феодалов, а на части территории современной Юго-Восточной Европы и крупного инационального капитала, искажала и затрудняла процесс национального развития этих народов. Отсутствие национальной государственности стало одной из причин общественно-экономической отсталости балканских народов в XIX в.

В. И. Ленин указывал, что экономическая основа национальных движений в период поднимающегося капитализма состояла в том, что «...для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке... Образование национальных государств наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения» [1, т. 25, с. 258—259].

В результате национально-освободительных движений в эпоху кризиса феодального строя, зарождения и победы капитализма на политической карте Юго-Восточной Европы менее чем за столетие произошли громадные перемены: к концу 1870-х годов окончательно сформировались четыре полностью независимых государства — Греция, Румыния, Сербия и Черногория. Фактически была освобождена от турецкой власти Болгария. Но часть балканских земель — Македония, Албания, некоторые территории и острова, населенные греками, — по-прежнему находилась в составе Османской империи. Осталась незыблемой и даже расширилась — за счет оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г. — власть габсбургской монархии над югославянскими народами.

Период с конца XVIII в. до 1870-х годов в истории борьбы за образование самостоятельных национальных государств в Юго-Восточной Европе ознаменовался событиями решающего значения. Каждое национальное государство на Балканах прошло за это время своеобразный путь развития, что обуславливалось реальными исторически сложившимися условиями.

В зарубежной историографии появились труды обобщающего характера, посвященные созданию балканских национальных государств. Это подготовленный румынскими авторами сборник «Утверждение наци-

ональных независимых государств в центре и на юго-востоке Европы (1821—1923 гг.)» [2]. В 1980 г. он был издан в Бухаресте на английском языке. В США была опубликована книга Чарльза и Барбары Елавичей «Создание балканских национальных государств. 1804—1920 гг.» [3]. В этих изданиях излагается общая история региона Юго-Восточной Европы (в книге Елавичей — преимущественно территорий, входивших в состав Османской империи), но особенности процесса формирования новых государств, политические программы национально-освободительных движений освещаются слабо. Существенным пробелом является неудовлетворительное, иногда не основанное на аутентичных источниках изображение роли России в процессе формирования балканских национальных государств.

Учитывая недостаточную изученность в нашей стране данной тематики, ее научную и политическую актуальность, Институт славяноведения и балканистики АН СССР подготовил коллективный обобщающий труд «Формирование независимых национальных государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в.», который недавно вышел из печати. Задача данной статьи — изложить в обобщенном сравнительно-историческом плане некоторые основные вопросы, которые касаются условий, особенностей складывания национальных государств в Юго-Восточной Европе.

При рассмотрении этих проблем необходимо учитывать существенные различия исходных позиций каждого народа в отношении состоянии производительных сил, социальной структуры, различия в политическом положении, государственных традициях. Часть южно-славянских народов — все словенцы, большинство хорватов, часть сербов — и румын (влахов) входила в состав габсбургской монархии — одной из великих держав Центральной Европы и находилась в социально-экономических, политических и культурных условиях, присущих восточной части Центральной Европы. В значительно более тяжелых условиях находились народы под властью Османской империи — греки, болгары, большая часть сербов, часть хорватов, молдаване и валахи, албанцы.

Борьба за национальное освобождение некоторых из этих народов и положила начало возникновению в Юго-Восточной Европе новых государств. Этот процесс на протяжении рассматриваемого периода прошел несколько этапов, определявшихся как особенностями внутреннего развития региона, так и внешнеполитическими условиями — оба фактора были взаимосвязаны.

Начальный этап можно ограничить концом XVIII в. и 1820-ми годами. Важнейшими событиями на Балканах тогда были национально-освободительные революции в Сербии (1804—1813 и 1815 гг.) и в Греции (1821—1829), восстание Тудора Владимиреску в Дунайских княжествах. В результате этих движений и русско-турецких войн (особенно войны 1828—1829 гг., закончившейся Адрианопольским миром) были закреплены широкие автономные права Сербского, Молдавского и Валахского княжеств, создано Греческое королевство (1830).

Окончанием Крымской войны 1853—1855 гг. завершается второй этап, характеризовавшийся расширением национально-освободительного движения в Болгарии, Боснии и Герцеговине, а также обострением социальной борьбы в ходе формирования буржуазной основы новых государств — Греции, Сербии, Румынии.

Со второй половины 1850-х годов начинается третий этап, когда кризис османского феодализма достиг особой остроты. Происходит дальнейший подъем освободительных движений в балканских владениях Порты, апогеем которых явились события 1875—1876 гг.: Старозагорское и Апрельское восстания в Болгарии и восстание в Боснии и Герцеговине. Постепенно упрочиваются позиции Сербии, Греции, Черногории, в единое государство объединились Дунайские княжества, обострилась борьба между великими державами за влияние на Балканах.

Данный период завершился Восточным кризисом 1875—1878 гг., русско-турецкой войной 1877—1878 гг., освобождением русской армией

Болгарии и формальным признанием Портой независимости Сербии, Черногории, Румынии.

Что касается Австрийской империи, то здесь историческими событиями, повлиявшими на положение угнетенных народов, явились революция 1848—1849 гг. (которая хотя и потерпела поражение, однако покончила с феодальным строем) и перестройка габсбургской монархии на основах австро-венгерского дуализма в 1867 г.

Турецкие владения на юго-востоке Европы представляли собой конгломерат областей и районов, различных по уровню общественно-экономического развития. Здесь имелись крупные, сохранившиеся от времен Византийской империи города и порты, участвовавшие в международной торговле, центры ремесла и мануфактур, районы с товарным земледелием. Но много было и почти не связанных с внешним миром районов, в которых господствовали натуральное хозяйство и патриархальные отношения. Религиозная принадлежность определяла политическое и социальное положение подданных султана. Мусульмане независимо от их этнического происхождения составляли господствующие народности, христиане — угнетенные.

Введенное после турецкого завоевания (XV—XVI вв.) военно-административное деление на беглербейства (или эялеты) и санджаки (позднее пашалыки) наложилось на установившееся в период средневековья размежевание между балканскими территориями по географическим, государственным и этническим признакам. Эти «исторические провинции», отражавшие хотя и в самой грубой форме границы расселения отдельных этнических и национальных групп, стойко сохранялись несмотря на все перемены в военно-административном управлении. Различия между балканскими народами по языку, этническому происхождению, общественно-экономическим особенностям и психическому складу осознавались достаточно четко, хотя в определенной мере нивелировались религиозной общностью: большую часть населения Европейской Турции составляли православные. Население отдельных районов и областей часто гораздо яснее осознавало свою принадлежность к мелким этническим группам, чем к народности в целом.

После турецкого завоевания среди балканских народов не угасали воспоминания о национальной государственности, уходившие корнями в далекое прошлое, во времена расцвета того или иного государства. Особенно стойко догмат «исторического права» на самостоятельную государственность поддерживался среди греков и сербов. Сосредоточение в руках Константинопольского патриаршества религиозной власти над значительной частью православного населения Балканского полуострова способствовало поддержанию на протяжении нескольких веков турецкого господства религиозно-мессианской идеи о возрождении античной Греции или Византийской империи. Важную роль в сохранении средневековых государственных традиций сыграло объединение значительной части южнославянских земель под единой церковной властью в результате восстановления сербского патриаршего престола в Пече (1557). Православная церковь сербов в некоторой мере выполняла государственные функции. Духовенство поддерживало сохранявшиеся в народе воспоминания о некогда сильном и обширном Сербском государстве и надежды на грядущее воссоздание державы Неманичей, Душанова царства. В XIX в. эти идеологические факторы играли немаловажную роль в борьбе за национальную государственность.

На формирование программ национально-освободительных движений балканских народов влияли идеи Великой французской революции, хотя степень этого влияния была различной. В Греции — наиболее развитой в общественно-экономическом отношении балканской стране — их воздействие оказалось непосредственным и значительным.

Последние десятилетия XVIII в. и начало XIX в. были переломными как во внутреннем, так и во внешнеполитическом положении Османской империи и народов, находившихся под ее властью. Усилилось разложение военно-ленной системы — общественно-экономической базы госу-

дарства. Военные ленники вытеснялись новыми помещиками, владевшими землей на правах безусловной собственности. Страна постоянно ощущала недостаток денежных средств, ее военная мощь падала. Вести завоевательные войны, которые ранее (до XVII в.) служили важным источником пополнения казны и обогащения класса феодалов, было уже невозможно. В империи ослабла центральная власть и усилились сепаратистские тенденции со стороны местных феодалов и назначаемых Портой пашей из числа феодально-помещичьей знати. Феодальные распри разгорались и затухали то в одной, то в другой части государства.

Более просвещенная и дальновидная часть господствующего класса Турции осознавала нависшую угрозу распада и гибели некогда могущественной империи османов. В конце XVIII — первые годы XIX в. султан Селим III начал проводить реформы, целью которых было укрепление военно-ленного землевладения, упорядочение финансов и администрации и — главное — создание регулярного, обученного по-европейски войска вместо полностью разложившегося янычарского корпуса. Эта попытка создать сильное абсолютистское государство, не затрагивая основ старого общественного строя, закончилась провалом. Государственный строй Османской империи, традиционные мусульманские институты сдерживали разложение феодализма и становление капиталистического уклада в стране. Эти процессы начались на Балканах позднее, чем в большинстве европейских стран. Формировавшаяся местная буржуазия, опережавшая в своем развитии буржуазию турецкую, должна была изыскивать возможности для накопления капиталов в государстве, где отсутствовали элементарные условия для предпринимательства и торговли. Она должна была прибегать к изощренным способам, чтобы защитить свою собственность и товары от турецких властей, пашей, вышедших из подчинения Порты, мятежных янычар и разбойничьих банд. Беспрепятственное проникновение на рынки Османской империи промышленных изделий из западноевропейских капиталистических государств, связанное с так называемой системой капитуляций, которая окончательно оформилась в XVIII в., также подрывало возможности развития местной промышленности. Положение непосредственных производителей в балканском регионе становилось все более неблагоприятным по мере развития промышленного переворота в Европе (с последних десятилетий XVIII в., а особенно с середины XIX в.). Разложение феодальной структуры не сопровождалось соответствующим по темпу и сколько-нибудь значительным по объему развитием капиталистического уклада [4]. В сущности, переход к капитализму на Балканах был возможен лишь после ликвидации османского господства и создания государств на новой социальной основе. Поэтому в первые десятилетия XIX в. начался резкий подъем национально-освободительных движений балканских народов.

Эти движения имели различные формы, и не было прямой зависимости между степенью общественно-экономического прогресса отдельных народов и интенсивностью их борьбы за освобождение от власти султана. Все зависело от ряда обстоятельств, в том числе от местоположения той или иной национальной области, ее стратегического значения в тот или иной период, от демографических условий, системы управления и аграрных отношений, от религиозной принадлежности населения и проч. В силу такого рода разнообразных причин Черногория, очень отсталая в общественно-экономическом отношении маленькая область, в результате героической борьбы ее свободолюбивого населения в конце XVIII в. была уже фактически независимой. И наоборот, в гораздо более развитой экономически Болгарии вооруженная борьба за освобождение и создание своего государства началась позднее и завершилась в основном лишь в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Распад Османской империи шел с окраин — кусок за куском от нее отделялись, формируясь в самостоятельные государства, периферийные владения.

В XVI—XVIII вв. восстания на Балканах начинались обычно во время войн, которые вели европейские государства с Османской империей.

Ни одна из этих войн не окончилась сокрушительным разгромом Турции, а сопровождавшие их восстания неизменно терпели поражения. С начала XIX в. восстания против турецкой власти возникают не обязательно в связи с благоприятной внешнеполитической ситуацией. Так, национально-освободительные революции в Сербии и Греции начались при неблагоприятной международной обстановке и затем сами оказывали на нее влияние. Это свидетельствовало о накоплении важных внутренних социальных причин освободительных движений. Но в целом на освободительную борьбу балканских народов чрезвычайно сильно влияли внешние факторы: политика великих европейских держав в Восточном вопросе и на Балканах, в частности. Менялись конкретные вопросы, вокруг которых разгорались споры, менялась расстановка сил. Но почти неизменным в балканских делах оставалось противоборство между Россией и теми или иными западными державами.

Наиболее активную политику в отношении Османской империи и ее балканских подданных в рассматриваемый нами период вела Россия. Она стремилась расширить российские владения на Кавказе, закрепиться в устье Дуная, создать благоприятные условия для торговли и судоходства в Черном море и проливах, ведущих в Средиземное море. Босфор и Дарданеллы имели громадное стратегическое и торговое значение, и царизм пытался установить над ними свой контроль. Но в XIX в. царское правительство не добивалось территориальных приобретений за Дунаем. Здесь, на Балканах, оно стремилось к созданию национальных государств (на первых порах хотя бы вассальных султану), видя в них своих будущих надежных союзников. Особенно четко эта политика была сформулирована накануне Крымской войны и подтверждена и развита в 60-х годах XIX в. А. М. Горчаковым.

Другие европейские державы — Великобритания, Франция, Австрия — также преследовали экспансионистские цели в этом регионе, отторгли окраинные владения Османской империи, но вместе с тем хотели превратить последнюю в «барьер» против предполагаемых устремлений России. Поэтому они отстаивали принцип сохранения *status quo* на Балканах и Средиземноморье, большей частью противодействовали созданию в этом регионе автономных или полностью независимых от Порты государств, считая, что они окажутся в сфере русского влияния.

В период подготовки и после начала Крымской войны К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачали внешнею политику российского самодержавия как оплота реакции в Европе, но не менее решительно осуждали и систему поддержания *status quo* на Балканах и Ближнем Востоке, в которой правительства западных капиталистических держав видели средство не только для противодействия этой политике, но и для обеспечения своих эксплуататорских интересов в Османской империи. Классики марксизма признавали решающую роль России в процессе национального освобождения балканских народов. Они считали, что «...пребывание турок в Европе представляет собой серьезное препятствие для развития всех ресурсов, которыми обладает фракийско-иллирийский полуостров», что «... от турок следует освободиться». Однако решить эту задачу необходимо революционным путем [5].

Действительно, национально-освободительные революции поработенных Османской империей народов открывали путь для наиболее прогрессивного решения проблемы создания на Балканах независимых национальных государств. Однако сила таких революционных выступлений, слаженность их действий были недостаточны для сокрушения Османской империи. Совместные акции возникших балканских государств были затруднены ввиду противоречий и взаимного недоверия между их правящими кругами.

Распад Османской империи как полиэтнического государства и возникновение самостоятельных национальных государств на Балканах были тесно связаны с русско-турецкими войнами, которых (если считать с конца 60-х годов XVIII в.) было шесть (1768—1774, 1787—1791, 1806—1812, 1828—1829, 1853—1855, 1877—1878). Эти войны составили целую

эпоху в истории балканского региона. Каждая из них (исключая неудачную для России Крымскую войну) имела следствием ослабление державы османов и большей частью политическую перестройку ее владений. Необходимо учитывать, однако, что царизм не был принципиальным и последовательным поборником вытеснения Османской империи из Европы и создания в балканском регионе новых государств. Петербургский двор иногда вел политику сдерживания национально-освободительного движения подданных султана, старался предотвратить развал империи, рассчитывая установить над «слабым соседом» свой контроль. Но в целом экономические и политические интересы России и Османской империи в бассейне Черного моря, на Кавказе и на Балканах сталкивались. А это, в свою очередь, благоприятствовало освободительному движению народов Юго-Восточной Европы.

С возникновением Восточного вопроса Балканы стали частью общеевропейской международной системы. Несмотря на изоляционистскую политику, Турция постепенно втягивалась в экономическую и политическую жизнь Европы, превращаясь в одно из важных звеньев системы «равновесия сил». Правительства великих держав все более активно вмешивались во внутренние дела Османской империи. Необходимость существенных преобразований государственного и общественно-экономического строя империи осознавалась частью турецкого господствующего класса. К реформам ее побуждали международная обстановка и национально-освободительные движения подданных султана. Политика реформ начала проводиться со второй половины 20-х годов и была продолжена в конце 30—50-х годов (период танзимата). В Гюльханейском хатте 1839 г. всем подданным султана была обещана личная безопасность, неприкосновенность имущества, справедливое распределение и взимание налогов, отмена откупной системы, публичность судебных процессов, упорядочение призыва в армию и т. д. Указ декларировал полное равноправие всех жителей империи независимо от веры. Гюльханейский хатт был подтвержден хатт-и хумайюном 1856 г. При всей своей ограниченности эти реформы имели буржуазный характер и могли бы способствовать введению буржуазных норм, обеспечить стране известный прогресс, улучшить положение нетурецких национальностей, если бы они последовательно вводились в жизнь. В целом танзимат содействовал росту буржуазии, в том числе и нетурецкой, но не в меньшей мере усилил позиции иностранного капитала в Османской империи.

Танзимат не привел к существенному улучшению положения балканского населения, не снял остроты социальных и национальных противоречий в странах и областях, где Порта и турецкая администрация сохраняли полную власть: в Болгарии, Македонии, части сербских и греческих земель, в Боснии и Герцеговине, Албании. В 60-х — первой половине 70-х годов внутреннее положение Турции неуклонно ухудшалось.

Неоднократно предпринимавшиеся на протяжении конца XVIII—XIX вв. попытки стабилизировать положение в Османской империи терпели неудачу. Реформы встречали отчаянное сопротивление со стороны феодально-клерикальных мусульманских кругов. Непоследовательные и во многом остававшиеся на бумаге реформы все-таки в какой-то мере изменили к лучшему положение верхов городской торгово-ростовщической буржуазии, тогда как обнищание крестьянства и ремесленников, по-прежнему терпевших произвол и насилия, продолжалось. Положение народных масс — как христиан, так и мусульман — становилось особенно невыносимым, потому что глубокий кризис османского феодализма не сопровождался сколько-нибудь интенсивным формированием капиталистического уклада. В этой ситуации торговая буржуазия угнетенных народов ориентировалась в основном на иностранные рынки.

Все это обусловило тенденцию к распаду империи османов, социально-политический строй которой был несовместим с капиталистическим развитием и общественным прогрессом поработенных народов. «Создание

объединенных национальных государств на Балканах, свержение гнета местных феодалов, окончательное освобождение балканских крестьян всяческих национальностей от помещичьего ига, — такова была историческая задача, стоявшая перед балканскими народами», — отмечал В. И. Ленин [1, т. 23, с. 38]. Характерно, что представители угнетенных народов редко выдвигали программы преобразования султанской империи. В ходе национально-освободительной борьбы они обычно добивались или полной независимости или широкой автономии, внутренней самостоятельности.

Но события 1875—1876-х годов ясно показали, что сил подданных султана далеко недостаточно, чтобы сбросить иноземную власть. Восставшие терпели поражение. Сложные и не всегда дружественные отношения между балканскими государствами — Грецией, Румынией, Сербией и Черногорией — не давали им возможности выступать единым фронтом против Порты. Нужен был могучий небалканский фактор, чтобы склонить чашу весов в пользу создания в Юго-Восточной Европе самостоятельных национальных государств. Начало Восточного кризиса 1875—1878 гг. с полной очевидностью обнаружило бессилие попыток европейской дипломатии добиться решения балканских проблем путем переговоров. Принцип поддержания *status quo* в Юго-Восточной Европе, которого придерживались Великобритания, Австро-Венгрия и Франция, терпел крах. В этих условиях открывалось поле деятельности для России. Ее боязнь вновь, как и в 50-е годы, оказаться во внешнеполитической изоляции и поиски компромисса с Габсбургами привели в конечном счете к австро-русскому Рейхштадтскому соглашению 1876 г. и Будапештской конвенции 1877 г., согласно которым Австро-Венгрия в обмен на нейтралитет в надвигающейся русско-турецкой войне получила согласие Петербурга на оккупацию Боснии и Герцеговины.

В делах, касавшихся Османской империи, царизм действовал по трезвому расчету, стремясь обеспечить себе прочное политическое влияние на Балканах. Целью начавшейся весной 1877 г. войны с Османской империей было провозглашено освобождение Болгарии и балканских стран [6, с. 149—150]. Столь значительных результатов России не удалось достигнуть. Ход войны, международная обстановка после ее окончания определили реальные перемены в политической карте Юго-Восточной Европы. Но итоги войны были для балканских народов очень важными и в целом благотворными. С этого времени проблема создания самостоятельных национальных государств на Балканах вступила в новую фазу развития.

В совершенно иной общественно-экономической и политической ситуации в рассматриваемый период находились югославяне и часть валахов (румын), входившие в состав монархии Габсбургов. В XVI—XVII вв. для этих народов австрийское государство являлось оплотом прежде всего против внешней угрозы, угрозы завоевания османами, что придавало смысл существованию этой многонациональной средневропейской державы, несмотря на тяжкий гнет габсбургского абсолютизма.

Главное различие между Австрийской и Османской империями состояло в том, что в габсбургской монархии в эпоху «вторичного закрепощения» крестьянства, с конца XVII в., в недрах феодального строя более или менее интенсивно развивался капиталистический уклад. Несмотря на упорное стремление феодально-абсолютистской реакции сохранить свои привилегии, здесь в XVIII в. осуществлялись реформы просвещенного абсолютизма, открывшие определенные возможности дальнейшей буржуазной эволюции социальной структуры. Буржуазия не только господствующей, но и угнетенных наций получила некоторые перспективы развития.

Революция 1848 г. в Австрийской империи ликвидировала феодальный строй, большая часть повинностей крестьян отменялась за выкуп, но крупное помещичье землевладение и некоторые крестьянские обязательства в отношении помещиков сохранились на десятилетия, что в значительной степени предопределило всю общественно-политическую струк-

туру государства, прежде всего его восточной половины, в частности, хорватских, сербских и румынских земель.

Режим неабсолютизма (1851—1859) распространил на Венгрию, Хорватию-Славию, Воеводину и Трансильванию, т. е. на все «территории венгерской короны» австрийское законодательство, буржуазное по своим принципам. В 1867 г. в Австрийской империи завершился период основных конституционных реформ, начавшийся революцией 1848—1849 гг. Австро-венгерское соглашение 1867 г. способствовало дальнейшему развитию капитализма в буржуазно-помещичьей Австро-Венгрии.

Национальная буржуазия, несмотря на немалые трудности, переживаемые ее отдельными группами, постепенно приспосабливалась к новым условиям, к имперскому рынку. Это обусловило слабость и неустойчивость радикальных буржуазных течений антигабсбургской направленности (т. е. группировок, стремившихся к национальной независимости) и на долгое время преобладание в буржуазной среде лояльности к Габсбургам. Относительно слабая словенская, хорватская, сербская и румынская буржуазия в габсбургской монархии не была революционной ни в социальной, ни — за некоторыми исключениями — в национальной области. Она страшилась обострения классовой борьбы. Национальная буржуазия долгое время стремилась не столько к разрушению габсбургской империи, сколько к ее реформированию, надеясь таким путем избавиться от чуженационального господства. Периодически выдвигавшиеся отдельными политическими группами идеи национально-государственной независимости до 60-х годов не получали заметной общественной поддержки из-за страха национальной буржуазии перед экспансией соседних держав в случае распада австрийского государства. В. И. Ленин отметил это «чрезвычайно своеобразное» положение в Австрии, где венгры (после 1848 г.) и чехи именно в интересах своих национальных прав тяготели к сохранению целостности государства [1, т. 25, с. 270]. Аналогичные опасения испытывали словенцы и хорваты.

Австрославистские концепции, исходившие из желательности для славян сохранения австрийского многонационального государства и целесообразности решения национальных проблем славянских народов в его рамках, имели значительное влияние в югославянских землях, однако среди сербов они не пользовались широкой популярностью. Получили также распространение различные проекты федерализации империи. Одни из них предполагали путь реформ и компромиссов с династией, другие имели цель прикрыть планы радикальных сил, мечтавших о независимых национальных государствах. Постепенно созревали идеи государственной независимости. У хорватов и сербов габсбургской монархии они проявились в 1848 г., когда, как казалось современникам, империя находилась у порога гибели; более широко и систематично они были сформулированы в 60-х годах. У хорватов и сербов они получили воплощение в проектах создания как суверенных национальных государств, так и государства южнославянского или в форме балканской конфедерации. Более широкая общественная поддержка этих программ в габсбургской империи была обусловлена трудным социально-экономическим положением большинства средних слоев и подъемом национально-освободительной борьбы сербов, болгар и греков против османской державы на Балканах. Большую роль сыграло и разочарование в результатах событий 1848—1849 гг., когда борьба австрийских славян и румын за превращение империи в федеративное государство потерпела неудачу. Наконец, выдвижению более смелых планов способствовали: активизация политики России в 60-е годы, успешное завершение борьбы за создание национальных государств в Италии (1860, 1866) и Германии (1866, 1870) и общая, связанная с этой борьбой неустойчивость международного положения в Европе (войны 1859, 1866, 1870—1871 гг.; в первых двух участвовала Австрия и оба раза потерпела поражения).

В качестве идеологического обоснования программ борьбы за объединение национальной территории, политическую автономию и в ряде случаев за федерализацию Австрийской империи словенцы, хорваты, сербы

и румыны габсбургской монархии использовали теорию «естественного права», «национальный принцип» — классические буржуазные идеи. Наиболее последовательно аргумент «естественного права» выдвигался во время революции 1848—1849 гг. Но хорваты, сохранившие со времен раннего средневековья элементы собственной государственности (автономия части территории, до 1848 г. — сословные дворянские представительные органы, позднее преобразованные в дворянско-буржуазные), в основном ссылались на «историческое государственное право Хорватского королевства» (при этом в зависимости от классовых интересов разные группировки толковали его различно), а сербы на юге Венгерского королевства — на обещанное монархом в конце XVII в. создание особой сербской области во главе с «воеводой».

Итак, в Австрийской империи центробежным тенденциям противостояли центростремительные. После 1848 г. монархии Габсбургов удалось устоять, несмотря на две неудачные для нее войны (1859 и 1866 гг.) и временно стабилизироваться путем реформы 1867 г. Хотя здесь внутриполитические противоречия были весьма острыми, тенденция распада этого государства к 70-м годам лишь едва наметилась.

В целом, выделение национальных государств происходило раньше не там, где уровень развития капитализма был выше (т. е. в Австрии), а там, где особенно тяжелыми были условия национальной жизни, препятствовавшие развитию структуры буржуазного общества (т. е. в Османской империи).

При конкретном рассмотрении хода и результатов процесса формирования буржуазных национальных государств в Юго-Восточной Европе можно заметить общие особенности, что было следствием ряда причин. У большинства народов, находившихся под властью Османской империи, сходны были условия, в которых шло складывание новых государств; эти государства возникали примерно на одной стадии развития — в период разложения феодальных отношений и зарождения капиталистических (иногда при значительном сохранении патриархального уклада); эти государства формировались в эпоху, когда в Европе уже сложился ряд буржуазных государств, устройство которых могло служить образцом, моделью; наконец, все эти государства создавались на фоне сложной борьбы великих европейских держав вокруг Восточного вопроса.

Воздействие такого рода факторов привело к тому, что на Балканах путь народов к буржуазной государственности был иногда более коротким, чем процесс капиталистического развития. Здесь утвердилось несколько национальных государств, имевших сходные типологические особенности. Это были конституционные монархии с сильной властью правителей, с конституционными законами, основанными на принципах буржуазного права. Здесь развивалась и постепенно оформлялась парламентарная система. Таковыми были Греческое королевство, Сербское княжество, Румыния, Болгарское княжество. Лишь в Черногории тескратическое по форме правление в середине XIX в. было заменено неограниченной (абсолютной) монархией. Все эти государства были небольшими по территории, но уже к концу рассматриваемого периода получили международное признание как полностью независимые (исключая Болгарское княжество). В некоторых из этих государств правителями стали короли или князья-иностранцы (Греция, Румыния, Болгария), другие же (Сербия, Черногория) управлялись национальными династиями. Ключевые позиции в них постепенно переходили к национальной буржуазии, в 60—70-е годы уже начавшей формировать свои политические партии, которые отстаивали интересы той или иной группировки господствующего класса.

Выделение из состава Османской империи самостоятельных национальных государств прежде всего было следствием бурного развития национально-освободительного движения балканских народов, что в некоторых случаях вело к национальным восстаниям и войнам. Отметим, что национальное восстание В. И. Ленин определял как «восстание, стремящееся создать *политическую* независимость угнетенной нации, т. е. *особое* национальное государство» [1, т. 30, с. 115]. Эти национальные восста-

ния и войны на Балканах в XIX в. имели антифеодальную и антиосманскую направленность и создавали условия для развития по капиталистическому пути. Национально-освободительные революции, в ходе которых социальные и национальные проблемы сливались воедино, произошли в Сербии и Греции в первой трети XIX в. В обоих случаях революции переросли в длительные национальные войны. Но освобождение этих стран от власти Порты стало возможным благодаря дипломатической и военной помощи извне, в первую очередь со стороны России. Несколько десятилетий спустя вспыхнуло Апрельское национальное восстание в Болгарии (1876). Однако задача создания Болгарского государства была решена в результате победы России в войне с Турцией 1877—1878 гг. Национальное восстание в Боснии и Герцеговине (1875—1878) не привело к освобождению страны, которая была оккупирована Австро-Венгрией¹.

Ввиду разного уровня общественно-экономического развития балканских стран в период их национально-освободительных восстаний и революций, буржуазные, а тем более буржуазно-демократические преобразования осуществлялись там с различной интенсивностью.

Так, в Сербии, где в начале XIX в. капиталистический уклад еще отсутствовал, начавшееся в 1804 г. восстание открыло возможности для буржуазного развития — как в экономическом, так и в политическом отношениях. Но в 1813 г. восстание потерпело поражение, а с 1815 г. в стране был установлен деспотический режим князя Милоша Обреновича, в условиях которого буржуазные преобразования были затруднены. Под влиянием общественного недовольства сдвиг в этом отношении наступил лишь в 1830-х годах, после признания Портой автономии Сербского княжества, но и в дальнейшем преобразования осуществлялись в обстановке острой внутривластной борьбы. Только к 70-м годам Сербское княжество окончательно оформилось как конституционная монархия с буржуазным правопорядком.

Греческие земли к началу революции 1821—1829 гг. были более развитыми в общественно-экономическом отношении. Однако продолжительные национально-освободительная и гражданские войны сопровождались разорением страны, она оказалось обремененной внешними долгами, установилась фактически самодержавная форма правления короля-иностранца Оттона Баварского. Все это не благоприятствовало общественно-экономическому прогрессу греческого народа. Формирование основ буржуазного правопорядка проходило в Греческом королевстве в ходе длительной борьбы группировок господствующих классов, придерживавшихся различной внешнеполитической ориентации, при постоянном вмешательстве во внутреннюю жизнь страны Франции и Великобритании. Несмотря на все трудности, борьба против самодержавной системы короля Оттона увенчалась успехом. Уже достаточно окрепшая греческая буржуазия, поддерживаемая народными массами, в результате революции 1862 г. добились утверждения в стране конституционной монархии.

В Болгарии идея возрождения национального государства была выдвинута в общей форме еще в XVIII в. Паисием Хилендарским. В первой половине XIX в. оформились конкретные программы борьбы за политическую самостоятельность Болгарии в составе Османской империи. Стимулом к этому послужили вооруженные выступления народа против турецкого владычества, русско-турецкие войны, а также создание на Балканах самостоятельных и полунезависимых государств. В конце 60-х — первой половине 70-х годов в болгарском национальном движении была сформулирована идея основания болгарского национального государства как демократической республики и революционных методов борьбы за ее осуществление. К моменту освобождения Болгарии русской армией в 1878 г. капиталистический уклад уже существовал и при содействии России в стране сразу установился буржуазно-конституционный строй. Но

¹ О характере национальных революций в XIX в., в частности в Юго-Восточной Европе XIX в., в советской историографии высказывались различные взгляды и соображения. Вопрос остается дискуссионным [7].

против него начали ожесточенную борьбу реакционные силы во главе с князем Александром Батенбергом.

Восстание 1821 г. в Валахии под руководством Тудора Владимиреску было многообразным по задачам, имело антифеодальный, антифанариотский и антиосманский характер. Хотя оно потерпело поражение, все же исходные позиции борьбы за национальную государственность в Дунайских княжествах были более благоприятными, чем в Болгарии или Сербии, ввиду существования автономной государственной организации, наличия национального господствующего класса. Румыния как целостное государство сложилось путем объединения Молдавского и Валахского княжеств при значительной поддержке со стороны России и Франции. Это было единственное государство Юго-Восточной Европы, возникшее мирным путем, при использовании дипломатических методов, что, конечно, не исключало острых социальных конфликтов, сопровождавших процесс его формирования. И все же только русско-турецкая война 1887—1878 гг., которую Россия вела в союзе с Румынией, принесла последней полную государственную независимость.

Что касается Черногории, то борьба ее народа против Порты за самостоятельность, продолжаясь в течение нескольких столетий, длительное время не была связана с развитием буржуазных отношений. Но в результате этой борьбы медленно и постепенно складывалась черногорская государственная организация. В этом отношении большую роль играло преодоление племенного сепаратизма благодаря неутомимой деятельности черногорских правителей-митрополитов и части старейшин, систематически пользовавшихся материальной и дипломатической помощью со стороны России.

По типу общественно-экономических отношений албанские земли имели определенное сходство с Черногорией, но процесс их национальной и политической консолидации шел замедленно. Большую часть населения здесь составляли мусульмане, имелись крупные и очень влиятельные в Османской империи феодальные владетели, стремившиеся к политической самостоятельности. Образование во второй половине XVIII в. полунезависимых Шкодринского и Янинского пашалыков оказало в целом положительное влияние на политическую и национальную консолидацию албанского народа. Но Порте удалось расправиться с албанскими пашами-сепаратистами. Лига Призрена, образовавшаяся в 1878 г. (конкретно — ее радикальное течение), впервые выдвинула программу борьбы за самостоятельное национальное развитие албанских земель, требование предоставления им автономии в составе Османской империи.

Таким образом, каждое из балканских государств прошло свой неповторимый путь развития прежде, чем вошло в международную европейскую систему. Но все без исключения государства, выделывшиеся из состава Османской империи, пользовались дипломатической, иногда материальной и часто военной помощью со стороны России. И наоборот, в большинстве случаев остальные великие державы, в первую очередь Австрия и Великобритания, следуя принципу поддержания *status quo* в Юго-Восточной Европе, противодействовали созданию балканских государств.

Сложным и многообразным было влияние внешних факторов на принципы государственного устройства молодых государств. Воздействие России тут также было непосредственным и сильным. Но нередко царизм проявлял в этом отношении робость или консерватизм, так как постоянно опасался проникновения на Балканы революционных, демократических идей. Подобные тенденции можно проследить на примере участия русской стороны в разработке конституции Сербии во время Первого сербского восстания и позднее, в 30-е годы; на примере создания Органических регламентов Дунайских княжеств 1831 г. — этих боярских конституций. Важно, однако, подчеркнуть, что царизм, способствуя национальному освобождению балканских народов и стремясь поддержать свое влияние среди них, не пытался насаждать в новых государствах реакционных самодержавных, феодально-крепостнических (до 1861 г.) порядков, господ-

ствовавших в самой России, ибо понимал несоответствие их существующим в Юго-Восточной Европе условиям. В целом, при формировании государственной структуры Греции, Сербии, Черногории, Дунайских княжеств, Болгарии чаще наблюдалось преобладающее влияние не России, а капиталистических европейских держав, в первую очередь Франции. Именно по образцу конституций времен Великой французской революции, бельгийской конституции 1831 г., государственного устройства Швейцарии разрабатывались конституционные проекты молодых балканских государств: Греческого королевства (1864), Румынии (1866), Сербского княжества (1869). Кодекс Наполеона использовался при составлении гражданского законодательства. Большое влияние на Сербское княжество оказывало законодательство Австрийской империи. В Болгарии Тырновская конституция, провозглашенная в 1879 г., создавалась русской администрацией и санкционировалась Петербургом, но по содержанию была буржуазно-либеральной. Ее русские авторы основывались на требованиях и программах, выдвигавшихся болгарскими буржуазными деятелями, которые заимствовали основные принципы государственного устройства соседних балканских государств.

Очень болезненным был процесс территориального формирования балканских стран. При своем возникновении они включали далеко не все населенные данным народом земли. Поэтому неизбежно возникала задача освобождения части народа, оставшегося под османской властью, расширения государственных границ. Решать ее приходилось в тяжелой и длительной борьбе дипломатическими и военными средствами, при вмешательстве великих держав. С другой стороны, развитие национального самосознания порождало стремление к национальной консолидации. Все это было причиной возникновения идей и планов политической перестройки в Юго-Восточной Европе и создания там крупных государств. Подобные явления можно проследить, начиная с 40-х годов, в общественно-политической жизни Греческого королевства (мегали идея) и Сербского княжества («Начертание» 1844 г.), т. е. у народов, наиболее стойко сохранивших традиции былой государственности, исторического права. Эти идеи и движения имели двойственный характер, так как, с одной стороны, выражали стремление к созданию своих суверенных национальных государств, а с другой — приобретали националистическую, великодержавную направленность.

Позднее, в 60-е годы, на Балканах распространились идеи и программы межнациональных союзов, конфедераций. Их возникновение можно объяснить относительной малочисленностью и политической слабостью каждого народа в отдельности, в связи с чем настоятельной необходимостью стали поиски союзников как в освободительной борьбе, так и в отстаивании своих политических позиций перед лицом крупных держав. Борьба за свободу и суверенность наций в Юго-Восточной Европе сопровождалась поисками путей к созданию различных межнациональных объединений, новых многонациональных государств с родственным составом населения. Возникали и проекты федерации земель, различавшихся между собой исторической социальной и культурной спецификой. Одной из причин появления проектов межнациональных объединений было совместное или чересполосное размещение разных народов. Четкие границы между этническими территориями подчас отсутствовали, и проекты государственного размежевания обычно порождали конфликты между соседними народами. Наконец, проекты создания конфедеративных объединений нередко диктовались экономическими интересами буржуазии того или иного государства.

Создание национальных буржуазных государств в Юго-Восточной Европе было процессом длительным, сложным и многообразным, тесно связанным с формированием в этом регионе капиталистических отношений и буржуазных наций. К концу 1870-х годов эти процессы не были закончены у всех народов Юго-Восточной Европы. Но их активизации способствовало выделение из состава Османской империи нескольких самостоятельных государств, в большинстве своем типологически близких к евро-

лейским конституционным монархиям с буржуазным правопорядком. Тем самым был открыт путь для национального развития, экономического и социального прогресса греков, сербов, черногорцев, румын, болгар.

В отличие от народов Османской империи, южные славяне и румыны в Австро-Венгрии не имели успехов в утверждении и развитии своей самостоятельной государственности. Хорватия и Славония, правда, сохранили автономию, но в целом хорватские земли остались раздробленными между Австрией и Венгрией; кроме того, югославяне-католики, которые постепенно сливались с формирующейся хорватской нацией, находились в Боснии и Герцеговине, оккупированной габсбургской монархией. Также раздробленными в административно-политическом отношении остались словенцы и сербы. Наконец, под властью Габсбургов оказались боснийские мусульмане.

Тем не менее ввиду коренных изменений государственно-политической ситуации бывших османских владений возникла — пока еще отдаленная — историческая перспектива национального освобождения и государственного самоопределения всех народов Юго-Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. *AŃimarea statelor naŃionale independente unitare din Centrul Ńi Sud-Estul Europei (1821—1923)*. BucureŃti, 1979.
3. *Jelavich Ch., Jelavich B. The Establishment of the Balkan States. 1804—1920*. University of Washington Press, 1977.
4. Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982, с. 346.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 9, с. 3—4, 6, 10, 20—26, 31—36, 168, 219, 240; т. 10, с. 6; т. 14, с. 511—512.
6. Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е гг. XIX в. М., 1970.
7. Фрейдзон В. И. Революционность и реформизм в национальных движениях XIX в. (типологическая характеристика). — Советское славяноведение, 1975, № 2; *Нароцницкий А. Л.* Характер и значение Первого сербского восстания 1804—1813 гг. — Новая и новейшая история, 1981, № 4; *Карасев В. Г.* Первая буржуазно-национальная революция на Балканах (К вопросу о характере сербского восстания 1804—1813 гг.). — Советское славяноведение, 1983, № 3; *Гросул В. Я.* Реформы и революции на Балканах в XIX в. — Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. Балканские исследования, № 9. М., 1984.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА STATUS QUO В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА БАЛКАНАХ (1790—1809)

Восточный вопрос занимал важное место в политике Великобритании на протяжении всего XIX в. Серьезную заинтересованность Англии в делах Османской империи можно отнести к «временам Очаковским и покоренья Крыма». У. Питт-младший, стоявший во главе британского правительства с 1783 г., пристально следил за ходом русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Великобритания вовсе не желала усиления позиций Российской империи на Востоке. К концу 1790 г. было принято решение потребовать от России возвращения всех отвоеванных ею земель, за исключением Крыма. В противном случае ей угрожали военным вмешательством [1, р. 203—209]. Турции при этом было заявлено, что Россия собирается напасть на турецкие порты в Красном море, послав туда свой флот с Балтики под голландским флагом вокруг мыса Доброй Надежды! [2, р. 373].

Георг III поддержал Питта в этом вопросе. Были предприняты дипломатические шаги. В Берлине и Гааге удалось добиться обещаний помощи, в Копенгагене и Мадриде — «строжайшего нейтралитета»; союзница России в этой войне Австрия начала переговоры о мире с Портой и вскоре подписала мирный договор.

27 марта¹ в Санкт-Петербург был направлен английский ультиматум. Питту оставалось теперь только получить одобрение парламента на подготовку флота к военным действиям. Дебаты начались на следующий день после отправки в Россию ультиматума. В палате лордов Питт получил большинство. Но в палате общин оппозиция выступила против вотирования военных кредитов. Речи произносили Ч. Дж. Фокс и Э. Берк — по оценке У. Черчилля «два величайших оратора своего времени» [3, р. 203]. Им возражал сторонник Питта Р. Б. Дженкинсон (позже — лорд Хоксбери, с 1809 г. — лорд Ливерпул). Он заявил, что действия России нарушают европейское равновесие. Берк отвечал ему, что, во-первых, Турция не является составной частью баланса сил в Европе; во-вторых же, «любую христианскую державу надо предпочесть этим дикарям-разрушителям» [4, р. 43]. Планы Питта Берк назвал «антикрестовым походом».

Именно тогда, 29 марта 1791 г., во время «первого реального обсуждения принципа Восточного вопроса» [4, р. 209; 1, р. 211] прозвучали слова, выразившие суть английской внешней политики на сто лет вперед: «Увеличение мощи России и ослабление Турции затрагивают наши интересы — как коммерческие, так и политические» [4, р. 43].

Питт поставил на первое место коммерческие интересы Англии. В это время политика Великобритании на Востоке волновала в основном Леван-

¹ Все даты приводятся по повому стилю.

тийскую (или Турецкую) компанию. До 1804 г. даже многие британские консулы в Османской империи состояли на жаловании у компании [2, р. 353, 364; 4, р. 43; 5, гл. 1].

Дебаты продолжались до конца весны. Питт потерпел поражение. Ультиматум его так и не был вручен Екатерине II. К середине августа британские сановники стали надеяться, что им удастся «не слишком позорно выбраться из очень неприятной ситуации». Внимание Европы было теперь привлечено в основном к событиям во Франции, развернувшимся после неудачной попытки (21 июля) бегства королевской семьи [6, с. 24].

После этого до 1798 г. Великобритания не слишком интересовалась делами на Востоке. Правда, она с некоторой тревогой следила за укреплением позиций Франции в Средиземноморье, особенно после занятия Наполеоном Ионических островов в июне 1797 г. и Кампоформийского мирного договора Франции и Австрии (18 октября 1797 г.), закрепившего это формально. Но когда летом 1798 г. Франция захватила о. Мальту и Александрию, Великобритания почувствовала угрозу своему владычеству в Индии. С особой петицией к У. Питту, прося помощи, обратилась дирекция Ост-Индской компании, утверждая, что истинной целью Бонапарта является Индия. Компания была готова дать правительству заем в 500 тыс. фунтов стерлингов для защиты Индии [4, р. 298].

Вслед за армией Наполеона к устью Нила отправился со своей эскадрой адмирал Нельсон. 1 августа началось сражение при Абукире, закончившееся поражением эскадры адмирала Э. де Брюи².

Особое значение имела проблема Мальты. Формально остров принадлежал рыцарскому ордену Св. Иоанна Иерусалимского и находился под протекторатом Королевства Обеих Сицилий. Мальта занимала стратегически важное положение в Средиземном море, и ее захват не мог остаться в стороне от важнейших событий европейской политики. Французский гарнизон в крепости Ла Валетта вскоре оказался в двойном кольце — с суши осаду вели местные силы, с моря подходы к острову блокировала английская эскадра. Генерал Вобуа сдал крепость только 4 сентября 1800 г.

Тем временем происходили весьма важные события. Хотя Египет в значительной степени находился под властью мамелюкских беев, формально он считался провинцией Османской империи. 9 сентября Порта объявила Франции войну. В поисках союзников Селим III обратился за помощью к России, а потом и к Англии. В результате в конце 1798 — начале 1799 гг. были подписаны договоры между Россией, Англией, Турцией и Королевством Обеих Сицилий.

Договор между Высокой Портой и Великобританией был подписан 5 января 1799 г. (через два дня после заключения русско-турецкого договора), его срок определялся в 8 лет. Особый интерес для нас представляет третья статья договора, по которой обе стороны обязывались не вести переговоров с другими странами и не заключать с ними соглашений, которые могут «задевать целостность владений» Великобритании и Османской империи [8, р. 69]. Вероятно, именно этот договор следует считать исходной точкой политики *status quo*, официально зафиксированной в международном трактате, связавшем две державы³.

Англия заключила договор с Османской империей в противовес Наполеону Бонапарту, стремившемуся к захвату Египта и Сирии. Британия видела в этом угрозу сухопутным путям к своим колониям в Индии, проходившим через владения султана. Морской путь — через Атлантику, мыс Доброй Надежды и Индийский океан — был долгим и сложным. Поэтому Великобритания стала так ревниво относиться к попыткам любой другой державы закрепиться в Восточном Средиземноморье, на подступах к Константинополю.

² После битвы при Абукире Ост-Индская компания «преподнесла в дар» Нельсону 10 тыс. фунтов стерлингов, а Левантйская компания — драгоценный сервиз [7, р. 163].

³ Здесь я расхожусь во мнении с В. Н. Виноградовым, относящим зарождение политики *status quo* к 1807 г. [9, с. 9].

Великобритания настороженно отнеслась к тому, что по условиям русско-турецкого договора российский военный флот получил право прохода через Босфор и Дарданеллы; Черное море при этом объявлялось закрытым для военных судов нечерноморских держав. Англию беспокоило и укрепление русского влияния на Ионических островах после изгнания оттуда французов русскими и турецкими силами под командованием Ф. Ф. Ушакова и Кадыр-бея [10; 11]. В 1798—1799 гг. активную политику там вел адмирал Нельсон, установивший довольно тесные контакты с нобилями некоторых островов [5; 10].

В сентябре 1800 г. после долгой осады сдалась Мальта. По первоначальному плану должен был быть восстановлен ее прежний статус, на чем, в частности, настаивал Павел I, с конца 1798 г. — гроссмейстер мальтийского ордена. Но уже в середине октября лорд Гренвилл, британский статс-секретарь по иностранным делам, под предлогом враждебных действий России принял решение об удержании Мальты. Впрочем, еще 4 сентября, при сдаче французского гарнизона, командующий английскими силами генерал Пигот поднял над Ла Валеттой только английский флаг, несмотря на требование поднять рядом с ним флаги Неаполитанского королевства и Мальтийского ордена, и правительство Великобритании оправдало его действия [1, р. 297—298]⁴.

Тем временем в январе 1800 г. в Эль-Арише, в Египте, была подписана конвенция о прекращении военных действий. Ее заключили преемник Наполеона на посту главнокомандующего французскими силами в Египте генерал Ж. Б. Клебер и У. С. Смит, который руководил англо-турецким гарнизоном крепости Сен-Жан-д'Акр (Акка) во время французской осады. По условиям этой конвенции французские войска должны были быть эвакуированы из Египта. Но британский главнокомандующий адмирал К. Дж. Кейт дезавуировал Смита: английское правительство настаивало на полной капитуляции французских войск. В марте 1801 г. в Египет прибыли дополнительные военные силы под командованием генерала Р. Аберкромби. В июне капитулировала французская армия в Каире, в августе — последний гарнизон в Александрии. Но Великобритания не добилась больших выгод этой победой.

С марта 1801 г. во главе британского правительства стоял Г. Аддингтон, о котором Дж. Каннинг отозвался в ядовитой эпиграмме:

Питт в сравнении с Аддингтоном —
Как Лондон в сравнении с Паддингтоном,

т. е. одним из захолустных районов английской столицы [12, р. 60]. Статс-секретарем по иностранным делам в его кабинете стал лорд Хоксбери — тот самый Р. Дженкинсон, который в 1791 г. утверждал, что если осуществятся планы России в отношении Османской империи, «погибнет равновесие сил в Европе к огромному ущербу всех стран этой части земного шара» [13, р. 29].

Министерство Аддингтона критиковали и современники, и потомки. Главным его просчетом считают заключение 1 октября 1801 г. соглашения о перемирии с Францией и подписание 25 марта 1802 г. Амьенского мирного договора.

Переговоры с Францией о заключении мира начались в марте 1801 г. и велись почти год. В мае Наполеон предложил Англии оставить за ней все захваченные ею во время войны территории, если за Францией будет признано право удержать Египет. Граф С. Р. Воронцов, русский посол в Лондоне, писал со слов лорда Хоксбери, что английское правительство категорически отвергло это предложение: «Гарантировав туркам все их владения, здесь никогда не согласится на такое незаконное отнятие от Оттоманской Порты одной из самых лучших ее провинций» [14, с. 53—54].

Однако несмотря на эту гарантию, данную в 1799 г., уже с 1801 г. Англия требовала от Порты предоставления автономии мамелюкским беям

⁴ Русско-английские противоречия относительно Мальты подробно разобраны А. М. Станиславской [5].

Египта. До этого английское правительство не собиралось отзывать свои войска [5, гл. 3].

Противоречия между Великобританией и Францией четко выявились во время переговоров о мире. «Владычество на морях и контроль над Средиземноморьем были явно главным камнем преткновения» [13, р. 19]. К вопросам восточной политики относились статьи проекта договора, обуславливающие эвакуацию французских войск из Египта на английских и турецких судах (причем если по Эль-Аришской конвенции эти войска не должны были более принимать участие в военных действиях, то теперь это ограничение снималось) [1, р. 299, 305—306]; Египет возвращался Турции; Ионическая республика признавалась независимой. По X статье договора Мальта возвращалась ордену иоаннитов, правда, при выполнении 13 (!) условий. Во время дебатов в парламенте Питт, поддерживавший кабинет Аддингтона, заявил противникам уступки Мальты, что по сравнению с Ост- и Вест-Индией Средиземноморье не имеет сейчас первостепенного значения. В палате лордов эту точку зрения энергично поддержал Г. Нельсон [1, р. 306—308]. Правда, о своих коммерческих интересах в этом регионе Англия все же не забывала. Именно в это время, в 1802 г., Левантская компания добивается права навигации в Черном море и прямой торговли с черноморскими портами [2, р. 359].

По Амьенскому договору Британия должна была эвакуировать свои войска с Мальты в трехмесячный срок, но всячески затягивала это ⁵. Несмотря на заключение договора, она не собиралась так легко уступить один из выгоднейших плацдармов Средиземноморья, на взятие которого ей потребовалось два года.

«Мальта была форпостом Египта, а Египет — форпостом Индии. Если бы остров был в руках только умирающего рыцарского ордена Св. Иоанна, сухопутный путь в Индию быстро оказался бы в руках Наполеона» [1, р. 312—315]. Это было тем более опасно, что усиление позиций Франции в Нидерландах создавало угрозу установления французского контроля над мысом Доброй Надежды (захваченной Великобританией голландской колонией, из которой по Амьенскому договору выводились английские войска) и морским путем в Ост-Индию [16, р. 198—201].

Лорд Т. Элджин, английский посол в Константинополе, уверял: «Порта считает, что ее интересы и покой обеспечены до тех пор, пока Мальта находится в наших руках, но отнюдь не после нашего ухода оттуда» [1, р. 313].

Решимость сент-джеймского кабинета удержать за собой Мальту еще больше укрепилась после того, как 30 января 1803 г. во французском офицозе «*Moniteur*» были опубликованы путевые записки полковника О. Себастиани, вернувшегося из поездки по странам Востока. Себастиани писал о слабости Турецкой империи (с которой полгода назад, 25 июня 1802 г., Франция заключила мир и подписала договор), о неприязненном отношении местного населения к англичанам в Египте. «Сейчас достаточно шести тысяч французских солдат, чтобы завоевать весь Египет», — писал он [17, с. 93]. На протесты английского правительства последовал ответ Ш. М. Талейрана, что это всего лишь мнение частного лица. Тогда же новый губернатор французских ост-индских колоний генерал Декан получил приказ отправиться с экспедиционным корпусом в Пондишерри. Неудивительно, что 9 февраля Хоксбери снова напомнил Уитворту, что тот не должен вступать в какие-либо переговоры по поводу Мальты, пока французское правительство не согласится восстановить *status quo* на день заключения Амьенского мира или не признает права Англии на компенсацию за значительное расширение французских завоеваний за эти месяцы.

⁵ 14 ноября 1802 г. лорд Хоксбери писал представителю Великобритании в Париже лорду Уитворту: «Если французское правительство вступит с вами в какие-либо переговоры касательно острова Мальты, вы должны избегать какого бы то ни было определенного ответа о намерениях его величества [Георга III — Л. З.] по этому вопросу. Это имеет огромное значение... Я рекомендую вам избегать в своих высказываниях всего, что могло бы обязать его величество вернуть Мальту, даже если будут соблюдены все условия и по духу, и по букве X статьи Амьенского трактата» [15, р. 124].

В ответ на это 18 февраля Наполеон во время приема устроил Уитворту сцену, потребовав немедленной эвакуации англичан с Мальты и из Египта и обвинив во всех нарушениях Британию: «Мальта или война! и горе тем, которые нарушают трактаты!» [14, с. 69].

13 апреля Англия потребовала, чтобы Мальта была передана ей на 10 лет. Наполеон заявил: «Я предпочитаю видеть Сент-Антуанское предместье во власти англичан, нежели этот остров!» [14, с. 73].

Попытки уладить разногласия с Францией дипломатическим путем ни к чему не привели, да и не могли привести. Слишком глубоко были противоречия. Нельзя утверждать, что в разрыве виновата какая-то одна из сторон. Когда Александр I предложил свое посредничество в переговорах, отвергнуто оно было именно Англией.

12 мая Уитворт покинул Париж и выехал на родину. 18 мая британское правительство объявило войну Франции. На следующий день Нельсон получил приказ возглавить Средиземноморскую эскадру и немедленно отплыл из Англии [7, р. 290]. В его задачи входила защита Мальты, Сицилии (части Неаполитанского королевства, которому покровительствовала Великобритания), Ионических островов и любой части османских владений, которой могло угрожать вторжение [1, р. 329]. Правда, парламентские дебаты по вопросу голосования военных кредитов начались только 23 мая.

По оценке современных британских историков, Аддингтон и Хоксбери при переговорах с Наполеоном допустили серьезную ошибку: упор делался на мальтийский вопрос — самое «слабое место», а не на нарушение Францией Люневильского и Амьенского договоров (агрессия в Голландии, Италии, вмешательство в дела Швейцарии и др.). Правда, здесь и Великобритания была не без греха: она не собиралась выпускать из своих рук пять принадлежавших Франции городов в Индии, которые захватила в 1801 г. [1, р. 312—326].

В палате общин состоялись бурные дебаты. Ч. Дж. Фокс возмущался, что война фактически начата из-за «голой Мальты, не имевшей ничего общего с большими интересами Европы» [1, р. 328]. Его чувства разделял и У. Питт, который, однако, призвал правящую партию и оппозицию поддерживать действия правительства перед угрозой войны с опаснейшим противником. Он посоветовал обратиться к России с просьбой о посредничестве не только по вопросу о Мальте, но и по европейским проблемам. Александр I предложил противникам следующие условия: Франция выводит свои войска из Голландии, Швейцарии и всей Италии (за исключением Пьемонта), Мальту временно занимают русские войска. Обе стороны отказались: Наполеон счел эти требования чрезмерными, Англия боялась выпустить Мальту из своих рук. Лорд Хоксбери доказывал российскому послу в Великобритании С. Р. Воронцову: «Если б нынешнее или будущие французские правительства когда-либо снова вздумали осуществить свои стяжательные замыслы насчет Египта и Сирии и оттуда приготавливать действительные средства для нападения на английский владения в Индии, то нужно будет им проходить мимо Мальты, откуда английская эскадра легко может разбить такие предприятия. Этот остров, во власти англичан, защитит Египет, Сирию, Морею, Архипелаг, южную Италию и все Средиземное море от французских замыслов» [14, с. 74—75].

Англия не желала уступать России столь удобный форпост. Она и так с глубоким недоверием смотрела на существование Ионической республики под протекторатом России. Английские агенты в Архипелаге доставляли немало неприятностей. Особую активность развивали английский генеральный консул в Албании и Греции Дж. Ф. Мориер и министр-резидент на Ионических островах С. Форести. Полномочный представитель России при Республике Семи соединенных островов граф Г. Д. Моцениго писал, что «в Греции англичан любят турки, а греки их сильно ненавидят... Г-н Мориер... к тому же дал понять туркам, что им следует остерегаться греков» [18, т. II, с. 103—104]. Разногласия же с Форести дошли до такой степени, что С. Р. Воронцов был вынужден обратиться к английскому министерству иностранных дел с просьбой заменить Форести. Воронцов

получил ответ, что Форести будет оставлен на своем месте, но получит инструкцию более тесно сотрудничать с Модениго [18, т. II, с. 663, 110—113].

Особую активность англичан в Греции начиная с 1800 г. отмечал уже позже И. Каподистрия [см. 19, с. 270—271]. С большой неприязнью о русском пребывании в Греции отзывался граф Абердин, побывавший там осенью 1803 г. [1, р. 329—330].

До весны 1804 г. во внешнеполитических действиях Великобритании было некоторое затишье, если не считать участия Англии в роялистском заговоре во Франции [6, с. 126]. Известие о раскрытии этого заговора и роли Англии в нем еще больше подорвало репутацию кабинета Аддингтона.

Тем временем в марте 1804 г. вновь обострился Восточный вопрос. Россия выразила удовлетворение намерением Великобритании противиться планам Франции о разделе Османской империи [18, т. II, с. 131—138]. Ответную ноту товарищу министра иностранных дел России А. Чарторыйскому составлял уже новый глава Форин Оффис Дадли Райдер, граф Гарроуби: в мае было сформировано новое правительство, во главе которого снова встал У. Питт. В состав кабинета вошли шесть членов министерства Аддингтона. Питт хотел включить в состав кабинета и Ч. Дж. Фокса, но этому яростно воспротивился Георг III, в связи с чем несколько сторонников Питта, сблизившиеся за последние месяцы с Фоксом, отказались от различных постов в правительстве, что несколько ослабило позиции Питта в парламенте.

Предвидя возможность попытки Наполеона занять часть владений Османской империи, английское правительство предложило в случае необходимости предусмотреть оккупацию ряда турецких территорий. При этом лорд Гарроуби подчеркивал: «Исключительно важно, чтобы представителям обеих держав было предписано приложить все усилия, чтобы нейтрализовать неблагоприятное впечатление», произведенное на Порту вступлением русских или английских войск на территорию Османской империи [18, т. II, с. 664].

Переговоры шли весьма успешно все лето. Сближению санкт-петербургского и лондонского дворов способствовала их единая реакция на похищение и расстрел герцога Энгийенского. Россия, ведшая в это время переговоры о заключении нового договора с Турцией, сообщила Порте, что будет продолжать переговоры только при условии привлечения к переговорам Великобритании. Английское правительство при этом потребовало, чтобы ему сообщали в полном объеме условия, о которых Россия будет договариваться с Портой [18, т. II, с. 124—125, 678].

Но опять камнем преткновения для двух государств стала Мальта. В ноябре 1804 г. в Лондон со специальной миссией прибыл Н. Н. Новосильцев. Ему было предписано намекнуть на возможность раздела части владений Османской империи, если она «присоединится к французам... или же если в результате их нападения и обстоятельств, которые явятся следствием этого, существование Оттоманской империи в Европе станет невозможным» [18, т. II, с. 149—150]. Если же на территорию империи будут введены русско-английские войска и удастся сохранить целостность Османской империи, на населенных христианами землях ее можно будет создать две республики — греческую и славянскую — по аналогии с Ионической республикой [18, т. II, с. 154].

Первоначально никаких противоречий во время переговоров не возникло. Лорд Гарроуби, писал Новосильцев, «очень милым образом дал мне понять, что если турки не захотят или не в силах будут обороняться, в таком случае русские и англичане могли бы занять некоторые турецкие области, с целью защитить Турцию вопреки ее желанию» [14, с. 91]. Эта беседа состоялась в начале декабря 1804 г. Но немного позже Питт в разговоре с Новосильцевым 25 декабря 1804 г. заявил, что «было бы весьма неpolitично и вредно для основной цели, к которой мы стремимся [т. е. для борьбы с Наполеоном. — Л. З.], замышлять осуществление подобного плана» (речь шла о возможном захвате Россией Константи-

пополя «в качестве крайнего средства») [18, т. II, с. 240]. Проект создания славянского и греческого государств не был затронут вообще.

Ведя переговоры с Новосильцевым, Питт тем временем стремился к укреплению позиций Англии в Мореи и Республике Семи соединенных островов [18, т. II, с. 599—600; 14, с. 78—79; 20; 21; 22].

Еще в ноябре 1804 г. английский поверенный в делах в Стамбуле Страттон обратился к реис-эфенди с письмом от адмирала Нельсона с просьбой пропустить через Проливы английское военное судно «для обозрения побережья этого моря». Реис-эфенди, которого поддержал русский посланник в Константинополе А. Я. Италинский, отказал, ссылаясь на условия русско-турецкого союзного договора 1799 г. [18, т. II, с. 270, 675].

Англия не стала настаивать на этом, но в вопросе Мальты уступать не хотела. Тщетно Александр I напоминал о X статье Амьенского договора — Питт был готов скорее разорвать уже готовый договор с Россией, чем расстаться с Мальтой. Александр уступил. 11 апреля 1805 г. в Петербурге была подписана англо-русская «союзная конвенция о мерах по установлению мира в Европе», куда вошла и статья о Мальте; но при этом подразумевалось, что Англия ее не ратифицирует. Из всех владений Порты упоминалась только Ионическая республика. «Сердечность» англо-русских отношений была очень и очень непрочной.

Уже в сентябре Россия попросила (для ускорения подписания русско-турецкого договора, которое затягивалось из-за происков французских агентов в Стамбуле) послать к Константинополю несколько английских кораблей, но получила отказ. Все же практически до подписания Дарданелльского договора с Портой (т. е. до начала 1809 г.) политика Великобритании в Восточном вопросе была тесно связана с Россией.

Первоначально действиям третьей антинаполеоновской коалиции сопутствовал успех. 21 октября 1805 г. в Трафальгарской битве был разбит флот Наполеона, что уничтожило надежды Франции на господство в Средиземном море: из тридцати трех судов эскадры вице-адмирала П. Ш. Вильнева только тринадцать вернулись в порт. После этого разгрома Вильнев был предан Наполеоном военному суду и покончил с собой в тюрьме⁶.

Но в том же месяце австрийский генерал К. Мак был разбит под Ульмом. Вскоре Наполеон занял Вену. 2 декабря армия союзников была разгромлена под Аустерлицем. Через три недели Австрия заключила с Наполеоном мирный договор в Пресбурге, по которому фактически перестала существовать «Священная Римская империя германской нации». Вскоре Пруссия заключила с Францией договор, по которому получила Ганновер — наследственное владение английских королей.

23 января 1806 г. скончался заклятый враг Наполеона — У. Питт-младший. Было сформировано новое, коалиционное правительство, в которое впервые с 1783 г. (и в последний раз до 1830 г.) вошли виги. Премьер-министром стал тори лорд Гренвилл, но министром иностранных дел — глава вигов Ч. Дж. Фокс.

Кабинет Гренвилла получил несколько ироническое прозвище «министерство всех талантов», причем «таланты в основном принадлежали вигам» [3, р. 253], которые всегда выступали против участия Великобритании в коалициях, против захвата Мальты и т. п.

Англо-французские переговоры о мире начались по инициативе Фокса в марте 1806 г. и с переменным успехом тянулись до сентября. Англия требовала подключить к переговорам и Россию, от чего Наполеон отказывался, тем временем все более расширяя свои владения.

В начале 1806 г. в Лондон прибыл с особым поручением П. А. Строганов. Одной из поставленных перед ним задач было согласование с кабинетом Гренвилла действий в отношении Османской империи. А. Чарто-руйский отмечал, что «если для восстановления равновесия в Европе будет принят принцип компенсаций, то в настоящий момент мы могли бы

⁶ Подробное описание Трафальгарской кампании и самой битвы см. [7, р. 318—346; 3, р. 244—251].

получить такие компенсации, хотя бы отчасти уравновешивающие приобретения Франции, за счет Турции. Что же касается Англии, то следовало бы попытаться выяснить, чего она хочет для себя при подобном положении вещей» [18, т. III, с. 56]. При отказе Англии от такого решения проблемы ей надо было предложить компромиссный вариант — создание славянского государства (от Котора до Сербии) и греческого (включавшего континентальные греческие земли и Ионические острова) под сюзеренитетом Порты и протекторатом России [18, т. III, с. 56].

Фокс «с болью» заявил, что предвидит полное разрушение Османской империи в самом непосредственном будущем [14, с. 126]. Вероятно, его благоприятная реакция на предполагаемый раздел владений Порты (при этом Англия желала закрепить за собой Александрию и о. Крит) была причиной того, что Строганов, судя по всему, не представил ему проекта создания славянского и греческого государств.

В июне Талейран от имени Наполеона сначала пообещал вернуть Великобританию Ганновер, отобрав его у Пруссии, не притязать на Сицилию, гарантировать целостность Османской империи (это было важным пунктом, так как по мирному договору с Австрийской империей Франция получила Истрию, Далмацию и Котор, вилотную приблизившись к границам Османской империи). Но уже 4 июля Наполеон решил, что нельзя допустить, чтобы Великобритания удерживала за собой Мальту и контролировала Сицилию: «Это было бы непроходимым барьером французским коммуникациям с Адриатикой и Левантом» [1, р. 351—355].

На этот раз яблоком раздора стала Сицилия. Переговоры были прерваны 25 сентября, через 12 дней после смерти Фокса. Неудачно закончились и переговоры Наполеона с Россией, которые велись с 6 июля: Александр I не утвердил договор, подписанный П. Я. Убри (чиновником МИД, который вел переговоры в Париже) — якобы тот не выполнил данных ему инструкций.

Тем временем позиции Франции в Константинополе стали весьма прочными. Порта официально признала императорский титул Наполеона, несмотря на бурные протесты А. Я. Италинского и нового английского посла в Стамбуле Ч. Арбетнота (он сменил на этом посту У. Драммонда в 1804 г.), в конце января 1806 г. И с русской, и с английской стороны послам было предписано действовать совместно в выступлениях против усиления французского влияния. Порта теперь возражала против прохода русских военных кораблей через Проливы для снабжения эскадры на Корфу [18, т. III, с. 321], жалуясь на угрозы французского посла О. Себастиани; потом сместила господарей Молдовы и Валахии, хотя по условиям русско-турецких конвенций 1802 г. и союзного договора 1805 г. не могла этого делать без согласия России [18, т. III, с. 302—303, 330, 335, 372, 716]. Дело осложнялось тем, что Арбетнот был настроен чрезвычайно враждебно по отношению к России, поддержку ее политики (и вследствие этого — натянутые отношения с Портой) он считал большой ошибкой [23, р. 4]. Английскому послу в таких условиях приходилось нелегко, тем более, что он месяцами не получал инструкций из Лондона и часто был вынужден действовать на свой страх и риск [5, с. 448]. Вероятно, в это время Англия была слишком поглощена европейскими делами, чтобы активно заниматься Востоком. Ведь такая же ситуация повторилась в 1810—1812 гг.: Ч. Стретфорд-Каннинг получил за два года своего пребывания в Константинополе всего 16 депеш, что не помешало ему действовать весьма энергично [24, гл. 4].

В ноябре 1806 г. под совместным воздействием внушений Себастиани и обиды на довольно резкий демарш главы Форин Оффис Порта денонсировала договоры с Великобританией (за два месяца до истечения срока его действия) и Россией. Тогда для поддержки демаршей послов в Дарданеллы была направлена эскадра адмирала Луиса и вице-адмирала Дж. Дакворта, которая должна была действовать совместно с эскадрой Д. Н. Сенявина, прибывшей из Кронштадта в порт Корфу еще в январе 1806 г. [25, с. 221—225]. Тогда же Великобритания посовещовала России, до сих пор оказывавшей лишь дипломатическую и финансовую поддержку

ку сербским повстанцам (с 1804 г. Белградский пашалык был охвачен народным восстанием), ввести свои войска в Белград, «если это можно сделать без противоречия духу договоров» [26, р. 167].

В декабре 1806 г. Селим III объявил войну России. Английское правительство приказало Дакворту войти в Дарданеллы и заставить турок вести переговоры о мире. Дакворт вошел в пролив, не дожидаясь прибытия эскадры Сенявина. Его дальнейшие действия трудно объяснить с позиций здравого смысла. Дакворт прошел в Дарданеллы, потеряв от огня береговых батарей всего сорок человек. Арбетнот, находившийся на борту флагманского корабля, потребовал от Порты «высылки из столицы агента Наполеона генерала Себастиани, возвращения русского посла Италинского, возобновления трактатов, заключенных Турцией с Англией и Россией, и контроля Англии над Проливами» — свободного прохода через Дарданеллы и Босфор английских кораблей [25, с. 244; 18, т. III, с. 740].

Очень важно отметить этот последний пункт требований Арбетнота — через два года англичане совершенно «забудут» о том, что неоднократно пытались проникнуть через Дарданеллы и Босфор, и раскопают древний обычай Османской империи, запрещающий это.

Вместо того, чтобы потребовать немедленного ответа, Арбетнот и Дакворт вступили в переговоры, которые Порта умышленно затягивала. Тем временем под руководством французских инженеров спешно велись работы по укреплению Дарданелл и Константинополя. Закончив их, турки отвергли английский ультиматум. Сообразив, что дела его могут оказаться совсем плохи, Дакворт, простоявший у Константинополя 10 дней, поспешил назад, к о. Тенедос. Теперь при проходе через Дарданеллы англичане потеряли более 600 человек, корабли были серьезно повреждены. Соединившись у Тенедоса с эскадрой Сенявина, Дакворт наотрез отказался повторить форсирование Дарданелл. Сенявину пришлось ограничиться блокадой Дарданелл.

Отношения между Османской империей и Великобританией были разорваны. Дакворт, выполняя полученные им предписания, отправился к берегам Египта, куда уже были направлены английские войска из Мессины. Арбетнот остался на Мальте, где уже находился А. Я. Италинский (при объявлении Портой войны России ему было предложено выехать из Стамбула в течение трех дней и пришлось отплыть на английском корабле). Попытка захватить Александрию провалилась. Ее резко клеймили в парламенте Дж. Каннинг и Р. Каслри [27, в. X, р. 274; в. XI, р. 485—486, 895].

После такого провала обеих попыток вести боевые действия Англия решила начать мирные переговоры с Османской империей. Решение об этом принял уже новый кабинет — в марте 1807 г. «министерство всех талантов» пало, споткнувшись, как и Питт в свое время, об отказ Георга III поддержать билль «об эмансипации католиков», т. е. предоставлении им более широких гражданских прав. Во главе нового правительства был герцог Портландский, Форин Оффис возглавил Дж. Каннинг, военное министерство — Р. Каслри.

Война с Портой была для Британии очень невыгодна. С 21 ноября была объявлена знаменитая «континентальная блокада». Разрыв отношений с Портой закрывал для Англии практически последний легальный выход на рынки Европы. И хотя после атаки на Александрию воюющие стороны не обменялись ни единым выстрелом, такая ситуация могла оказаться для Великобритании чреватой серьезными осложнениями. Поэтому когда в мае 1807 г. на Тенедос прибыл полковник русской службы К. О. Поццо ди Борго для ведения с Портой переговоров о мире, Каннинг немедленно направил А. Пэйджету, бывшему посланнику в Вене, инструкцию об участии в переговорах. Главным пунктом в инструкции от 16 мая было указание всячески подчеркивать, что, если даже распад Османской империи неминуем, «его величество [Георг III — Л. З.] не желает ускорять это падение империи». Однако это не помешало Каннингу, еще в 1798 г. выступавшему за союз с Турцией, дополнить инструкцию: «Уста-

новите дружеские отношения с пашами Смирны и Янины и вообще с любыми пашами, обладающими властью и хорошо к нам относящимися» [4, р. 46]. Каннинг надеялся, что Англия сумеет применить здесь политику «разделяй и властвуй» [18, т. III, с. 550—553]. При этом от России было потребовано клятвенное заверение, что она «не будет расширять свои владения с турецкой стороны» [27, р. 167—169].

Положение Великобритании в 1807 г. осложнялось потерей главного союзника по антинаполеоновским войнам: в Тильзите был подписан русско-французский договор. Английские историки обвиняют Александра I за это чуть ли не в предательстве интересов Европы, но и они признают, что он не мог поступить иначе — в значительной степени из-за действий самой Великобритании [1, р. 358—359; 3, р. 254; 12, р. 75—77; 13, р. 23]. Порта прервала свои переговоры с Англией. Хотя в результате янычарского бунта султан Селим III был свергнут, его преемник Мустафа IV первоначально продолжал придерживаться профранцузской ориентации в своей внешней политике. Но Наполеон сам оттолкнул от себя Высокую Порту — он не скрывал от нее сделанных Александру I предложений о разделе территорий Османской империи. К концу недолгого правления Мустафы IV разрыв с Францией стал окончательным⁷.

Переговоры с Великобританией возобновились летом 1808 г. уже на другой ноте. 26 июня Дж. Каннинг подписал инструкции новому британскому уполномоченному Р. Эдеру: Англии необходимо закрепить за собой какой-нибудь из островов Архипелага, или, как минимум — порт для «защиты Константинополя и, возможно, операций против России». А наиболее подходящим для этой цели он считал о. Крит. Кроме того Каннинг заявлял, что «его величество уже вернул Александрию» и «ничего не желает от Порты», решив, вероятно, что острова Архипелага стали теперь французскими и к Порте не имеют никакого отношения. Кроме того, Англия выговаривала себе право поддерживать Али-пашу Янинского, снабжать его оружием и припасами [13, р. 46—47].

Главным же было указание Р. Эдеру, что соглашение между двумя государствами не может рассматриваться «в качестве точной и формальной гарантии владений Порты» [13, р. 48] — в условиях наполеоновских войн это было сложно.

Переговоры о подписании мира Р. Эдер вел с молодым султаном Махмудом II. Британской дипломатии суждено было иметь с ним дело на протяжении тридцати с лишним лет.

Мирный договор с Портой, получивший в историографии название Дарданелльского, был подписан 5 января 1809 г.⁸ В нем весьма любопытны две статьи: вторая и четвертая отдельные и секретные статьи. Во второй статье сент-джеймский двор брал на себя обязательство в случае проявлений враждебности со стороны Франции снабжать Порту оружием и военными припасами «для укрепления и защиты ее владений в Боснии и Далмации» [8, р. 83].

В четвертой статье речь шла об отношениях с Россией, с которой оба государства формально находились тогда в состоянии войны. Англия брала на себя обязательство, если ей удастся заключить мир с Россией раньше, чем Турции, посредничать в переговорах и добиться мира «почетного и выгодного для Высокой Порты», гарантирующего «независимость и абсолютную целостность османских владений» [8, р. 84].

Кроме того, в одиннадцатой статье договора было использовано древнее право Османской империи закрывать Проливы для военных кораблей всех держав [8, р. 84]. Таким образом Англия избавлялась от России как соперника в Средиземноморье. При этом она не связывала себя обещанием бороться с Наполеоном, если он решит заняться разделом Османской империи.

⁷ Подробно о событиях в Османской империи в 1807—1808 гг. см. [28, части II—IV].

⁸ Подробный разбор Дарданелльского договора, его значения как для Османской империи, так и для Великобритании, должен послужить темой отдельного исследования.

Великобритания ратифицировала Дарданелльский договор летом 1809 г. 21 сентября состоялась знаменитая дуэль между Каслри и Каннингом [12, р. 95, 99—113]. Глава Форин Оффис был легко ранен. Его карьера пострадала куда более серьезно, чем он сам: Портланд подал в отставку, кабинет распался, и Каннинг вновь вошел в правительство только в 1816 г., а министром иностранных дел опять стал лишь в 1822 г., после самоубийства его старого соперника лорда Каслри.

Новое правительство сформировал С. Персевал. Преемником Каннинга стал лорд Батерст. Но смена министерства не принесла смены политической линии. В ноябре 1809 г. Батерст предупреждал Р. Эдера, ставшего после заключения мира британским посланником в Турции: «Великобритания не будет давать какой-либо формальной гарантии османских владений; обстоятельства могут не позволить нам выполнить это обещание» [4, р. 48].

Анализируя эти факты, можно сделать некоторые выводы.

Только когда на берегах Черного моря появилась Россия, Великобритания активизировала свою деятельность в Восточном вопросе. До этого она спокойно торговала с Турцией, пользуясь капитуляционным режимом, которого добилась еще в 1580 г. и подтвердила в 1675 г. [8, р. 25—31]. Но стоило России достичь определенных успехов на Ближнем Востоке, как правительство Англии заволновалось. Питт-младший заявил, что действия России нарушают равновесие Европы. Британский премьер развил бурную дипломатическую деятельность, чтобы заставить Екатерину II отступить. Только безразличное пока отношение большинства членов парламента к этим делам заставило его потерпеть поражение. Но здесь уже крылся корень политики Британии, отмеченный современными исследователями: британская политика стала протурецкой потому, что была антирусской [2, р. 230, 352; 29, с. 27]. Добрососедские политические и торговые отношения с Россией были весьма выгодны Англии, но она не собиралась спокойно глядеть на расширение владений и усиление своей соперницы.

В 1799 г. подписанием оборонительного союза с Турцией английская политика сделала качественно новый шаг: приняв на себя, пусть даже временно, обязательство гарантировать целостность османских владений, Англия получала возможность вмешательства в отношения Высокой Порты с другими государствами, причем как дипломатическим путем (статья VIII), так и военным (статья X).

Вероятно, именно к этому моменту можно отнести формирование политики *status quo* — конечно, не в окончательном ее виде, но уже обладавшую неотъемлемыми чертами данного принципа британской внешней политики. Истинным творцом этой политики можно считать не Дж. Каннинга, а его политического учителя — У. Питта-младшего.

Договор 1799 г. был секретным — Питт не хотел раздражать оппозицию, бурно приветствовавшую египетскую экспедицию Наполеона как средство «к изгнанию турок из Европы» [4, р. 44]. По мнению Р. Пиля, Питт «сделал этот шаг не потому, что восхищался правительством Турции, а потому, что, по его мнению, расчленение Турции принесло бы катастрофические последствия» [4, р. 44]. Сам Питт позже отверг русский зондаж по поводу возможного раздела османских владений как проблему неуместную. Его преемники действовали более свободно — Фокс считал, что в подобном случае Англия должна закрепить за собой Александрию и Крит, ключи к Индии; той же точки зрения придерживался и Дж. Каннинг. Вряд ли можно вменить ему в вину более открытое, чем у его предшественников, формулирование политики *status quo* именно в период англо-турецкой войны [9, с. 8—9]: сама война была в достаточной степени условной. Каннинга можно понять. Ему необходимо было предусмотреть условия, которые могли бы помочь в превращении Средиземного моря почти в «английское озеро». Хотя официально англо-турецкий договор трактовался как шаг на пути к союзу Великобритании, Турции и России против Наполеона, Каннинг не преминул учесть и возможность действий против России. Но главное, что не давало покоя английским политикам, —

дважды зафиксированное в договорах право России проводить через Проливы свои военные корабли. Этим создавалась угроза владычеству британского флага на Средиземном море (после Трафальгарского разгрома Франция в счет не шла). А опасность этого существовала — по достигнутому в Тильзите соглашению в Слободзее полным ходом шли мирные переговоры Порты и России. И в договоре, подписанном на борту английского военного корабля у стен Константинополя, как в зеркале, отразились основные положения политики status quo. Англия гарантировала целостность тех османских территорий, которые лежали в сфере интересов России; было дано обещание (но не связанное чем-нибудь конкретным) помочь в обороне османских провинций, которым с Адриатики грозил Наполеон. Не были забыты, разумеется, и коммерческие интересы (в 1799 г. торговое соглашение с Портой было подписано через десять месяцев после заключения договора, теперь же из одиннадцати открытых статей договора шесть были посвящены коммерческим и гражданским вопросам). Дарданелльский мирный договор открывал новый этап в связях Великобритании и Османской империи. Но главное — договор закрыл военным кораблям России выход в Средиземное море, а другим державам — вход в Черное море. Как отмечает Г. Темперли, XI статья договора, посвященная Проливам, была предложена англичанами [4, p. 45].

Дарданелльский договор стал очень важным шагом для британской торговли — континентальная блокада была разорвана, через порт Стамбула в Европу пошли английские товары.

Теперь Англия не очень интересовалась восточными делами — слишком грозные бури бушевали над Европейским континентом. Официальная Британия, добившись своих целей, практически забыла о Порте до окончания борьбы с Наполеоном. Однако суть своей политики — антирусской (хотя имевшей и антифранцузские зигзаги), она уже не забывала.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Cambridge History of British Foreign Policy. V. I. Cambridge, 1922.
2. Horn D. B. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967.
3. Churchill W. S. The History of English Speaking Peoples. V. 3. London, 1974.
4. Temperley H. England and the Near East. The Crimea. London, 1936.
5. Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962.
6. История Франции. Т. 2. М., 1973.
7. Southy R. The Life of Nelson. London, 1845 (8th edition).
8. Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. V. I. New York, 1971.
9. Виноградов В. П. Великобритания и Балканы. От Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
10. Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. М., 1976.
11. Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. М., 1984.
12. Petrie C. George Canning. London, 1946 (2nd edition).
13. Seton — Watson R. W. Britain in Europe. 1789—1914. Cambridge, 1937.
14. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XI. СПб., 1895.
15. Grant A. J., Temperley H. Europe in the Nineteenth Century (1789—1914). London, 1927.
16. Rosebery. Napoleon: The Last Phase. London, 1900.
17. Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. Т. I. М., 1938.
18. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. II. М., 1962; Т. III. 1963.
19. Арш Г. Л. И. Калодистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809—1822 гг. М., 1976.
20. Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963.
21. Leake W. M. Travels in Northern Greece. V. 1—4. London, 1835.
22. Leake W. M. Researches in Greece. London, 1814.
23. The Correspondence of Charles Arbuthnot. London, 1941.
24. Гулиа Г. Д. Англия и русско-турецкая война 1806—1812 гг. Сухуми, 1978.
25. Веселаго Ф. Краткая история русского флота. М.—Л., 1939.
26. Adair R. Historical Memoir of a Mission to the Court of Vienna in 1806. London, 1844.
27. Parliamentary Debates. Ist series. London.
28. Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX в. М.—Л., 1949.
29. Международные отношения на Балканах. 1815—1830. М., 1983.

К ПЕРИОДИЗАЦИИ УКРАИНСКО-БОЛГАРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Культурная интеграция всегда была и остается важным фактором развития прогрессивных тенденций духовной жизни человеческого общества. Поэтому глубоко антинаучными представляются еще бытующие «представления о том, что самобытные черты национальной культуры развиваются в некоей ее изоляции, вне общения народов между собой» [1]. Это положение касается и межславянских литературных связей.

Между славянскими народами издавна существовали контакты, свидетельствовавшие о все возрастающем осознании славянской общности. Интенсификация этих контактов и связей обусловлена многими факторами, в том числе — развитием дружеских взаимоотношений между славянскими народами. На огромную притягательную силу, которой обладала Россия и ее народ, например, для южных славян, обратили внимание К. Маркс и Ф. Энгельс: «Несмотря на все панславистские усилия аграрских¹ и пражских энтузиастов, серб, болгарин, боснийский „райя“, крестьянин-славянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с южными славянами-католиками, говорящими на одном с ними языке» [2]. Межславянские связи, в том числе и в области культуры, получили особенно широкое развитие в XIX в., например, между писателями России, Украины и других славянских народов [3—7].

Великий Октябрь открыл новую эру во взаимоотношениях между славянскими народами. Советская литература вызвала живой интерес в славянских странах, еще более возросший после окончания второй мировой войны и разгрома фашизма, в период строительства социализма [8; 9].

Изучение межславянских литературных связей имеет свою историю, их интенсивное исследование продолжается и сегодня. Естественно, что в ходе работы перед учеными встают и вопросы их периодизации. Однако в этой области существуют разные точки зрения. Как отмечает Л. С. Кишкин «до сих пор нет единства мнений о целесообразности и даже самой возможности периодизации литературных связей» [10, с. 59]. Авторы данной статьи разделяют точку зрения тех ученых, которые считают, что, исходя из опыта конкретно-исторических исследований литературных и культурных связей, выработка их периодизации научно оправдана. Она необходима прежде всего для более четкого и ясного «представления об истории развития тех или иных процессов, для более систематичного, последовательного их освещения и одновременно организации и членения исторического материала» [10, с. 60]. И хотя периодизация межлитературных отношений (как и всякая периодизация) условна и нередко носит служебный характер, она, несомненно, помогает исследователям более система-

¹ Т. е. аграрских (ред.).

тизировано воссоздать их общую картину в исторической последовательности.

Так, например, болгарский ученый Э. Георгиев выделил несколько периодов болгаро-русских культурно-литературных связей, начав их периодизацию с того времени, «когда славяне жили в своих первых поселениях в Европе и, несмотря на известные племенные различия, образовывали целость» [11].

Еще одним примером периодизации литературных связей в процессе изучения истории их развития является работа польского ученого М. Якубца, посвященная русско-польским литературным взаимосвязям, где определены и выделены их основные этапы [12, s. 130]. Характерно, что при этом ученый опирался как на общественно-политические, так и литературные факты, относящиеся к обеим взаимодействующим сторонам. Нам представляется мотивированным суждение М. Якубца о том, что «любые попытки, направленные на установление периодизации, должны учитывать типичность явлений, происходящих не только в этих двух литературах, но и в самом процессе их взаимоотношений» [12, s. 134].

Не менее показательна и другая периодизация литературных связей, предложенная М. Якубцем на IX международном съезде славистов в Киеве в 1983 г. [13], где намечен ряд исторических периодов, характеризующих польско-украинские литературные отношения. Как и в первом случае, он учитывает своеобразие общественной и литературной жизни обеих взаимодействующих сторон — Польши и Украины. Как видим, в практике литературных исследований периодизация двусторонних литературных связей занимает значительное место.

Авторы настоящей работы, опираясь на труды по истории украинско-болгарских литературных и культурных отношений, попытались дать их предварительную периодизацию. Кроме специальных работ, в статье учтены и те решения вопросов периодизации, которые предложены в ряде исследований советских и зарубежных славистов-литературоведов [14—17]. Разработанные ими общие принципы могут быть использованы и при создании периодизации украинско-болгарских литературных взаимоотношений. Опыт показывает, что при создании подобных периодизаций следует принимать во внимание своеобразие и особенности литературных связей на разных этапах их развития, которые определяются не только, а порой и не столько чисто литературными факторами, но также и факторами общественными, культурными, историческими, внутренней и внешнеполитической атмосферой изучаемого времени. Поэтому, видимо, трудно говорить о каких-то единых критериях, которые приложимы для периодизации связей на всех этапах их многовекового развития. В силу этого основополагающие принципы для выделения того или иного периода выбираются нами с учетом культурно-исторического своеобразия данного периода. В предложенной периодизации учтены двусторонний характер связей и активность всех взаимодействующих факторов, определяющих процесс этих связей как с украинской, так и с болгарской стороны, а также неоднородность и историческая неравномерность развития этих связей.

Литературные связи болгар с восточными славянами имеют свои давние традиции. Существенное место в них занимают и украинско-болгарские литературные взаимоотношения. Этим проблемам советские и болгарские ученые посвятили немало работ, в ряде которых поднимаются и вопросы периодизации украинско-болгарских литературных связей ([18—23] и др.).

В свете опубликованных трудов периодизация украинско-болгарских литературных связей представляется закономерной и актуальной, но достаточно сложной и еще мало разработанной. Сложность выработки периодизации связана с недостатком научно проверенных фактов, характеризующих разные этапы развития этих связей. Надо, однако, заметить, что те факты, которые нам известны, достаточно убедительно свидетельствуют о непрерывности процесса украинско-болгарских литературных отношений, хотя их интенсивность в разные исторические периоды менялась. Одна из особенностей украинско-болгарских литературных связей состоит в

том, что на определенных этапах они неотделимы от русско-болгарских и русско-украинских литературных взаимоотношений. Русская литература и русский язык нередко выполняли роль посредника в этом процессе. Говоря о древнейшем периоде нельзя забывать, что письменность Киевской Руси легла в основу трех литератур — русской, украинской и белорусской.

В работах украинских славистов полнее всего находят отражение факты литературных и культурно-исторических взаимосвязей между Болгарией и Украиной, относящиеся к периоду с начала XIX в. и до нашего времени. И. С. Свенцицкий призывает в своих работах трактовать эти связи «как сложный общественно-политический комплекс творческих взаимовлияний и взаимоперекличек» (цит. по: [24]). Е. В. Шпилевая, которая в своих работах особенно часто затрагивает вопросы периодизации украинско-болгарских литературных взаимоотношений, справедливо отметила, что история этих связей «приобретает интенсивный характер за последнее столетие, дает много примеров того, как благотворно влияют на развитие литератур творческие контакты» [19, с. 8]. Исследовательница выделяет в истории украинско-болгарских литературных связей XIX и XX вв. четыре основных периода, каждый из которых имеет свои характерные черты, признаки и специфические особенности. Первый из них приходится на время борьбы болгарского народа за свое освобождение в 60—70-е годы XIX в.; второй охватывает годы после освобождения Болгарии от турецкого ига в 1878 г. и до 1917 г.; рубежами третьего являются Великий Октябрь и Сентябрьское народное антифашистское восстание 1944 г.; четвертый период начинается с 1944 г. и продолжается до настоящего времени.

Как видим, периоды развития украинско-болгарских литературных отношений Е. В. Шпилевая детерминирует определенными вехами в истории общественной жизни двух народов, принимая, разумеется, во внимание при этом своеобразие литературного процесса того времени на Украине и в Болгарии. Нам в основном представляется допустимой такая периодизация. Однако она не содержит характеристику украинско-болгарских литературных связей древнего периода и первой половины XIX в. Фактический материал для периодизации связей этого времени мы находим в других работах советских и болгарских исследователей, в частности, у П. С. Соханы [22].

Как нам представляется, опираясь на освещение украинско-болгарских литературных отношений в трудах вышеназванных ученых, а также на другие работы о межславянских литературных связях, возможно предложить следующую периодизацию украинско-болгарских литературных взаимосвязей от их истоков и до настоящего времени: первый — взаимосвязи письменной культуры Киевской Руси и Болгарии (X—XIII вв.); второй — связи староукраинской и староболгарской литератур (XIV — первая половина XVIII в.); третий — украинско-болгарские литературные взаимоотношения второй половины XVIII — первой половины XIX в.; четвертый — украинско-болгарские литературные связи 50—70-х годов XIX в. (до освобождения Болгарии); пятый — украинско-болгарские литературные отношения последней трети XIX — начала XX в.; шестой — украинско-болгарские литературные взаимоотношения межвоенного двадцатилетия и до победы социалистической революции в Болгарии; седьмой — украинско-болгарские литературные связи послевоенного периода.

Сознательная предварительная характеристика и определенную условность предложенной периодизации и допускаемая возможность ее усовершенствования и уточнения, авторы, как уже отмечалось, при ее построении учитывали как общественно-политические факторы развития стран взаимодействующих литератур, так и факторы собственно историко-литературного порядка.

Разумеется, внутри каждого периода, охватывающего значительный и не всегда соразмерный другим отрезок времени, можно выделить более мелкие этапы развития взаимосвязей, а также специально рассмотреть отдельные формы связей (взаимные переводы, освоение идейно-художественного опыта какого-либо писателя, участие в литературном процессе

одной из литератур представителя другой литературы, переписка писателей и т. п.).

Каждый из выделенных периодов характеризуется не только большим числом литературных фактов, но и их диалектическим единством со всем многообразием общественно-политических и культурных явлений эпохи. В ряде случаев, как видим, взаимосвязи литератур выступают как слагаемые более широкого общекультурного общения Украины и Болгарии.

Мы опирались — это необходимо еще раз отметить — на конкретный историко-культурный и историко-литературный материал названных выше исследований. Собранные в них факты позволяют подкрепить нашу предварительную общую периодизацию украинско-болгарских литературных взаимоотношений.

Попытаемся на конкретных фактах показать своеобразие каждого периода, его отличие от последующего или предыдущего, указать основные критерии его выделения. Там, где выделение периода обосновывается факторами общественного или историко-культурного порядка (это особенно касается ранних периодов, где собственно литературные факторы часто трудно выделить из общего процесса культурной жизни), авторы вынуждены были опираться на косвенные данные, позволяющие судить о литературных контактах.

В начальном периоде украинско-болгарских литературных связей участниками культурного обмена выступали древнерусская и древнеболгарская народности. На этом этапе он прошел под знаком болгарского культурного посредничества после принятия христианства на Руси: благодаря ему на Руси появились книги, необходимые для удовлетворения культурных потребностей и распространения новой религии. Тогда же началось и личное общение культурных деятелей Руси и Болгарии.

Огромное значение в развитии исторической и культурной общности древнерусской и древнеболгарской народностей сыграла просветительская деятельность Константина-Философа и Мефодия [25]. Еще в XI в. на Руси пользовались популярностью сборник болгарского царя Симеона «Златоуструй», а также «Изборник Святослава» (1073). Не менее известными в Киевской Руси были сочинения болгарских авторов Иоанна Экзарха, Черноризца Храбра, Константина Преславского и др. В свою очередь, в Болгарии получают распространение жития русских святых Ольги, Бориса и Глеба, Феодосия Печерского и др. О «вывозе» в этот период из Киевской Руси памятников письменности и о влиянии их на произведения южнославянских авторов интересные и богатые сведения приводит Д. С. Лихачев [26]. Можно констатировать, что в Киевской Руси и в Болгарии было в этот период много общих черт в общественно-политическом и культурном развитии, способствовавших активным взаимосвязям письменности Киевской Руси и Болгарского государства. Все это позволяет данный этап в развитии культурных связей выделить в отдельный период.

Значительны временные рамки второго периода украинско-болгарских литературных связей: они определяются как важными для судеб Украины и Болгарии историческими событиями, так и новыми факторами в развитии духовной культуры.

В XIV — начале XV в. украинские и болгарские земли были захвачены иноземными поработителями. На протяжении веков украинский и болгарский народы боролись за свою независимость. Аналогичные условия жизни двух народов порождали сходные культурные явления. Этот исторический этап был ознаменован и культурным движением на украинских и болгарских землях. В Болгарии, например, в этот период широкую известность получила литературная школа, связанная с именем видного писателя и просветителя Евфимия Тырновского (ок. 1330—1400). Его последователи — Киприан и Григорий Цамблак, жившие на Руси, своим литературным творчеством способствовали развитию письменности и на украинских землях. Важно подчеркнуть, что в этот период на Украине происходило зарождение собственно староукраинской литературы, что, несомненно, сыграло определенную роль в развитии украинско-болгарских литературных связей.

В XV—XVIII в. важными центрами украинско-болгарских культурных связей становятся Киев и Афон. На Афоне в разное время проживали паломники из Украины, в частности, такие деятели украинской культуры, как Иов Княгиницкий (умер в 1621 г.), Иван Вышенский (умер в 20-е годы XVII в.), Платон-Паисий Величковский (1722—1794) и другие писатели и просветители. На Афоне они общались с южнославянскими писателями. Там писал свои пламенные послания выдающийся украинский писатель-полюемист Иван Вышенский. Считается, что связи Вышенского с Афоном и болгарскими сыграли определенную роль в его борьбе против католицизма и унии. И. Франко в своей работе о Вышенском отмечает некоторые общие черты в жизни украинского и болгарского народов.

Существуют факты, свидетельствующие о дружеских взаимосвязях украинцев и болгар в XVII—XVIII вв. В полках Богдана Хмельницкого, например, служили выходцы из Болгарии; один из представителей болгарского освободительного движения Петр Парчевич (ок. 1612—1679) встречался в 1657 г. с украинским полководцем [27].

Важное место в славянском культурном взаимодействии занимала деятельность Ивана Федорова, издания которого были известны и в Болгарии. Большое значение в книгообмене между русским, украинским и болгарскими народами имели центры книгопечатания в России и на Украине (например, в Киево-Печерской лавре), издания которых распространялись и в Болгарии (многие из этих изданий проникали в афонские монастыри, становясь достоянием славянских, в том числе и болгарских, просветителей) [28]. В Болгарию проникали, таким образом, оригинальные сочинения из России и Украины, которые сыграли затем важную роль в болгарском национальном возрождении. Шел и обратный процесс: на Украине широкую известность получили труды болгарских писателей (Г. Цамблака, Владислава Грамматика).

Большой вклад в украинско-болгарские связи внесла деятельность Киево-Могилянской академии (основана в 1632 г.). В XVII и XVIII вв. в ней учились выходцы из многих славянских стран, в том числе из Болгарии. Известны факты, когда уроженцы Украины, воспитанники академии, работали на ниве просвещения среди южных славян (М. Козачинский, С. Луцкий и др.).

Все эти факты позволяют рассматривать данный период как качественно новую ступень в украинско-болгарских культурно-литературных взаимоотношениях.

Намеченный нами третий период украинско-болгарских культурно-литературных связей сопряжен как с началом национального Возрождения в Болгарии, так и со становлением новой украинской и болгарской литератур. Значительный вклад в развитие связей этого времени внес закарпатский украинец Ю. Г. Венелин (1802—1839), учившийся во Львовском университете, а затем в Москве. Он является автором книг, посвященных Болгарии. Среди них особенно широкую известность получила книга «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829), ознаменовавшая новую эпоху в русско-украинско-болгарских культурных взаимоотношениях (см. о нем [29]).

В первой половине XIX в. развитию украинско-болгарских контактов существенно способствовало обучение болгар в украинских университетских городах (Одессе, Харькове, Киеве и др.). Некоторые из выпускников учебных заведений этих городов стали впоследствии видными деятелями болгарского просвещения, культуры и литературы (братья С. и Н. Палаузовы, литератор и фольклорист И. Богоров, писатель Н. Геров, педагог Б. Петков — отец Х. Ботева и др.). Многие из них впоследствии поддерживали тесные связи с русскими и украинскими учеными и литераторами.

В 30—40-е годы XIX в. на Украине значительно возрос интерес к истории Болгарии, ее культуре и литературе [30]. Крупные ученые-слависты вслед за Ю. Венелиным посетили славянские страны и среди них Болгарию (О. М. Бодянский в 1832—1842 гг., И. И. Срезневский

в 1839—1842 гг., В. И. Григорович в 1844—1847 гг.). В результате этих поездок появились сборники фольклорных записей, статьи по этнографии, языку болгар, были найдены редкие рукописи и издания болгарских книг и т. п. Например, О. М. Бодянский, уроженец Украины, профессор Московского университета, опубликовал ряд памятников болгарской древней письменности. Эти публикации получили известность и на Украине [31]. Много сделал для изучения болгарской культуры воспитанник Харьковского университета В. И. Григорович, чьи труды, созданные в результате поездки в страны Балканского полуострова, на многие годы стали образцом исследования истории и этнографии балканских славян, в том числе болгар.

Большое общественное значение имела деятельность декабристов на Украине. В середине 40-х годов развернуло свою деятельность Кирилло-Мефодиевское общество (его членом был Т. Г. Шевченко), ставившее одной из своих целей создание славянской демократической федерации народов. Передовые идеи оказывали влияние на болгарскую учащуюся молодежь, которая приезжала в Россию и на Украину. Интерес к болгарской культуре проявляли видные деятели украинской литературы (Е. П. Гребенка и др.).

Первая половина XIX в. явилась временем усиления культурных связей между двумя народами, подготовившим почву для более широких и интенсивных литературных взаимоотношений в последующий период.

Особое значение в украинско-болгарских литературных взаимосвязях имеет четвертый период, охватывающий второй этап болгарского национального возрождения, Апрельское восстание 1876 г., канун освобождения страны от османского ига (1878). Данный период отмечен тем, что «в украинской и болгарской общественно-политической и культурной жизни выступила и развернула свою деятельность революционная демократия, выражавшая народные интересы... Благодаря революционерам-демократам украинско-болгарские связи расширяются и, главное, приобретают новое, более значительное общественное содержание» [32].

Во второй половине XIX в. значительно активизируются научные и литературные украинско-болгарские связи. В Харьковском университете работает крупный болгарский ученый М. Дринов. В Киеве, Одессе, Николаеве обучаются известный болгарский прозаик и драматург В. Друмев, критик Н. Бончев, поэт Д. Чинтулов, писатель-революционер Х. Ботев, прозаик Л. Каравелов и многие другие [33]. В эти годы на Украине побывали видные болгарские писатели Г. С. Раковский, П. Славейков. На Украине создали свои первые произведения Х. Ботев и некоторые другие болгарские писатели. Болгарские литераторы знакомились с демократической русской и украинской литературой, пропагандировали ее у себя на родине.

Не угасал интерес к болгарской культуре и литературе и среди украинских писателей (С. С. Гулак-Артемовский, Л. И. Глебов и др.). В 1862 г. в «Черпиговском листке», редактируемом Л. Глебовым, появилась его интересная статья о болгарском фольклоре «Болгарские песни».

Огромную роль в развитии украинско-болгарских связей сыграло творчество гениального украинского поэта-революционера Т. Г. Шевченко (1814—1861). Его поэзия идейно перекликалась с творчеством передовых писателей Болгарии. Х. Ботев, Л. Каравелов, Р. Жинзифов, П. Славейков хорошо знали творчество великого Кобзаря, переводили его стихи на болгарский язык, испытали влияние его поэзии в своем творчестве.

Поэзия Т. Г. Шевченко и «Народные рассказы» Марко Вовчок способствовали не только знакомству болгар с украинской литературой, но и развитию тесных связей между болгарскими и украинскими литераторами. Становлению новой болгарской литературы содействовало также активное восприятие художественного опыта других украинских и русских писателей [34]. Этот фактор характерен и для всех последующих

периодов взаимосвязей двух братских литератур в XIX—XX вв. Болгарский писатель Л. Стоянов, например, так писал о значении творчества Т. Г. Шевченко для болгарской литературы: «Творчество гениального Шевченко, основоположника украинской литературы и несравненно-го певца славянского единства, вдохновляло целые поколения болгарских писателей» (цит. по: [18, с. 26]).

Вершиной борьбы за освобождение Болгарии от османского владычества было Апрельское восстание 1876 г. Прогрессивная общественность России и Украины горячо симпатизировала и активно содействовала борьбе болгарского народа. Свой голос в защиту Болгарии подняли Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, В. М. Гаршин, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, М. П. Старицкий, Н. В. Лысенко и многие другие [35]. В дело освобождения Болгарии от пятивекового порабощения внесли свою значительную лепту и деятели культуры двух стран.

Можно утверждать, что культурные и литературные взаимосвязи Украины и Болгарии в 50—70-е годы XIX в. были благотворны для обеих сторон. Важная особенность этого периода — распространение революционно-демократических идей, которому служила передовая литература. После освобождения Болгарии и образования самостоятельного государства возникли благоприятные условия для расширения и углубления связей в сфере культуры и литературы между Россией, Украиной и Болгарией.

Пятый в предлагаемой нами периодизации украинско-болгарских литературных связей период характеризуется активной творческой деятельностью крупнейших представителей прогрессивной литературы как на Украине, так и в Болгарии: И. Франко, М. Старицкого, Л. Украинки, П. Грабовского, И. Вазова, П. Славейкова, позже в XX в., В. Стефаника, О. Кобылянской, Е. Пелина, Й. Йовкова и многих других. Многочисленные факты свидетельствуют об интенсивных литературных взаимосвязях Украины и Болгарии в это время [36].

Активный интерес проявлял к болгарской культуре и истории И. Франко: он переводил на украинский язык болгарские народные песни, написал ряд статей по вопросам болгарской культуры [37]. Следы болгарского и вообще южнославянского фольклора можно обнаружить в творчестве Леси Украинки, П. Грабовского и других украинских писателей. М. Старицкий откликнулся на освободительную борьбу болгарского народа против османского ига рядом стихотворений, в которых звучал мотив единения славян («Смерть славянина», «На бой», «Славянская судьба» и др.).

Взаимные переводы помогают болгарскому читателю ближе познакомиться с украинской литературой и читателю украинскому — с литературой Болгарии. В 90-е годы Г. Бакалов переводит повести И. Франко, а П. Грабовский — стихотворения Х. Ботева, Д. Чинтулова, И. Вазова, Г. С. Раковского и других болгарских поэтов. Подобных примеров можно привести десятки. Л. Украинка, О. Кобылянская, В. Стефаник, О. Маковой, М. Черемшина, Н. Кобринская и другие украинские писатели поддерживали дружеские связи с деятелями культуры и литературы Болгарии. И в этом отразился взаимный интерес к культуре и литературе братских народов [18; 38].

Большие заслуги в развитии культурных, научных и литературных связей Украины и Болгарии в этот период принадлежат болгарину И. Шишманову (1862—1928), женатому на дочери видного украинского ученого М. Драгоманова, также много сделавшего для развития украинско-болгарских литературных связей [39]. И. Шишманов высоко ценил вклад украинских прогрессивных культурных деятелей в сокровищницу болгарской культуры. «От Юрия Венелина, — писал Шишманов, — который напомнил миру, как об этом сказано на его надгробном памятнике в Москве, „о забытом некогда, но славном и могущественном племени болгар. . .“ — и до Шевченко, Марко Вовчок и Драгоманова, которому болгарский университет столь многим обязан, Украина приняла

активное участие в развитии нашей умственной и художественной культуры» [40].

В Россию и на Украину по-прежнему приезжает на учебу болгарская молодежь. Так, в 1878 г. среди прибывших на Украину был А. Константинов. Здесь он написал свои первые произведения, а в 1885 г. окончил юридический факультет одесского университета. На Украине в 80-е — 90-е годы получили образование и многие другие культурные деятели Болгарии [22, с. 164—166].

Характеризуя этот период в развитии украинско-болгарских связей, П. С. Сохань справедливо подчеркивает, что «широкие и плодотворные связи деятелей культуры России, Украины и Болгарии в конце XIX — начале XX в. были, таким образом, полезными для развития культуры народов и России и Болгарии. Они способствовали их взаимному обогащению, утверждению демократических и прогрессивных элементов культуры. Они содействовали тому, что в канун Великого Октября в российско-болгарских, и в частности, украинско-болгарских культурных взаимосвязях все сильнее звучали социальные мотивы, переплетавшиеся с революционной солидарностью трудящихся обеих стран в их борьбе за свое социальное освобождение [22, с. 18].

После Великой Октябрьской социалистической революции начался качественно новый период в украинско-болгарских литературных и культурных взаимоотношениях, прошедший под благотворным воздействием идей социалистической революции в России. Этому способствовало и то, что болгарские интернационалисты принимали активное участие в борьбе за Советскую власть, в частности, на Украине.

В 20—30-е годы советские люди с сочувствием следили за революционной борьбой болгарских трудящихся масс, положенной в Болгарии широко освещалось в советской прессе. На Украине в 20—30-е годы выходило несколько газет и журналов на болгарском языке (газеты «Колективист», «Колхозен труд», журнал «Млад ударник» и др.), что объяснялось не только существованием в УССР болгарских поселений, но и пребыванием в СССР болгарских политических эмигрантов, участвовавших в общественной и культурной жизни нашей страны [41—43]. На страницах этой прессы публиковались произведения украинской классической литературы (Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинка, М. Коцюбинский и др.) и болгарских авторов (Х. Ботев, И. Вазов, Х. Смирненский, Г. Милев, Л. Стоянов и др.). В 30-е годы отдельными книгами на украинском языке вышли роман И. Вазова «Под игом», сборник стихотворений Х. Ботева, книга рассказов М. Мерчевского «Бунт» и другие издания. На Украине жили и работали в 30-е годы болгарские писатели К. Кюлявков, П. Аджаров и другие, много сделавшие для пропаганды болгарской литературы в УССР.

В 20—30-е годы, несмотря на чинимые правительственными кругами препятствия, в Болгарии продолжали свою деятельность по пропаганде русской и украинской классической и советской литературы болгарские писатели, переводчики, ученые. Большую работу проводил основанный в 1932 г. «Союз друзей СССР», в руководство которого входили крупные писатели и деятели культуры Болгарии (Л. Стоянов, А. Страшимиров, А. Жендов и др.). В эти годы в СССР побывали Л. Стоянов, К. Белев и другие болгарские писатели, способствовавшие ознакомлению болгар с советской, и в частности, с украинской литературой (на болгарский язык были переведены стихи П. Тычины, пьесы А. Корнейчука, И. Кочерги и др.).

Говоря об украинско-болгарских связях в межвоенный период, нельзя не вспомнить о большом вкладе в их развитие журнала революционных писателей Западной Украины «Вікна», выходившего во Львове в 1927—1932 гг. На его страницах часто выступали прогрессивные болгарские писатели, а 10-й номер за 1931 г. был полностью посвящен болгарской революционной литературе. В нем были напечатаны произведения Х. Ботева, Д. Полянова, Х. Смирненского, Г. Милева, Х. Радевского и др. [44; 45].

Сотрудничество прогрессивных украинских и болгарских писателей в межвоенный период закладывало основы для тесных творческих связей социалистических литератур в послевоенный период.

На новые рубежи выходят украинско-болгарские культурные и литературные связи после окончания второй мировой войны, разгрома фашизма и победы социалистической революции в Болгарии. Это качественно новый период в культурно-литературных связях Советской Украины и социалистической Болгарии. Он характеризуется общностью социалистических идеалов, которые воплощают в жизнь народы СССР и НРБ. При изучении современного состояния украинско-болгарских литературных взаимоотношений необходимо учитывать, что они являются составной частью советско-болгарских литературных связей, отличающихся высоким уровнем, многоплановостью и широтой [46; 47].

О широте этих связей свидетельствуют многие факты. В УССР до середины 70-х годов было издано 150 названий книг писателей Болгарии общим тиражом 4,5 млн экземпляров. Украинские писатели П. Тычина, М. Рыльский, М. Бажан, П. Воронько, Д. Павлычко, Р. Лубкивский, В. Лучук, Д. Белоус и другие много сделали и делают для популяризации болгарской литературы на Украине в послевоенные годы. Украинские советские читатели получили издания многих книг классиков болгарской литературы, сборники произведений революционных писателей Болгарии — Ботева, Каравелова, Вазова, Стоянова, Вапцарова, Димова и др. Вышли в переводе на украинский язык антологии болгарской поэзии (1974), современной новеллы (1977), отдельные издания произведений современных болгарских писателей: Калчева, Караславова, Вежинова, Гуляшки и др. Болгарскую прозу переводят на украинский язык Н. и Г. Малярчук, М. Дорошенко-Вакалюк, К. Марущак, В. Захаржевская и др.

На Украине систематически и широко ведется изучение болгарского литературного процесса. В последние годы появились монографии о И. Вазове, Д. Димове, Л. Стоянове, многочисленные статьи о современных болгарских писателях, работы, посвященные проблемам взаимосвязей и т. п. [48—50]².

Болгарские литературоведы, в свою очередь, исследуют творчество П. Тычины, М. Рыльского, В. Сосюры, О. Гончара и других украинских современных писателей. Появились в Болгарии и монографии и статьи о классической украинской литературе [54; 55]. Большое внимание уделяется в Болгарии современной украинской поэзии и прозе [56; 57]. Широко представлена в переводе на болгарский язык классическая и советская украинская литература. Произведения двадцати украинских классиков содержит сборник «Украинская классическая поэзия» (1959), обстоятельно знакомит читателя с творчеством наших дней книга «Украинская советская поэзия» (1960).

Взаимному сотрудничеству и развитию каждой из взаимодействующих литератур содействуют новые формы литературных отношений, такие, например, как обмен писательскими делегациями, симпозиумы и встречи, «круглые столы», литературные фестивали, дни культуры и литературы и т. д. Современное состояние советско-болгарских, и в частности, украинско-болгарских литературных связей — это яркое отражение огромных социальных и культурных завоеваний советского и болгарского народов. Расцвет советско-болгарских взаимоотношений в сфере культуры и литературы свидетельствует о тех гигантских возможностях, которые реализуются в процессе творческого сотрудничества и взаимодействия социалистических культур. «В современных украинско-болгарских культурных взаимоотношениях просматривается... процесс сближения и интегрирования национальных литератур с точки зрения обогащения их интернационального содержания, который развивается в диалектической взаимосвязи с процессом национального расцвета литератур» [22, с. 271].

² Подробную библиографию работ украинских советских болгаристов см. в [51—53].

Даже представленная здесь конспективная характеристика отдельных периодов в развитии украинско-болгарских литературных связей показывает, что каждый из выделенных периодов имеет специфические черты и особенности, обусловленные как общественно-культурным, так и собственно литературным развитием каждой из взаимодействующих сторон. Понимая предварительный и общий характер высказанных здесь соображений, мы надеемся, что они могут стать отправной точкой для более стройной и совершенной периодизации украинско-болгарских литературных взаимоотношений. Несомненным, однако, представляется, что периодизация этих связей необходима для их более глубокого и всестороннего изучения, а в основу ее должны быть положены многообразные факторы литературного, общественно-политического, культурно-исторического развития Украины и Болгарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лизачев Д., Андреев Ю.* Истоки и характер содружества братских литератур Европы. — Иностранная литература, 1981, № 4, с. 188.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 9, с. 9.
3. *Порожкина И. М.* Толстой и славянские литературы. Л., 1983.
4. *Шпилыова О. В.* Тарас Шевченко і болгарська література. Київ, 1963.
5. *Засенко О.* Марко Вовчок і зарубіжні літератури. Київ, 1959.
6. *Журавська І. Ю.* Іван Франко і зарубіжні літератури. Київ, 1961.
7. *Журавська І. Ю.* Леся Українка та зарубіжні літератури. Київ, 1963.
8. *Марков Д. Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. М., 1983.
9. *Вервес Г. Д.* В літературних інтернаціональних зв'язках. Київ, 1983.
10. *Кишкин Л. С.* О периодизации процесса литературных связей. — Советское славяноведение, 1983, № 3.
11. Староболгаристика, 1982, № 4, с. 5.
12. *Jakóbbies M.* Stosunki literackie polsko-rosyjskie. Próba periodyzacji dziejow. — Slawia Orientalis, 1968, № 2.
13. *Jakóbbies M.* Kluczowe problemy historii stosunków literackich polsko-ukrajinskich. — In: Z polskich studiów slawistycznych. Seria VI. Warszawa, 1983.
14. *Злыднев В. И.* Русско-болгарские литературные связи XX в. М., 1964.
15. *Крутикова Н. Е.* Русско-украинские литературные взаимосвязи как историческая закономерность. — В кн.: Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Київ, 1982.
16. *Урбан З.* Чехи и болгары. София, 1981.
17. *Гонтар П. П.* Українсько-чеські літературні зв'язки в XIX ст. Київ, 1956.
18. *Дмитрук В. Т.* Сторінки вікової дружби. Львів, 1958.
19. *Шпилыова О. В.* Головні етапи українсько-болгарських літературних зв'язків в XIX—XX. Міжнародний з'їзд славістів. Київ, 1963.
20. *Свенціцький І. С.* Нариси з історії болгарської літератури. Львів, 1957.
21. *Загаржевська В. О.* Радянсько-болгарське літературне єднання. — В кн.: Взаємозв'язки літератур країн соціалістичної співдружності. Київ, 1981.
22. *Созань П. С.* Очерки истории украинско-болгарских связей. Київ, 1976.
23. *Вервес Г. Д.* Некоторые итоги и перспективы изучения украинско-болгарских связей XIX—XX вв. — В кн.: Болгарската литература и световният литературен процес. София, 1983.
24. *Лозинский І. М.* Професор І. Свенціцький — болгарист. — Проблеми слов'янознавства, 1976, вип. 13, с. 9.
25. *Бернштейн С. Б.* Константин-Философ и Мефодий. М., 1984.
26. *Лизачев Д. С.* Пoesтика древнерусской литературы. М., 1979, с. 8—9.
27. *Дуйчев И.* Петър Парчевич и Богдан Хмельницки. — Природа, 1954, № 8.
28. *Атанасов П.* Украинские кириллические старопечатные книги XVI—XVII вв. в Болгарии. — Советское славяноведение, 1972, № 6.
29. *Байцура Т.* Юрий Венелин. Братислава, 1968.
30. *Саліванова Л. Б.* До болгарсько-українських зв'язків 40-х р. XIX ст. — Наукові записки філологічного факультету ХДПІ, кн. 35, 1960.
31. *Минкова Л.* Осип Бодянский и его вклад в развитие болгаристики России. — В кн.: Литература и история. М., 1979.
32. *Дмитрук В. Т.* Сторінки вікової дружби. Львів, 1958, с. 15.
33. *Лященко Л. Г.* Про навчання на Україні молоді з південнослов'янських країн (50—70-ті р. XIX ст.). — Український історичний журнал, 1974, № 6.
34. *Русакієв С.* Тарас Шевченко і болгарська література. Київ, 1968; *Воробьева Л.* Любен Карапелов. М., 1980; *Божкова-Ковалджиева С.* Ролята на творчество на Т. Г. Шевченко в развитието на концепцията за взаимодействието на литературите. — В кн.: Славянская филология. София, 1983.
35. *Грибовская А. И., Моторный В. А.* Передовые деятели русской культуры об освободительной борьбе болгарского народа против османского ига. — В кн.: Незабываемый подвиг. Львов, 1980.

36. *Шпильова О. В.* До історії українсько-болгарських літературних і культурних взаємин ХІХ ст.— В кн.: Міжслов'янські літературні взаємини. Київ, 1958.
37. *Божков С.* Іван Франко в українсько-болгарських літературних зв'язках.— Радянське літературознавство, 1957, № 3.
38. *Томащук М. О.* Ольга Кобилянська і Петко Тодоров.— В кн.: Міжслов'янські літературні взаємини. Київ, 1963.
39. *Атанасов П.* Михайло Драгоманов і Софійський університет.— Всесвіт, 1962, № 12.
40. *Шиманов И.* Спомен за Тарас Шевченко.— В кн.: Библиотека на славянска беседа, кн. ХVІ. София, 1914.
41. *Дилан М. Д.* Болгари політемігранти у соціалістичному будівництві на Україні 1924—1929 рр. Київ, 1973.
42. *Кравченко В. В.* Рух солідарності українського народу з революційною боротьбою трудящих Болгарії у 20—30 рр.— Український історичний журнал, 1973, № 2.
43. *Целиук С. А.* Издания болгарских интернационалистов в Советской России (1918—1920).— Советское славяноведение, 1984, № 3.
44. Вікна. 1927—1932. Львів, 1966.
45. *Трофимук С. М.* Розвиток революційної літератури в Західній Україні (1921—1939). Львів, 1957.
46. *Захаржевська В. О.* Радянсько-болгарське літературне єднання.— В кн.: Взаємозв'язки літератур країн соціалістичної співдружності. Київ, 1981.
47. *Андреев В.* Литературные взаимодействия современности (аспекты советско-болгарских литературных отношений 1960—1970 гг.).— В кн.: Сравнительные исследования славянских языков и литератур. Л., 1983.
48. *Гольберг М. Я.* Іван Вазов. Київ, 1976.
49. *Захаржевська В. О.* Димитр Димов. Київ, 1978.
50. *Захаржевська В. О.* Людмил Стоянов. Київ, 1982.
51. Слов'янська філологія на Україні (1968—1976) Київ, 1979.
52. Слов'янська філологія на Україні (1977—1981). Київ, 1983.
53. Філологічні науки на Україні (1982). Київ, 1983.
54. *Русакієв С.* Тарас Шевченко і болгарська література. Київ, 1968.
55. *Русакієв С.* Українська класическа поезія.— В кн.: Українската класическа поезія. София, 1959.
56. *Атанасов П.* Українската съветска литература в България.— Славяни, 1959, № 9.
57. *Терзійска Л.* Български проблеми и образи в украинската съветска проза през 40-те — 70 години.— В кн.: Славянска филология. Т. 18. София, 1983.

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНО-РУМЫНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ

(И. Славич и Л. Ребряну и славянские литературы)

Исследования проблем славяно-румынских литературных связей имеют богатые традиции. Начало им было положено еще во второй половине XIX в., когда эти взаимосвязи получили широкое развитие, когда значительно активизировался литературный обмен, появились первые полноценные переводы.

В Румынии, в Советском Союзе и в других славяноязычных странах известно немало ценных исследований, посвященных славяно-румынским и в частности русско-румынским связям [1—9], а также статей (Ю. А. Кожевникова, М. В. Фридмана, И. Витнера, Т. Вырголича, М. Новикова, Т. Николеску, П. Панаитеску, Л. Райку, В. Чобану, И. Яноши и др.). На примере творчества отдельных писателей, либо развития целых литературных периодов в них раскрываются важные аспекты взаимодействия национальных литератур — румынской и славянских. При этом, однако, немало вопросов не нашли пока должного освещения. Весьма актуальной в этой связи представляется проблема роли русской и других славянских литератур в процессе становления и развития румынского реализма конца XIX — первой половины XX в. Освещение этой проблематики позволило бы создать более полное впечатление о специфических особенностях развития литературного процесса в Румынии, тем более, что материал, которым располагают исследователи в этой области, достаточно богат и красноречив.

Из этого материала в данном исследовании отобраны лишь те страницы (пока малоизвестные литературоведению), которые свидетельствуют о благотворном — косвенном или прямом — славянском воздействии на творческие искания двух крупнейших представителей румынского реализма — И. Славича (1848—1925) и Л. Ребряну (1885—1944). Выбор этот неслучаен: разделенные двумя-тремя десятилетиями, эти писатели тесно связаны узами преемственности, своим вкладом в развитие реализма, причем И. Славич стоит у его истоков, а Л. Ребряну — у вершинных его достижений в межвоенные годы. Оба они представляют так называемую «трансильванскую линию» в румынской прозе, сыгравшую немаловажную роль в становлении румынского реализма XX в.

Годы становления творчества обоих писателей непосредственно совпадают с двумя периодами особенно широкого «присутствия» славянских литератур, и прежде всего русской, а затем русской советской, в Румынии. Эти периоды отмечены особым размахом распространения социалистических идей в Румынии.

Вторая половина XIX в. — значительный период в истории Румынии. В эти годы завершаются процессы формирования румынской нации, складывается национальное государство, в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. оно добивается освобождения от турецкого ига, после чего в стране полным ходом идет процесс становления новых буржуаз-

ных отношений. Причем если в первые два десятилетия второй половины века общественное внимание было в основном нацелено на решение национально-освободительных задач [10, с. 176], то в последующие десятилетия — по мере выявления половинчатого характера проведенных реформ и подлинной сути «чудовищной коалиции» помещиков и буржуазии, по мере усиления классовых антагонизмов — все большую остроту приобретает социальная проблематика, т. е. вопрос о взаимоотношениях помещиков и барщинников, о положении молодого рабочего класса и т. д. В эти годы имеют место первые попытки организации различных отрядов рабочего класса Румынии. Выходят в свет первые левые печатные органы. Кульминационной точкой явилось создание в 1893 г. политической партии рабочего класса Румынии — социал-демократической.

Как показывают исследования, эти сдвиги нашли соответствующее отражение и в развитии литературы страны. В первое двадцатилетие после революционных событий 1848 г. румынская литература носит преимущественно романтический характер, но это романтизм элегический, лишенный пафоса социальных устремлений, воспевающий мир духовного смятения, бесплодные поиски смысла жизни [11, с. 109].

Постепенно в недрах романтизма, высшим достижением которого в Румынии стало творчество замечательного поэта М. Эминеску, зарождаются элементы того реалистического течения, яркими выразителями которого в XIX в. станут И. Крянгэ, И. Л. Караджале, И. Славич и др. Творческие судьбы названных и других представителей «классического» этапа румынской литературы тесно связаны с деятельностью литературного общества «Жунимы» («Молодость»), руководимого критиком и политическим деятелем младоконсерваторского толка Т. Майореску [12, с. 230]. Убедленный сторонник концепции «автономии искусства», Т. Майореску, сформировавшийся в духе немецкого идеализма, предлагал оценки, искажавшие картину развития современной ему литературы. Значительную роль в «нейтрализации» этих оценок сыграли, с одной стороны, революционно-демократические традиции культурного движения революции 1848 г. («пашоптизма»), а с другой, активная полемика, развернутая против концепции руководителя «Жунимы» журналом «Контемпоранул» («Современник»), идейным вождем которого был К. Доброджану-Геря [12, с. 255], выходец из России, бывший народник, ставший в Румынии основателем марксистской критики. Блистательной победе К. Доброджану-Геря над Т. Майореску во многом способствовали замечательные достижения русской литературы, ставшие в эти годы достоянием довольно широкого круга румынских читателей.

Деятельность К. Доброджану-Геря и руководимого им журнала разворачивается в годы перехода румынского социализма на позиции марксизма, его соединения с движением пролетариата. Именно в эти годы, как показали исследования, происходит выдвигание литературной критики на передовые позиции румынской культуры. И именно тогда обнаруживается острая потребность в обращении к опыту прогрессивной русской литературы, литературы других славянских народов. Следует подчеркнуть, что К. Доброджану-Геря опирался в выработке своей литературной концепции на труды русских революционных демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Выступая на страницах журнала, в котором публиковались переводы произведений русских авторов и работы о них, он писал критические статьи о творчестве Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Толстого и др. В статьях К. Доброджану-Геря, так же как и других авторов журнала, давалась не только оценка лучших творений русской литературы, но и предлагались интересные сопоставления достижений румынской и русской литератур. Тем самым журнал, как и само движение «Контемпоранул», стал своеобразным катализатором интереса румынских читателей к русской и другим славянским литературам. Более того, эта целенаправленная работа сказалась — и весьма заметно — на творческих исканиях таких писателей, как С. Пэдежде, Д. Ангел, А. Влахуца и др. [13, с. 356].

Все более разнообразными становятся в конце XIX в. формы взаимо-

связей румынской литературы с русской и другими славянскими литературами: проникновение самих оригиналов, личные контакты писателей, бурный рост переводов, полемика в прессе и т. д. Одной из наиболее действенных форм общения стали переводы. Так, в последней трети XIX в. издаются переводы «Капитанской дочки», «Метели», «Выстрела» Пушкина; «Тараса Бульбы», «Шинели» Гоголя; «Первой любви», «Стихотворений в прозе» Тургенева; «Записок из мертвого дома», «Преступления и наказания» Достоевского; «Казак» и «Воскресения» Толстого и др. С другой стороны, со многими произведениями Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Гаршина, Короленко, Чехова румынский читатель знакомится через французские и немецкие переводы. (Для примера укажем необычайно большое число названий произведений русских писателей, опубликованных в последней трети XIX и начале XX в.: произведения Тургенева — 400 названий, Достоевского — около 100, Л. Толстого — более 300, Чехова — 300, Горького — 200. Что же касается статей об их творчестве, то румынские исследователи подсчитали, что в эти же годы о Тургеневе опубликовано около 90 статей, о Достоевском — 41, о Толстом — около 500.) [14, с. 89].

Следует указать еще на один весьма важный факт для истории румыно-славянских литературных отношений. В 1891 г. на факультете философии Бухарестского университета была образована кафедра славянских языков, впоследствии расширившаяся и ставшая центром изучения культуры славянских народов (см. [15]). С момента основания кафедры было положено начало систематическим исследованиям в Румынии в области славянской филологии. К деятельности в работе кафедры были привлечены многие видные представители румынской науки и культуры И. Богдан, Н. Йорга, А. Одобеску, Б. П. Хашдеу и другие, труды которых внесли весомый вклад в развитие румынской славистики как науки, а также в сам процесс освоения в Румынии лучших достижений культуры славянских народов. Все это было несомненно следствием того огромного интереса к достижениям славянских литератур, который обнаруживается к концу XIX в. Отметим прежде всего постоянно усиливавшийся в эти годы интерес к взаимосвязям румынского фольклора и фольклора славянских народов. Сравнительные исследования (труды Б. П. Хашдеу; Л. Шэйняну, С. Ф. Мариана, А. Горовея) обнаружили множество общих тем и мотивов, говоривших о несомненной близости народного творчества румын и славян.

Уже с 1869 по 1882 гг. в различных румынских изданиях появляются переводы сербских баллад, собранных В. Караджичем. Переводил их Д. Мирон по настоянию М. Эминеску. Часть их была опубликована на страницах газеты «Тимшул» («Время»), где в это время работал великий поэт.

В 1897 г. на румынском языке выходит сокращенный вариант романа «Под игом» И. Вазова, его стихотворение «К Родопам» и рассказ «Шавел Фертигу». С другой стороны, следует отметить произведения Л. Каравелова, написанные им в Румынии и отразившие многие стороны жизни румын (рассказ «Хаджи Ничо» и др.) [16, 1977, № 2].

Интерес к творчеству словацкого писателя Й. Краско в значительной мере обусловлен тем, что он провел молодые годы в Румынии и одним из первых в Европе опубликовал стихи М. Эминеску в переводе на словацкий язык [16, 1976, № 1].

Среди польских писателей особый интерес вызывают в эти годы произведения А. Мицкевича. В семье Б. П. Хашдеу существовал подлинный культ творчества великого польского поэта. К. Доброджану-Геря писал о нем как об одном из самых великих поэтов-революционеров, которых знал мир. Произведения Мицкевича выходят на румынском языке с 1880 г., а в антологии Н. Лазу «Поэзия Запада и Востока» (1894) творчеству Мицкевича отведено особое место, наряду с творениями Пушкина, Лермонтова, Коллара, Петефи и др. [17, р. 139].

В антологии был представлен и другой польский поэт — Й. Б. Запески, которого Мицкевич называл самым великим поэтом славян.

В 80-е годы появляются на румынском языке произведения В. Оконского (А. Свентоховского) («Из жизни народа» и др.).

Но особый успех выпал на долю Г. Сенкевича (романы «Камо грядеши», «Семья Поланецких» и др.). Именно произведения Мицкевича и Сенкевича, по утверждению И. Петрикэ, «больше всего содействовали усилению интереса широких кругов румынских читателей к польской литературе» [17, р. 185].

На протяжении всего периода исследований румыно-славянских связей особая роль отводилась русской культуре, и в частности значению русской классической литературы для творческого становления румынских писателей-реалистов. Работы румынских ученых полностью подтверждают слова М. Новикова: «Говоря о румынской литературе, мы едва ли можем назвать писателей гоголевского, чеховского, толстовского или горьковского типа, но можно утверждать, что из всех зарубежных влияний на румынскую литературу, влияние русской было самым плодотворным и именно потому, что оно выражалось не в заимствовании сюжетов или подражании стилю, а в укреплении самобытности» [18, с. 11].

Петрудно понять, какое значение имела русская литература для творческого становления таких писателей как К. Доброджану-Геря, Б. П. Хашдеу и других, проводивших молодые годы в России и сформировавшихся в атмосфере ее прогрессивных идей. О К. Доброджану-Гере речь шла выше. Что касается Б. П. Хашдеу, то такие вошедшие в золотой фонд румынской литературы его произведения как «Княжна Войкица», «Дума», «Княжна Роксана», «Юная Мамука», а также публицистическое творчество явно несут на себе отпечаток воздействия русской культуры, творений Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Известно, какое значение придавал М. Эминеску русской литературе. Например, в статье «Французская и русская комедия», написанной в связи с постановкой «Ревизора» Гоголя в Румынии, поэт первым среди румынских писателей высоко оценил творчество Гоголя, его комедию, а также «Мертвые души».

Доказано, что цикл романов Д. Замфиреску, посвященный истории боярской семьи, создан под значительным воздействием творчества Толстого, о чем свидетельствуют даже названия некоторых произведений этого цикла, таких, например, как «Ана», «На войне».

Что касается М. Садовяну, то он отмечал позднее: «Волна великодушия, которую принесла с собою европейскому миру великая русская литература XIX в., оказала решающее воздействие на поиски нашей интеллигенции. Социальная, нравственная проблематика лежала в основе многих романов, которые доходили до нас с этого удивительного Востока. В те годы первой молодости я жадно зачитывался произведениями Толстого, Гоголя, Достоевского и Тургенева. Незабываемое впечатление оставили столь печальные книги — „Обломов“ и „Господа Головлевы“. До глубины души волновало меня произведение Чернышевского „Что делать?“ Имена революционеров-демократов Герцена, Белинского, Добролюбова молодые люди у нас произносили с восхищением, глубоким уважением» [19, р. 192].

Во многих работах исследователей раскрыты те типологические сходства, которые характерны для некоторых произведений Гоголя, Чехова и И. Л. Караджале, большого ценителя произведений русской классики.

Гораздо менее разработана проблема отношения к литературам славянских народов И. Славича. Между тем, как свидетельствуют факты, проблема эта определенным образом связана с выяснением той роли, которую сыграл И. Славич в становлении румынской реалистической литературы.

Выдающийся румынский прозаик И. Славич — один из зачинателей литературы критического реализма в Румынии и первых подлинных ее романистов. Выходец из Трансильвании, Славич сложился как писатель просветительской ориентации, о чем свидетельствует вся его общественная и творческая деятельность. Много лет он отдал преподавательской работе, руководил изданием различных газет и журналов, писал многочис-

ленные социально-политические, исторические, педагогические статьи, школьные учебники. Славич прошел большой путь в литературе, создал яркие самобытные произведения «о народе и для народа» — рассказы, повести, романы. Некоторые из вершинных его творений — повести «Клад» и «Счастливая мельница», роман «Мара» — переведены на русский язык.

Румынские исследователи творчества прозаика, авторы крупных монографий о нем (Д. Ватаманюк, П. Марча, М. Попеску) высказываются весьма сдержанно по вопросу о том, какую роль сыграла в процессе становления Славича-художника атмосфера особого внимания в Румынии к славянским литературам, как бы ставя под сомнение возможность какого бы то ни было воздействия. Между тем имеются факты, которые говорят об обратном.

Славич глубоко изучал лучшие достижения мировой литературы, в том числе русской и других славянских литератур (пусть часто по переводам на французский, немецкий и другие языки). Будучи редактором издававшейся в Трансильвании газеты «Трибуна», он прилагал плодотворные усилия для ознакомления читателей с переводами многих произведений европейских авторов. И хотя у самого Славича почти нет прямых высказываний о его отношении к произведениям русской литературы, многое говорит о его активном отношении к ней.

Контакты Славича с русской литературой особенно ощутимы между 1884 и 1894 гг., когда он руководит «Трибуной», в которой печатались многие творения русской классики. Славич ознакомился с произведениями русских авторов по изданиям «Всемирной Библиотеки», в которую включались переводы произведений мировой литературы, осуществляемые писателями-трансильванцами с немецкого языка. Среди русских авторов в ней были представлены Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Достоевский, Короленко, Толстой. В их произведениях трансильванские писатели открывали проблемы, во многом созвучные тем, что возникали в социально-политических условиях Трансильвании. Известно также, что Славич сам переводил такие произведения Гоголя как «Вий», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Славич хорошо был знаком с сербской литературой, с сербским фольклором еще со школьных лет. В лицее г. Тимишоары, где учился будущий писатель, преподавателем немецкой литературы был хорват Вукетич, читавший ученикам сербские народные баллады. Позднее Славич, как явствует из его «Воспоминаний», высоко отзывался о сербских балладах, переведенных Д. Мироном «выразительным румынским языком» [20, р. 243].

Работа в «Трибуне» обусловила знакомство Славича с произведениями чешской литературы. Как редактор Славич принимает непосредственное участие в публикации романа «Бабушка» Б. Немцовой. Переводил этот роман У. Ярник, однако достоверно известно, что некоторые части романа перевел сам Славич, используя французский вариант. Роман Б. Немцовой публиковался частями более чем в ста номерах «Трибуны» в течение 1885 г., после чего вышел отдельным изданием в серии «Народная Библиотека „Трибуны“». Как подчеркивает Д. Ватаманюк, произведение Б. Немцовой особенно привлекало румынского прозаика своей социальной окраской и этнографическими описаниями [21, р. 42]. Славич проявлял постоянный интерес и к произведениям болгарского народного творчества. Автор известных в румынской литературе сказок и литературных обработок произведений фольклора, Славич обращался и к болгарским сказкам, и особенно активно после 1900 г., пытаясь найти в них элементы и мотивы для своих произведений.

Даже эти немногие сведения показывают, насколько активной была роль «Трибуны» и Славича, как ее редактора, в ознакомлении широкого круга читателей с произведениями славянских литератур.

Если говорить непосредственно о становлении творческой индивидуальности Славича-художника, то особое значение, на наш взгляд, приобретает проблема отношения румынского писателя к творчеству

Достоевского. Автор монографии о Славиче М. Попеску утверждает, например, что Славич мог быть знаком с произведениями Достоевского лишь в конце жизни [22, р. 147]. В таком случае те редкие схождения, которые существуют между героями двух писателей или их художественной манерой, могут носить типологический характер. Но так ли это на самом деле? Напомним, во-первых, что годы учебы Славича в Будапештском и Венском университетах совпали с периодом особо активного восприятия в Австро-Венгрии русской литературы. Во-вторых, произведения Достоевского переводились на румынский язык с 80-х годов XIX в., хотя румынский читатель был знаком с ними и значительно раньше по переводам на другие языки [18, с. 145]. В-третьих, по свидетельству В. Чобану, «если не считать огромного интереса румынской публики к жизни и творчеству Льва Толстого, ни один другой русский писатель не интересовал ее так сильно, как Достоевский» [18, с. 150]. Следовательно, утверждения М. Попеску о позднем знакомстве Славича с произведениями Достоевского лишены основания. Действительно, допустимо ли, чтобы Славич, писатель столь широкого поля деятельности, редактор «Трибуны», так жадно следивший за появлением новых книг, мог пройти мимо произведений русского писателя, сразу получивших всеевропейское звучание? Не вернее было бы полагать наоборот, что в тех схождениях, которые часто обнаруживаются в произведениях Славича и Достоевского, речь идет не только о случайных совпадениях?

Не о том ли говорит, например, искусство Славича в отображении (впервые в истории румынской литературы) взаимоотношений героя и окружающей его среды, точнее говоря, тех тонких связей, которые возникают в этих взаимоотношениях? Или тонкое мастерство, с которым изображена в повести «Счастливая мельница» трагическая сцена убийства Аны? Гипс убивает жену именно потому, что слишком ее любит и хочет тем самым освободить от тяжкого груза греха. Не менее убедительным примером может служить образ Йоргована в повести «Лесовичка», во многом родственной тонким и ранимым молодым людям из произведений Достоевского («Униженные и оскорбленные», «Братья Карамазовы»). Но, возможно, наиболее осязаема общность писательской манеры Славича и Достоевского в романе «Мара», где убедительно прослежена эволюция характера главной героини Персиды, проходящей путь от благородной гордыни к открытому, осознанному самоуничтожению и вызванному им страданию, которые она принимает как благо. Более того, Славич мастерски показывает, как героиня, пройдя через эти страдания, вновь обретает прежнее духовное равновесие.

Герои Славича мучительно размышляют о значимости своих поступков, о смысле существования, не щадя самих себя, а подчас и окружающих, что также позволяет их сравнивать с некоторыми персонажами Достоевского.

Интересные выводы сулит, по нашему убеждению, сравнительное исследование финальной сцены «Мары», в которой незаконнорожденный сын старика Хубэра Банди убивает своего отца, с историей взаимоотношений старого Карамазова и Смердякова. В романе Славича Хубэр воплощает беспечный, беспорядочный образ жизни, между тем как сын его Банди служит ему живым укором. Недостойный отец становится жертвой своих собственных ошибок.

Думается, что и эти немногочисленные факты позволяют делать вывод о наличии более глубоких связей между творчеством славянских писателей — и прежде всего русских — и произведениями Славича, чем это считалось до сих пор. Дальнейшее исследование этой проблематики откроет, несомненно, новые аспекты румыно-славянских литературных связей.

Новый взлет интереса к русской, а затем к русской советской литературе наблюдается в Румынии в 20-е и особенно в 30-е годы XX в. и непосредственно обусловлен революционными событиями в России и борьбой румынской коммунистической партии за утверждение новой социалистической литературы.

Общественно-политическая ситуация в Румынии в межвоенные годы характеризовалась, как известно, рядом кричащих противоречий. В результате кровопролитной войны 1916—1918 гг. Румыния добилась воссоединения всех своих провинций в рамках единого государства. Однако при этом справедливое осуществление национальных интересов сопровождалось захватом чужих земель; надежды трудовых слоев на лучшую жизнь столкнулись с антinationальными, корыстными целями господствующих классов. Следствием оказалась не свободная жизнь «братьев по нации», а жестокие классовые бои, фашизация страны. Не благосостояние, а тягчайший экономический кризис, не мир и дружба с соседями, а постоянные трения и, в конце концов, участие в кровопролитной антисоветской войне на стороне гитлеровской Германии.

Эта сложная диалектика общественного развития страны не могла не сказаться на становлении литературы Румынии в межвоенный период. Влияние идей Великой Октябрьской революции, значительное полевание трудовых масс вызвали заметные изменения в соотношении двух культур — демократической и социалистической, с одной стороны, и буржуазно-реакционной, с другой. С одной стороны, левые силы, возглавляемые компартией, повели активную борьбу за утверждение в культуре идей социализма и демократии. Одновременно все более агрессивные формы обрела деятельность правых группировок, толкавших страну на путь фашизации культуры [23, с. 285]. В условиях общего кризиса капитализма широкий размах получают реакционные течения в философии, социологии, эстетике. Активно проявляют себя различные эстетические школы, проповедовавшие отрыв искусства от действительности. И вместе с тем именно в эти годы получает невиданный размах борьба демократической культуры, коммунистических изданий против иррационализма, обскурантизма, фашистской идеологии. Заметно ускоряется процесс формирования пролетарской литературы, перехода многих одаренных художников слова на позиции социализма.

В этой непрестанной борьбе, в которой вера в разум, науку и подлинно народную культуру противопоставлялась фашистским «мифам крови», теориям превосходства одних рас над другими, особую роль предстояло сыграть произведениям русской, русской советской и других славянских литератур.

Следует отметить, что между этим периодом и 80—90-ми годами XIX в. существовали органические отношения преемственности.

Еще в 1913 г. Т. Аргези, самый крупный румынский поэт после М. Эминеску, по единодушному признанию румынской критики, отмечал: «Первоначальный социализм у нас был школой пророков, и наиболее видные представители современной литературы ... это тогдашние социалисты» [24, р. 500]. Эту же мысль, в сущности, он повторил в 1931 г.: «Нет другого идейного и культурного движения ни до ни после, которое можно было бы сравнить со школой журнала „Лумя ноуэ“ (активно пропагандировавшего идеи К. Доброджану-Гери и движения „Контемпоранул“. — *Н. О.*) по ее социальным, политическим и литературным достижениям» [25, р. 13].

Ярким доказательством преемственной связи можно считать и творчество поэта А. Томы. Это он, «представитель великого поколения 1880—1900-х годов», как называет его Г. Галактион в своих воспоминаниях [26, р. 288], писал тогда бунтарские стихи, в которых предсказывал победу социалистической революции в Румынии. И он же, один из первых поэтов-коммунистов Румынии, в 1925—1936 гг. издавал журнал «Лектура», внесший значительный вклад в дело ознакомления читательской публики с произведениями русской и советской литературы.

Основная заслуга в распространении лучших произведений советских писателей принадлежит левым изданиям и издательствам, деятельность которых направлялась румынской компартией. В 20—30-х годах стало появляться множество переводов произведений советской литературы — рассказы М. Шолохова, В. Инбер, М. Шагинян, «Цемент»

Ф. Гладкова, «Вор» Л. Леонова, «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова и др. Печатались многочисленные статьи о творчестве тех или иных писателей — В. Маяковского, Л. Леонова, Ф. Гладкова, М. Шолохова, К. Федина, А. Толстого, Вс. Иванова, А. Блока, С. Есенина. Многие румынские деятели искусства открыто пропагандировали (в своих выступлениях в печати) завоевания советской страны в области литературы.

Влияние идей Октября плодотворно сказалось в творчестве таких румынских художников слова, как Г. Галактион, Ч. Петреску, С. Садовяну и др. Можно с уверенностью утверждать, что советская литература сыграла немаловажную роль в формировании общественной позиции, эстетического вкуса, в поисках новых художественных средств многих прогрессивных писателей Румынии.

Следует отметить, что интерес к советской литературе был во многом обусловлен неиссякаемым интересом румынских читателей к русской литературе. В эти годы, как свидетельствуют исследования Т. Гане, Т. Николеску, М. Новикова и других, еще более широкое хождение получают произведения русских классиков и других славянских писателей.

Конечно, в пределах данной работы невозможно воссоздать всю картину переводов этой поры. Обратимся к практике лишь двух журналов — «Лектура» (1925—1936) и «Румыния литерарэ» (1939—1940). На их страницах переводы произведений Шевченко, Пушкина, Тургенева, Достоевского, Чехова, Куприна, Андреева, Горького соседствуют с произведениями Г. Сенкевича, М. Домбровской, И. Немировского, З. Коссака, И. Войновича, Н. Райнова и др. Кроме того, на страницах тех же изданий можно встретить интересные статьи о творчестве славянских писателей — Т. Шевченко, А. Мицкевича, З. Налковской, Я. Коллара, К. Чапека, И. Вазова, Елина Пелина и др. Популярнейшим в Румынии межвоенной поры журналом «Вьяца ромыняскэ» («Румынская жизнь») руководил критик Г. Ибраэляну, большой ценитель творчества славянских писателей.

Особенно показательным в плане значения литературных связей представляется обращение к опыту славянских литератур Л. Ребряну (1885—1944) — писателя, с именем которого связан зрелый этап развития реалистической прозы в Румынии XX в., и прежде всего — романа. В своем творчестве Ребряну выступает прямым продолжателем традиций трансильванской прозы, традиций Славича, в основе которых — объективный, «суровый» подход к отражению действительности, проникновение в психологию человека, интерес к жизни простых людей.

В творчестве Ребряну отразился сложный комплекс проблем румынского общества начала XX в. И это не случайно для писателя, который стоял на активных как гражданских, так и творческих позициях. Ребряну всегда был в гуще общественно-политической жизни страны. Он руководил Союзом румынских писателей, был директором Национального театра, членом Румынской Академии. Его основные произведения, ставшие вершиной румынской литературы межвоенных десятилетий, — романы «Ион» (1920), «Лес повешенных» (1922), «Восстание» (1933) хорошо знакомы и советским читателям. Первые два романа посвящены крестьянству, его борьбе за землю и права в условиях буржуазно-помещичьей Румынии первого десятилетия XX в. «Лес повешенных» воссоздает трагедию трансильванского интеллигента, вынужденного сражаться на полях первой мировой войны против своих братьев-румын.

Именно эти произведения Ребряну предоставляют богатый материал для исследования связей его творчества с русской и другими славянскими литературами. В них обнаруживаются интересные параллели как в типологии героев, в образной системе, так и в идейно-художественной направленности произведений. Ребряну хорошо знал творчество русских писателей и писателей других славянских стран. Начиная с 1910-х годов он активно и плодотворно переводит произведения русских клас-

сиков — Толстого, Чехова, Горького. Это несомненно содействовало еще более глубокому постижению румынским прозаиком сущности лучших творений русской литературы, что дало, очевидно, повод некоторым румынским исследователям (например, Т. Николеску), говорить о творческих схождениях в произведениях Чехова, Горького и Ребряну.

Не случайно также некоторые румынские литературоведы упоминают о схождениях в идейно-образной системе Ребряну и Достоевского [27, р. 336]. Действительно, главное, что бросается в глаза при анализе, например, романа «Лес повешенных», — это идея страдания, идея внутреннего разногласия героя с окружающим миром, что так характерно и для произведений Достоевского («В страдании есть идея», — говорит Порфирий Петрович Раскольникову). Сложный процесс осознания вины становится причиной душевного смятения героев Достоевского и Ребряну. В романе «Лес повешенных» именно постижение Апологом Бологой своей вины и вызванные этим переживания составляют идейную канву романа. Герои обоих писателей глубоко травмированы своим падением, унижением, и это в свою очередь пробуждает в их душе высокие, благородные порывы. Так, в последней части романа Ребряну с потрясающей силой изображена сцена встречи Илоны с приговоренным к смерти Бологой, его просветленные раздумья, пронизанные верой в силу всеобщей, всепрощающей любви. Сама собой напрашивается параллель с тем духовным возрождением, которое происходит в душе Раскольникова после встречи с Соней Мармеладовой.

Интересный материал для выявления схождений представляет анализ творчества Ребряну и польского прозаика Вл. Реймонта.

Что касается отношения к творчеству Реймонта в межвоенной Румынии, то здесь, очевидно, уместно напомнить утверждение Г. Израйлину, крупнейшего критика этой поры: «Роман „Мужики“ надо прочесть. Конечно, в нем представлен прежде всего польский вариант крестьянина Восточной Европы, разновидностью которого является и румынский крестьянин. Однако во многих отношениях мы в нем обнаружим черты нашего сельского жителя» [28, р. 175]. Эти слова были написаны в 1926 г., два года спустя после присуждения Реймонту Нобелевской премии.

Первые переводы на румынский язык произведений Реймонта появляются в 1928 г. В тоненькой книжке в довольно свободном переложении были представлены три рассказа писателя. Что же касается главного романа Реймонта, то его первый перевод вышел только в 1942 г. Это отнюдь не означает, однако, что в Румынии до этого не были знакомы с замечательным творением польского прозаика. Украинский и русский переводы романа (соответственно 1909—1910 и 1910—1912 гг.) получили некоторое хождение в Румынии, но наиболее распространенным был немецкий перевод 1912—1916 гг. Знатоки английского языка ознакомились с переводом в 1924 г., а французского (весьма многочисленные) — в 1925—1926 гг. Этого достаточно, чтобы иметь основание утверждать, что произведение Реймонта было довольно хорошо знакомо широкому кругу любителей словесности в Румынии задолго до появления румынского перевода в 1942 г.

Но имеются ли при этом основания для утверждений, что роман «Мужики» активно воздействовал на творчество тех или иных румынских прозаиков? Г. Израйлину ограничился замечанием, что «читая роман, испытываешь ощущение, что находишься в наших селах» [28, р. 172]. Вместе с тем он видел в успехе польского писателя доказательство правоты кружка «Вьяца ромыняскэ», «вот уже два десятилетия призывающего к созданию такого рода романов, наперекор тем, кто неверно видел в труженике полей жестокого зверя, раба грубых инстинктов самосохранения, так же как и тем, кто столь же неверно и искаженно видел в нем представителя явно идеализированной „нравственной надстройки“, то есть традиционалистского и идилического крестьянина» [28, р. 172].

Более определенно заговорил о несомненной близости творения Реймонта и некоторых произведений румынской литературы, в частности романов Л. Ребряну, переводчик «Иона» на польский язык Ст. Лукашик. В предисловии к вышедшему в Кракове первому тому «Иона» в 1932 г. он недвусмысленно указал на многие схождения в произведении Ребряну и романе Реймонта. Опубликованные после появления румынского перевода исследования по этому вопросу (за исключением обстоятельной книги Ст. Вели «Реймонт» [29]) мало прояснили этот вопрос.

Был ли знаком Ребряну с шедевром Реймонта в пору работы над «Ионом»? Современный критик М. Зачу утверждает, что был [30, p. 101]. После появления немецкого перевода в немецкоязычной прессе тех лет (1913 и дальше) последовали восторженные отзывы об этом «капитальном» произведении, превзошедшем все, что было крестьянского в литературе мира [29, p. 202]. Ребряну, читавший немецкую прессу того времени, естественно, не мог пропустить столь важные для его литературных поисков и раздумий сведения. Могли ли они пройти для него бесследно? Тем более, что, по его же собственному признанию, в дни войны он держал в руках и другие произведения Реймонта — роман «Обетованная земля», книгу очерков «В Хелмском краю».

Не справедливее ли будет считать, что те многочисленные схождения, которые обнаруживаются при внимательном прочтении двух романов, являются все же плодом не только типологических схождений, но и — пусть не осознанных самим Ребряну — импульсов, порожденных знакомством с нашумевшим произведением Реймонта? Такое соображение представляется тем более убедительным, что, работая над «Восстанием», Ребряну в письме к жене (1932) прямо призывал ее сравнить тексты двух произведений (румынского перевода к тому времени все еще не было): «Если тебе пришлось по вкусу сцены романа Реймонта, то сцены в моем „Восстании“ не могут тебя не взволновать. Скажу безо всякой скромности, что они чуточку сильнее» [29, p. 207].

Кроме того, известны и другие высказывания Ребряну о Реймонте [31, p. 230]. Румынский писатель говорил о крестьянах Реймонта, что они напоминают неких гигантов, колоссов, все их жесты и движения как бы песоразмерны с окружающим их миром, настолько они грандиозны по силе художественного воздействия. Ребряну отмечал также, что у Реймонта никогда не ощущается авторского «насилия», даже в самых драматических эпизодах. Автор присутствует во всех сценах на втором плане, не выходя «на глаза читателю». Заметим, что подобный «отстраненный» тон повествования был весьма характерен и для Ребряну, как и вообще для представителей «трансильванской линии» в румынском реализме.

Сравнительный анализ текстов романов польского и румынского прозаиков не дает оснований для того, чтобы говорить о прямых заимствованиях или позедействиях. Однако нетрудно заметить, что героев Реймонта и Ребряну отличает «трагическая солидарность» с землей, писатели видят в земле основу всего сущего, с ней прежде всего связаны проявления человека, его инстинкты, страсти. Оба художника рисуют яркие типы на фоне захватывающих событий, выстраивая цепь конфликтных ситуаций таким образом, что они создают впечатление удивительной достоверности. У обоих писателей фигуры крестьян выписаны выпукло, правдоподобно, но при этом у Ребряну они более «заземлены», у Реймонта — более поэтичны. Первый отказывается от всякой лиризации, рисуя жестокие и жесткие характеры и инстинкты, второй, явно отвергая натуралистические веяния своего времени, создает типы более романтические.

Те типологические схождения, которые обнаруживаются в произведениях польского и румынского авторов, следует отнести к особой категории — к схождениям, обусловленным общностью социальных отношений, общественно-политической ситуацией, сходной во многом нравственной проблематикой. Наличие этих схождений не означает отсутствия своеобразия, различий, обусловленных яркими творческими индивидуально-

стями писателей, неповторимостью художнического облика, манерой письма, глубочайшим знанием национальной специфики описываемой жизни. Эти сходжения, несомненно, окрашены хорошим знанием одним писателем (Ребряну) творчества другого (Реймонта), хотя о прямом воздействии, повторям, говорить нет оснований.

Конечно, в данной статье затронуты лишь наиболее общие аспекты очень важной проблематики — значения славяно-румынских литературных связей для понимания специфических путей развития румынского реализма в конце XIX — первой половине XX в. Нужны подробные исследования, которые подтвердили бы углубленным, конкретным анализом важную роль обращения румынских художников слова к богатому опыту славянских литератур, как еще одного свидетельства общности исторических судеб народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Румыно-русские литературные связи второй половины XIX — начала XX в. М., 1964.
2. Двойченко-Маркова Е. М. Русско-румынские литературные связи. М., 1966.
3. Гацак В. М. Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. М., 1975.
4. Осадченко И. Е. Литературные связи Молдавии и России в XIX в. Кишинев, 1983.
5. Попович К. Ф. Страницы литературного братства. Кишинев, 1978.
6. Constantinescu-Iași P. O prietenie de veacuri. București, 1957.
7. Roman F. Literatura rusă și sovietică în limba română (1830—1959). București, 1959.
8. Pușkin în context cultural românesc. București, 1984.
9. Barbă G. M. Șolohov în universul literar românesc. București, 1976.
10. Фридман М. В. Румынская художественная культура второй половины XIX в. и русско-румынские культурные связи. — Балканские исследования, вып. 6. М., 1980.
11. Кожеевников Ю. А. Эпоха романтизма в румынской литературе. М., 1979.
12. Виноградов В. Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. М., 1965.
13. Ликолеску Т. К вопросу о значении русского романа для развития румынской прозы в конце XIX и в начале XX в. (1880—1917). — Романославика. Бухарест, 1963.
14. Мунтян Дж. Румынская культура и ее взаимоотношения с русской культурой (1877—1918). — Румынская литература, 1986, № 3.
15. Осипова Н. 90 лет румынской славистики. — Советское славяноведение, 1983, № 4.
16. Buletinul al cercurilor științifice studentești. Facultatea de limbii și literaturii slave.
17. Petrică I. Confluente culturale române-polone. București, 1976.
18. Румынско-русские литературные связи. М., 1964.
19. Sadoveanu M. Evocări. București, 1954.
20. Slavici I. Amintiri. București, 1983.
21. Vatamaniuc D. Ioan Slavici. Opera literară. București, 1970.
22. Popescu M. Slavici. București, 1977.
23. История Румынии. 1918—1970. М., 1971.
24. Amintiri literare despre vechea mișcare socialistă (1870—1890). București, 1975.
25. Argehezi T. Epoca scriitoare. — Adevărul literar și artistic, 1931, № 554.
26. Galaction G. Opinii literare. București, 1972.
27. Loghinovski E. Liviu Rebreanu și literatura rusă. — In: Liviu Rebreanu după un veac. Cluj-Napoca, 1985.
28. Ibrăileanu G. Spre roman. București, 1972.
29. Velea St. Reymont. București, 1966.
30. Zăciu M. Alte lecturi și alte zile. București, 1972.
31. Raicu L. Liviu Rebreanu. București, 1967.

ВНОВЬ О СЛАВ. *KOLIBA

Недавняя попытка В. Э. Орла [1] в корне пересмотреть традиционную этимологию слав. *koliba (*kolyba) и ее статус в качестве одного из принципиально важных терминов карпатского лексического фонда вынуждает нас серьезным образом отнестись к указанной работе и внимательно разобраны ее основные положения, особенно с точки зрения процедуры этимологического анализа и методики работы с привлекаемыми источниками.

В противовес общепринятому мнению о заимствованном характере данного слова в южнославянских языках и его позднем распространении в западно- и восточнославянских диалектах Карпат через восточнороманское посредство, автор выдвигает исконно-славянскую «альтернативную этимологию слав. *kolyba, сразу подчеркнув ее несомненную гипотетичность» [1, с. 82] (разрядка наша. — Л. Г., И. К.). Предлагается истолкование лексемы *kolyba¹ (с вариантами *kolěba/*koliba), обозначающей некоторые типы построек, как производного от *kolybati, *kolěbati 'колебать, качать, шатать'. Согласно автору, данная лексема «представлена следующими основными формами: болг. *коліба* 'шалаш, лачуга, хижила' (в банатском говоре — *куліба* 'домик из легкого материала; легкая деревянная постройка, служащая жилищем овчара'); макед. *колиба* 'шалаш, хибарка'; с.-хорв. *koliba*, *kòleba* 'хижина, шалаш, лачуга' (в топонимии также *Kòlibe*, *Kòlibà*); словен. *koliba* 'хибарка, хижина'; чеш. диал. морав. *koliba* 'шалаш'; слов. диал. *koliba* 'шалаш, примитивный деревянный дом, хижина, будка'; польск. диал. *koliba*, *kołeba* 'пастушеское укрытие, сарай, шалаш, дощатый навес'; укр. диал. *коліба* 'шалаш, навес' [1, с. 79]; далее идет отсылка к карте № 1, чтение которой, к сожалению, затруднено из-за перепутанных знаков в легенде.

Необходимо заметить, что статья начинается с ошибочной увязки формы *kolyba с *kolěba/*koliba в качестве вариантов, в то время как, согласно сравнительной грамматике славянских языков, ни синхронно, ни диахронически *у и *ě (из *ē или *ai, *oi) вступать в регулярные апофонические отношения не могут. В таком изложении явно вторичные формы типа с.-хорв. *kòleba* предстают как репрезентанты варианта с *ě. Идея подобного соположения основана, видимо, на невнимательном прочтении двух статей из Этимологического словаря славянских языков [2, с. 130, 164], где О. П. Трубачев, «несмотря на все возможные сомнения», рассматривает *kolybati как «этимологический дублет к *kolěbati, достаточно ранний», отмечая, что «если последнее, вслед за Махеком, имеет смысл толковать из *ko-lěb- < *loib-, то огласовку корня *lyb- в *ko-lyb-ati допустимо считать экспрессивным преобразованием *loib- > *lüib- > *lyb-, подобно тому, как родственное лит. *láiabas* 'тонкий, гибкий' имеет экспрессивный вариант *lùiba*, *luibà* 'болван, оболтус' [2, с. 164]. Постулирование древней этимологической дублетности названных глаголов ни в коей мере не

¹ Здесь и далее для удобства изложения мы будем вслед за В. Э. Орлом пользоваться в основном реконструкцией *kolyba. Наши собственные соображения по поводу реконструкции гласного второго слога см. в конце статьи.

может обосновать непосредственную связь их производных, вплоть до вариантов одной лексемы, как считает В. Э. Орел.

В пользу исконно славянской принадлежности **koľuba* В. Э. Орел выдвигает два главных аргумента ареального характера, которые при ближайшем рассмотрении оказываются несостоятельными.

Первый довод, что лексема **koľuba* известна в западнославянском ареале вне зоны карпатских говоров, автор обосновывает, ссылаясь на материал словацкого языка, рассмотренный в работе Е. Н. Овчинниковой [3]. Парадокс заключается в следующем: цитируя ареальные выводы этой статьи о распространении лексемы на территории Словакии: «прежде всего весь север, а также восток и центральная часть Словакии (область Западных и Восточных Бескид, Высоких Татр) и примыкающие к ним с юга районы» [3, с. 159], В. Э. Орел полагает, что распространенные там говоры находятся «за пределами карпатского ареала» [1, с. 81]. Достаточно беглого взгляда на географическую карту, чтобы увидеть неправомочность подобного заключения. Более того, материал юго-западных диалектов Словакии (единственно находящихся вне карпатской зоны) как раз подтверждает отсутствие там указанного слова. Фиксация топонима *Pod «Koliba»* в районе Нитры, приводимого Овчинниковой и используемого Орлом как аргумент в пользу присутствия лексемы за пределами Карпат, ничего не меняет в силу непосредственной близости данного района к отрогам Низких Татр. По неясным причинам В. Э. Орел игнорировал, что Е. Н. Овчинникова в указанной работе специально рассматривает «один из так называемых карпатизмов — пастушеский строительный термин *koliba*, привлекая данные ОКДА» (Общекарпатского диалектологического атласа) [3, с. 158]; кроме ОКДА, Е. Н. Овчинникова преимущественно использует материал работ, посвященных лексике или этнографической стороне горного пастушества в Карпатах (последнее имеет в данном случае весьма существенное значение)². Ее статью завершает вывод (с опорой на В. Махека и Г. П. Клепикову): «лексема *koliba* принадлежит к пласту лексики, вошедшей в словацкий язык (и некоторые другие языки карпатской зоны) в результате „валашской колонизации“ и содержащей прямые или опосредованные заимствования из восточнороманских языков» [3, с. 163].

Второй довод (автор придает ему «большее значение») заключается в обращении к «группе топонимических свидетельств, показывающих, что лексема **koľuba* некогда была распространена в западнославянской области значительно севернее и западнее, нежели в настоящее время», а именно в кашубской и полабской областях. С этой целью из известных трудов Р. Траутмана [4; 5] извлечены «кашубские *MN Kolibka, Kolibki*, в немецкой передаче — *Kolibken*, а также кашубское (в немецкой передаче) *MN Kōlebig*. К ним примыкают старые передачи *Colebike trans Albiam 1161/1163 г.* и *Colibick (Бранденбург. 1173 г.)*» [1, с. 81], со ссылкой на [4, S. 73]. Трактую данные свидетельства как «кашубские и древнеполабские отражения слав. **koľuba* с присущими последнему вариантами гласного второго слога (**kolēba/*koliba*)», автор приписывает свой взгляд и Р. Траутману: «см. в целом ту же точку зрения уже в [4, S. 73]» [1, с. 81]. Однако это является грубым искажением источника. Р. Траутман в указанном месте утверждает, ссылаясь на Э. Бернекера [6, S. 546]: «из древнего **kolibky Pl.*, произошедшего из первоначального *б а л к а н с к о г о* слова (*Balkanwort*) (разрядка наша. — Л. Г., И. К.), рано проникшего в славянский — польск. *koliba* ‘хижина’, болг. *koliba* ‘пастушеская хижина’». Кроме того, автор произвольно изменил порядок подачи материала у Траутмана, начинающего с форм мн. ч. Иное дело, что идея Р. Траутмана о балканском происхождении перечисленных топонимов действительно может быть поставлена под сомнение прежде всего в силу их слишком ранней для «валашской колонизации» временной фикса-

² Факт принадлежности слов. *koliba*, польск. *koliba, koleba* и укр. *колиба* прежде всего к сфере пастушеской терминологии не отражен В. Э. Орлом и при изложении материала соответствующих языков в начале статьи, несмотря на то, что почти во всех языковых и диалектных словарях такие указания имеются.

ции, а также территориальной оторванности от карпатской области. Заслуживает внимания другое: упомянутое Р. Траутманом кашуб. Kolibki, Kolibka (нем. Koliebkен) в окрестностях Нойштадта (совр. Вейхерово, к северо-западу от Гданьска) в польской традиции засвидетельствовано как Kolebki, Kolebka (нем. Koliebkен), локализация та же [7, S. 260]; там же указаны еще три пункта в центральной Польше с тем же названием). Судя по данному в источнике описанию, это бывшее рыцарское владение, расположенное на вьсоком (144 футов) берегу Пудского залива, поэтому не могут быть приняты ни мысль В. Э. Орла о связи указанного топонима с названием легкого переносного жилища (от этого слова обычно образуются названия маленьких горных поселений из нескольких домиков, ср. Kolibu в Подгалье [7, S. 263]), ни приводимое им устное предположение О. Н. Трубачева, что «здесь мотивация топонимов связана с характером рельефа, зыбкой почвы» [1, с. 81]. Можно с уверенностью сказать, что в рассматриваемом случае мы имеем дело с топонимом, произведенным от кашуб. kolibka 'колыбель' (< *kolybьka [2, с. 165]), в польской передаче отождествленном с kolebka то же (< *kolёbьka). К возможности подобного типа номинации ср. польск. Kołyski [7, S. 270], также русск. *Колыбелька, Колыбель, Колыбельское* [8, S. 303], *Люльки, Люльково* [9, S. 297].

Далее к цитированным топонимам В. Э. Орел присоединяет гидроним (?) «Kalibe (Гольдштейн, 1350 г.) и со значительно меньшей уверенностью Calubye (Мекленбург, 1170 г.), Calube (Мекленбург, 1244 г.)» [1, с. 81], взятые из другого труда Р. Траутмана [5, S. 71, 73]. При том, что автор оставил без объяснения, каким образом слав. *о* могло одновременно передаваться с помощью нем. *о* и *a*, самая странная вещь ожидала нас при непосредственном обращении к источнику. Оказалось, у Траутмана ГН Kalibe является фонетически опрошенным вариантом в последовательности из трех названий одного и того же объекта, приводимых под МН Karlubbe (с вариантом Kalübbe): «к нему ГН Karluba, Karlybbe 1350/40, Kalibe 1350» [5, S. 73]. Что же касается МН Calube : Calubye, то объяснение этих вариантов через ступень Kalübbe (объект тот же) дается при указанном МН Karlubbe с соответствующей отсылкой [5, S. 71]. Таким образом, эти топонимические свидетельства не имеют никакого отношения ни к кашуб. МН Kolibki (нем. Koliebkен), ни тем более, к слав. *kolyba. Естественно, оба рассмогренных довода В. Э. Орла, возникших в результате искажения источников и элементарных ошибок, не могут поколебать, вопреки декларации автора [1, с. 81—82], общепринятого представления об ареальной истории пастушеского строительного термина koliba, снимая одновременно и главный резон для пересмотра его этимологии.

Перейдем к семантической стороне предлагаемой В. Э. Орлом этимологии. Говоря о возможных путях семантической мотивации *kolybati → *kolyba, В. Э. Орел выделяет «один тип номинации, который, возможно, имеет непосредственное отношение к предлагаемой этимологии слав. *kolyba и охватывает случаи, когда постройка именуется с помощью производного глагола, означающего *п а к л о н н о е д в и ж е н и е*, т. е. основной семантический компонент, участвующий в толковании глаголов типа *колебать, качать*» [1, с. 82]. Начнем с толкования глаголов *колебать, качать*. Просмотр толковых словарей русского языка (В. Даля, Д. Н. Ушакова, А. П. Евгеньевой) показал отсутствие подобного семантического компонента у данных глаголов, ср. *колебать* 'приводить в мерное движение, заставлять раскачиваться взад и вперед, из стороны в сторону или сверху вниз' [10, с. 71], особенно наглядно у Д. Н. Ушакова — 'сотрясать толчком, толчками, сообщать повторное ритмическое движение взад и вперед или сверху вниз' [11, с. 1399], и только Даль в числе прочих значений дает 'клонить туда-сюда' [12, с. 136]; ср. *качать* 'приводить в колебательное движение, нагибая из стороны в сторону или вверх и вниз' [11, с. 1339], 'приводить в колебательное, ритмичное движение из стороны в сторону или сверху вниз' [10, с. 42]; В. Даль также объясняет *качать* через *колебать* и под. без компонента 'наклонять'. Таким образом, В. Э. Орел толкует семантику глаголов *колебать* и *качать*, сообразуясь

с собственными представлениями о реалиях, а не с актуальным словоупотреблением, отраженным в толковых словарях.

Ложная посылка повлекла за собой и искусственную иллюстрацию. В. Э. Орел считает «ближайшим примером» предлагаемого им типа номинации построек и.е. *k'leit-/ *k'loit- (от глагольного корня *k'lei 'наклонять, прислонять' (ссылка на [2, с. 26—27]). Среди продолжений этой основы, обозначающих различные виды построек, им приводится и слав. *klěť. Однако для подтверждения своей мысли автор использовал только случаи, когда *klěť обозначает легкую самостоятельную постройку: 'хижину шалаш, сарай' опустив все употребления лексемы для обозначения подсобного или специального помещения при доме или в доме; др.-русск., русск.-цслав. *кльть* 'жилое помещение в доме, покой, комната', 'келья', 'клеть, амбар', 'кладовая при доме', болг. *клет* 'подвал', 'клеть, кладовая', 'землянка' и т. п. Именно эти значения дали О. Н. Трубачеву основание резюмировать исходную семантику слав. *klěť как 'более легкая конструкция, пристройка, прислоненная к основному строению...', отнеся его к и.е. *k'leit-/ *k'loit- 'прислонять, наклонять', ср. у Ю. Покорного 'neigen, lehnen' [13, S. 600]. Взамен этой достаточно ясной этимологии, в соответствии с изложенными выше неверными представлениями о семантике глаголов *колебать*, *качать* В. Э. Орел предполагает, что «название постройки *klěť обусловлено глаголом со значением 'наклонять', '*колебать'» [1, с. 83] и замыкает таким образом *circulus vitiosus* своих априорных построений. Между тем более внимательное рассмотрение статьи в словаре Ю. Покорного под *k'lei- показывает, что там нет ни одной лексемы, хотя бы отдаленно указывающей на значение 'колебать', 'качать', ср. суммарное описание значений: 'наклонять, прислонять; различные лестницы из прислоненных жердей' (отсюда 'палатка с каркасом из жердей, палок; 'вьючное седло'), 'лестничная или решетчатая деревянная конструкция; с другой стороны — 'склоны гор, холмы и пр.' [13, S. 600f.]. В наибольшей полноте семантические потенции и.е. *k'lei- воплотились в греч. *κλίω* 'на-, склонять', 'прислонять (в том числе жерди), возлежать', 'с-, прогибать, гнуть', 'класть, укладывать', *pass.* 'ложиться, возлежать (на ложе)' и т. д. (ср. [14 s. v.]) и его многочисленных производных: *κλίσις* 'хижина, шалаш', 'шатер, палатка, деревянный барак', 'стул', 'ложе', *κλίσιον* 'хижина, лачуга, барак', *κλίσιμός* 'седалище, стул', 'наклон, скат', *κλίσις, υος* 'скат, склон', *κλίμαξ* 'лестница', *κλίμα, ατος* 'склон, скат', *κλίμη* 'ложе (застольное), постель, носилки и пр.' и т. д. (см. [14 s. v. v; 15, S. 873—875]). К этой же группе производных относится и приводимое В. Э. Орлом в качестве прямой и.е. параллели к слав. *klěť греч. *κλίσις* 'склон' (слово, единожды употребленное Аполлоном Родосским, А. Р., I, 599). Ошибочно и утверждение относительно наличия «латентного значения колебать» [1, с. 82] в греч. *κλιματίας* 'землетрясение' и *ἀκλίμη* 'неколебимый'. Греч. *κλιματίας* — позднее, редкое, возможно, искусственное образование от упомянутого *κλίμα, ατος* 'склон, скат', встречается, согласно словарю Лидделла-Скотта, по одному разу в Аллегориях Гераклита (I в. н. э.) и у Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) [16, p. 961] в значении, тождественном *ὁ ἐπικλίνας* 'движущий вбок, в сторону (moving sideways)', ср. [*σεισμοί*] *ἐπικλίνας* [earthquakes] that move at acute angles' [16, p. 639] со ссылкой на Аристотеля. Перед нами не «латентное значение», а принципиально иной тип номинации по сравнению с русск. *землетрясение* или греч. *σεισμός γῆς* (*χθονός*) от *σειώ* 'трясти, качать, колебать'. Не случайно П. Шантрэн в своем словаре [17, p. 543], откуда В. Э. Орел, видимо, взял, упростив перевод, это редкое слово, выразился весьма осторожно: «*ε r r e s e d e tremblement de terre*» (разрядка наша. — Л. Г., И. К.); ср. у того же Шантрэна [18, p. 994]: *σεισμός* 'secousse, tremblement de terre, agitation'; Фриск [15, S. 874] ограничился значением 'neigend'. Со вторым примером дело обстоит проще: прилагательное *ἀκλίμη* — тривиальное образование от глагола *κλίω* с первоначальным значением 'несгибаемый, прямой' и переносным 'твердый, неколебимый' [14, s. v.].

Таким образом, возможности номинации некоторых видов жилых по-

мещений (рассмотренное слав. *klěť, гот. hleifra 'хижина, шалаш', 'палатка, шатер' и т. п.) полностью заключены в семантико-этимологическом спектре и.-е. *k'leit-/k'loit- от и.-е. *k'lei-. Приняв дополнительно во внимание др.-ирл. cliath 'сratis', галло-ром. *cleta 'камышовый плетень', 'загон', лат. clitellae 'вьючное седло для ослов и мулов', умбр. kleitram 'посылки, паланкин', др.-в. нем. (h)leitara 'лестница' и т. п. [13, S. 601], можно реконструировать более древнее, чем в [2, с. 27] (см. выше) значение, а именно: 'сооружение из сплетенных, сделанных в форме решетки, прислоненных друг к другу жердей', ср. среди продолжений слав. *klěť: с.-хорв. *клѣт клиѣт* кроме прочего 'перегородка', русск. диал. *клеть* 'решетка', *клети* 'костыли' [2, с. 26]. В. Э. Орел смешал здесь два противоположных глагольных действия: 1) 'наклонять, прислонять (чтобы придать устойчивость)', ср. одно из вышеприведенных значений греч. κλίνω 'упирать' и пр.; и 2) 'наклонять из стороны в сторону или вверх и вниз (чтобы привести в мерное, колебательное движение), качать'.

Постулировав обусловленность слав. *klěť глаголом со значением '*колебать', автор двигается далее и распространяет на *kolyba «признак легкости конструкции» [1, с. 83], доминирующий, согласно О. Н. Трубачеву, в названии *klěť — положение, кстати говоря, высказанное не в этимологическом толковании значения, а в полемике с В. Махеком [2, с. 27]. Хотя слав. *kolyba действительно обозначает легкую, временную, часто переносную и даже, говоря образным языком автора, «зыбкую» постройку (в карпатской диалектной зоне прежде всего пастушескую), однако, кроме определенно сомнительного и произвольно предполагаемого сходства типа номинации и некоторой семантической близости этих лексем из рассмотренных гипотез, якобы подтверждающих этимологическую связь *kolyba, *kolěba с *kolybati, *kolěbati, ничего проистекать не может.

Впрочем, В. Э. Орел усматривает «дополнительный аргумент в пользу» своей этимологии *kolybati → *kolyba «в том, что, принимая ее, удается заполнить одну существенную лакуну словообразовательного характера» [1, с. 83]. Он устанавливает непосредственные отношения словопроизводства между *kolyba и *kolěba и *kolybati, *kolěbati в то время, как *kolybъka, *kolěbъka являются, по его мнению, не прямыми производными от соответствующих глаголов, как это явствует из [2, с. 130—131, 165], а деминутивами на -ъka «от основного, первичного деривата — *kolyba, *kolěba». Между тем, эта гипотеза также предстает умозрительной конструкцией, не подтверждаемой конкретным материалом. Во-первых, слав. *kolěba, вычленимая автором на основании превратно истолкованного кашуб. топонима Kolibki (см. выше), вообще не засвидетельствована ни в одном славянском языке и не может быть экстраполирована в праславянский; *kolyba же не имеет ни одного наличного рефлекса, хотя бы отдаленно связанного с детской колыбелью, зыбкой, люлькой, о чем см. ниже. Во-вторых, деминутивы, особенно в сфере детской экспрессивной лексики, нередко имеют самостоятельный морфологический статус, ср. в данном случае отсутствие промежуточного «первичного деривата» в деривационной паре праслав. *kolysati → *kolybъka ([20, s. 377], там же фактический материал по славянским языкам, см. еще [12, с. 144 сл.]).

Сознавая, видимо, семантическую отчужденность основных значений *kolyba 'вид постройки' (о значении незасвидетельствованного *kolěba сказать ничего нельзя) и *kolybъka, *kolěbъka 'колыбель, люлька', автор пытается «в той или иной мере продемонстрировать вторичность значения 'колыбель'» [1, с. 83] для последних. Он предлагает рассматривать в качестве первичных явно позднейшие, производные значения, а именно: ст.-польск. kolebka, по В. Э. Орлу, 'переносная постель' [1, с. 83], ср. в [2, с. 131] 'колыбель', 'переносная постель'. Если бы автор в обычной своей манере не брал фактический материал из вторых рук, а обратился к источнику [21, S. 315], то он бы убедился, что значение 'łózko poszone', данное третьим, после 'детская люлька, колыбель' и 'экипаж с кузовом, подвешенным на ремнях' (лат. 'currus, capso loris suspenso'), толкуется как 'посылки, паланкин' (лат. 'lectica'). Польск. kolebka, по В. Э. Ор-

лу, 'носилки' [1, с. 83] — в [2, с. 131] 'колыбель', 'носилки'. Единственный пример, извлеченный автором самостоятельно из [22, S. 954] — kolebka (с XII в.) 'особый вид экипажа, кузов которого был особым образом подвешен на ремнях' [1, с. 83] (ср. выше то же значение в старопольском), аналогично предшествующим случаям отражает *колыбель* в ее почти прямом значении, ср. весьма характерный пример: koleba 'wozek kolejowy, podobny do kolebki' ([19, с. 210] с ссылкой на Grase *filologiczne* V, S. 766). Итак, утверждать на базе рассмотренных примеров, что «некоторые континюанты *колыбка*, *колёбка* действительно сохранили значения, отличные от значения 'колыбель' и ... не в выводе и мые из него» [1, с. 83] (разрядка наша. — Л. Г., И. К.), значит представлять материал источников в заведомо превратном свете.

Трудно сказать, в какой мере после сказанного выше «ясно, насколько значения типа 'носилки' приближают эти формы к названию временного переносного жилища, воплощенному в **kołyba*, **kolëba*, вплоть до их полного совпадения», но среди трех примеров таких названий, приведенных в поддержку этой мысли [1, с. 83], нет ни одного корректного. Так, для слов. диал. kolibka 'переносное ложе пастуха на ножках' в источнике после запятой дано 'будка' [3, с. 160], ср. карпато-укр. koliba на kólkach 'переносное сооружение на ножках, где спал пастух' и пр. [19, с. 208], польск. kółyba 'переносное пастушеское укрытие с навесом, предохраняющее от дождя, для спанья рядом с кошарой' [23, s. 92—93]. Второй словацкий пример также приведен в усеченной форме: podkolibka 'будка на ножках и с ручками наподобие носилок' в источнике [3, с. 160] 'сторожка (переносная), в которой спят пастухи, в форме будки на ножках и с ручками наподобие носилок'. Поразителен третий пример — ю.-польск. (?) kolibka 'переносное ложе' [1, с. 84] с ссылкой на [19, с. 209] (на самом деле — с. 210). Этот очень важный для всего построения В. Э. Орла пример ему следовало бы внимательно проверить в источнике. Г. П. Клепикова, согласно ссылке, взяла его из Старопольского словаря, к сожалению, не указав страницу, однако формы kolibka в этом словаре не обнаружено, значение же, приводимое Г. П. Клепиковой в ряду с 'хижина пастуха' — упоминавшееся выше 'łózko poszone' помещено в [21, S. 315] при слове kolebka и несомненно, никакого отношения к пастушескому термину koliba иметь не может. Из сказанного выше с очевидностью следует, что значение 'носилки' по отношению к *kołyba* следует понимать весьма расширительно: речь идет о легких переносных пастушеских сооружениях (будках, домиках), предназначенных для спанья и снабженных, наподобие носилок, ручками.

В конце статьи В. Э. Орел, пытаясь ответить на вопрос, «как на базе значений 'переносное временное жилище', 'переносное временное ложе' могло сформироваться название колыбели» [1 с. 84], выдвигает гипотезу о том, что «словом **kołybka*, **kolëbka* обозначалась не любая колыбель, но только один ее конструктивный тип, отличный от люльки, подвешенной под потолком» [1, с. 84], рассмотрение которой после всего сказанного вряд ли имеет смысл. Отметим лишь некоторые несообразности в приводимых в качестве доказательств фактах. Алб. katund, обозначающее, по В. Э. Орлу, «различные типы построек или их частей ('погреб' и под.) и вторично, служащее названием поселения» [1, с. 84], реально засвидетельствовано в албанском только как название села, поселка, деревни [24, f. 207]; говорить о вторичности этого значения можно только, учитывая этимологический уровень. Упоминая значение 'погреб', автор, видимо, имел в виду генетически родственное алб. katua (< *katōna) 'нижний этаж в доме, где держат скот, сельскохозяйственные орудия, дрова и прочие хозяйственные предметы' [24, f. 207]. Абсолютно безосновательна мысль, что katund «прозрачным образом соотносится с глаголом tund 'качать, двигать, колебать'» [1, с. 84]. Оставляя в стороне характеризованную выше семантическую искусственность подобного отождествления, заметим, что -d в katund явно позднего характера (более старая форма сохранилась в рум. cătun, ср. также алб. shkrumb 'пепел, зола' при рум. scum то же), в то время как в алб. tund (из лат. tundo

‘бить, стучать, ударять и под.’ [25, S. 452]) финальное *d* исконно. Не-объяснимы в рамках албанской морфологии и предлагаемые деривационные отношения между существительным *katund* и глаголами *përkund*, *lëkund* (< *për-katund, *lë-katund), не оформленные специальными показателями.

Коснемся вкратце некоторых неточностей в критической части обсуждаемой статьи В. Э. Орла, отметив предварительно характерную безапелляционность выражений и все то же небрежное обращение с источниками и литературой. 1. Неверно, что «опыты этимологического истолкования» слав. **kolyuba* «немногочисленны» [1, с. 79]. Помимо приведенного автором словаря Ф. Миклошича [26, S. 125] (кстати, там дается *koliba*, а не *kolyuba*, как у В. Э. Орла), назовем хотя бы этимологические словари Э. Бернекера [6, S. 546], П. Скока [27, s. 124], В. Махека [28, s. 269], Ф. Славского [20, s. 354], Вл. Георгиева [29, с. 555—556], А. Чоранеску [30, № 2259], Венгерский историко-этимологический словарь [31, 323. old.], Украинский этимологический словарь [32, с. 510], не говоря уже о многочисленных работах по заимствованиям, например, [33, p. 193], [34, 244. old.] и др. 2. Имеется противоречие при оценке банат. *кулыба*: свидетельство данной формы в пользу реконструкции **у* во втором слоге (в чем автор, правда без соответствующей ссылки, следует за О. Н. Трубачевым, у которого *колыбче* [2, с. 163]) может стать релевантным, только если признать, как О. Н. Трубачев, диахроническую идентичность **kolyuba* и **xalupa*, однако у В. Э. Орла это отождествление «вызывает некоторые сомнения» [1, с. 79], к сожалению, не объясненные. 3. Автор приписал этимологию **koliba* одному Л. А. Гиндину, хотя ссылается на коллективные работы [35, 36]. В принципе это не очень существенно, но в данном случае приводит к большой путанице, поскольку авторство критикуемых положений не соответствует действительности. 4. Говоря о трудностях, связанных с передачей долгого *ā* первого слога посредством слав. *о* в **koḡabj̄* < ср.-греч. *καράβιον* [1, с. 80], автор упустил из виду нашу важную помету «в безударном положении» [36, с. 26], ср. [29, с. 626], точнее было бы сказать в предударном слоге. 5. В критике предполагаемой нами семантической переключки греч. *καλύβη* и карп. **koliba* имеется явная передержка: в [36] мы нигде не утверждали, «что двухчастная постройка — древнейшей из известных типов». Древнейший тип, как говорится в нашей работе, засвидетельствован у Феопомпа (FIG II, s. 577, № 204): *καλύβαι* ‘какие-то ширмы, прикрытия вокруг ложа’ и у Гесиохия: *καλύβη: σκηνή, πλάτας*, т. е. ‘покрытие, укрытие’ в полном соответствии с семантикой производящего глагола *καλύπτω* ‘покрывать’ [36, с. 28].

Таким образом, ни с содержательной, ни с методической стороны (как то: проверка достоверности исходного материала, приемы обработки источников, последовательность и выполнение процедур этимологического анализа и т. п.) рассмотренная статья В. Э. Орла критики не выдерживает.

В заключении несколько слов о позитивных результатах развернувшейся полемики. Как нам теперь представляется, обсуждаемое слово действительно проникло в южнославянские языки уже в карпато-балканском ареале через посредство каких-то древних северо-балканских языков (например, фрако-дакийского или иллирийского), где *b* не переходило в фрикативный *v*; его первоначальным источником является др.-греч. *καλύβη* ‘хижина, шалаш и под.’, стереотипное именное образование от *καλύπτω* ‘покрывать, скрывать’ (в этом наше основное расхождение с О. Н. Трубачевым). Из южнославянских языков лексема попала в восточнороманский (рум. *colibă*), претерпев там специализацию в плане пастушества, а оттуда в качестве пастушеского термина распространилась прямо или опосредованно в карпатских диалектах западно- и восточнославянских языков.

Вопрос о реконструкции гласного второго слога (**koliba* или **kolyuba*) остается неопределенным, даже если признать вслед за О. Н. Трубачевым [37, с. 16] возможное диахроническое родство с слав. **xalupa* (через germ. **χālūpā*), несмотря на некоторые фонетические сложности, напри-

мер, передачу germ. *u* посредством слав. *u*, а не *ъ*, ср. праслав. *xъlъmъ < germ. hulma- [37, с. 138 сл.] и др. Следует учитывать весьма вероятною одновременность актов заимствования данных лексем. Германцы появились в карпато-балканском ареале на несколько веков ранее славян (ср. германо-древнемакедонские языковые связи [38, S. 100f.]) и могли получить слово прямо из северогреческих диалектов, не трансформировавших, в противоположность ионийско-аттическому и позднему койнэ, *u* в *й*. Так например, *u* оставалось без изменения в дорийских (лаконских) диалектах, сохранивших некоторые северногреческие черты, ср. *xъpоvъ xъpоvъ*. Λάκωνες (Hes.), τούvη σό. Λάκωνες (Hes.), οὐβραῖvι-οὐβραῖvι [39, S. 85]. При всем этом наличие факты славянских языков не содержат однозначно толкуемой информации для выбора между реконструкцией **u* или **i* в рассмотренной лексеме. Решение этой альтернативы целиком зависит от внешних этимологических данных, прежде всего греческих, которые, по нашему мнению, скорее свидетельствуют в пользу **i*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орел В. Э. К вопросу о происхождении одного славянского названия постройки. — Советское славноведение, 1985, № 5, с. 79—84.
2. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева, вып. 10. М., 1983.
3. Овчинникова Е. Н. К вопросу о семантической эволюции лексемы koliba в словацком языке. — Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, с. 157—163.
4. Trautmann R. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Teil II. Berlin, 1949.
5. Trautmann R. Die slavischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins. Berlin, 1950.
6. Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg, 1908.
7. Słownik geogra iczny królestwa Polskiego. T. IV. Warszawa, 1883.
8. Vasmer M. e. a. Russisches geographisches Namenbuch. Bd. IV, 2. Wiesbaden, 1969.
9. Vasmer M. e. a. Russisches geographisches Namenbuch. Bd. V, 2. Wiesbaden, 1970.
10. Словарь русского языка. Т. II. 2 изд. Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1982.
11. Толковый словарь русского языка. Т. I. Под ред. Д. П. Ушакова. М., 1935.
12. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. 2 изд. М., 1881.
13. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern, 1949.
14. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.
15. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg, 1954.
16. Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1948.
17. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, v. II. Paris, 1970.
18. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, v. IV—1. Paris, 1977.
19. Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974.
20. Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. II. Kraków, 1958—1965.
21. Słownik staropolski. T. III. Warszawa, 1961.
22. Słownik języka polskiego. T. I, A — K. Warszawa, 1978.
23. Hertzcek-Morozova W. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego. T. I. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975.
24. Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954.
25. Meyer G. Albanisches Etymologisches Wörterbuch. Straßburg, 1891.
26. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
27. Skok R. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. II. Zagreb, 1972.
28. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. 2. vyd. Praha, 1971.
29. Български етимологичен речник. Съст. В. Георгиев, Ив. Гълъзов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. II. София, 1979.
30. Cioranescu A. Diccionario Etimológico Rumano. Tenerife — Madrid, 1958—1961.
31. A magyar nyelv történeti — etimológiai szótára. II. köt. Budapest, 1970.
32. Етимологічний словник української мови. Гол. ред. О. С. Мельничук. Т. II. Київ, 1984.
33. Lukasik S. Pologne et Roumanie aux confins des deux peuples et deux langues. Paris, 1938.
34. Kntezsa J. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I. köt Budapest, 1955.
35. Бернштейн С. Б., Гиндин Л. А., Клепикова Г. П. «Общекарпатский диалектологический атлас» и некоторые проблемы южнославянского этногенеза. — В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, с. 3—17.
36. Гиндин Л. А., Калужская И. А. О применении проспективного и ретроспективно-анализа в исследовании лексики карпатобалканского региона. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Язык в этно-культурном аспекте. М., 1984, с. 25—38.
37. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева, вып. 8. М., 1981.
38. Kretschmer P. Nordische Lehnwörter im Altgriechischen. Glotta. Bd. 22, 1934.
39. Thumb A. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1909.

PRO И CONTRA ОДНОЙ ЭТИМОЛОГИИ

Моя работа о слав. **koľuba* вызвала критический отклик Л. А. Гиндина и И. А. Калужской [1], тщательно проверивших и перепроверивших предложенную аргументацию и негативно оценивших мои результаты. Хотя читатель сам может нащупать сильные и слабые стороны в доводах спорящих, стоит вкратце остановиться на тех дискуссионных вопросах, которые действительно представляют научный интерес.

Л. А. Гиндин и И. А. Калужская невольно поддались заблуждению, что в моей статье во главу угла поставлена новая этимология слав. **koľuba* (см. о ней ниже) — этой этимологии они почти целиком посвятили свой разбор. На самом деле, предложенное мною новое объяснение, которое я сам квалифицирую как гипотетическое [2, с. 82], дано в дополнении к основной части работы, назначение которой — показать, что прежние этимологические решения (в том числе и то, сторонником которого является Л. А. Гиндин) неудовлетворительны. Естественно было бы ожидать, что мои оппоненты выскажутся по сути проблемы и подкрепят аргументацию, выдвигавшуюся ранее.

Этого, однако, не произошло, что и не удивительно: прежние доводы моих коллег, как было показано в [2], — доводы слабые, новых же в их распоряжении пока, по-видимому, нет. Л. А. Гиндин и И. А. Калужская не могли и не могут объяснить главного: в чем причина нерегулярных фонетических отношений между греч. *καλύβη* и слав. **koľuba* (вместо последнего ожидалось бы **koliva*, и такое слово действительно существует). Если оставить эту нерегулярность без объяснений, но все-таки настаивать на связи славянского слова с греческим, данная этимология лишится всяких оснований.

Сознавая это, Л. А. Гиндин в разное время по-разному пытался обойти возникшее препятствие: то допуская, что греческое слово было передано непосредственно славянам до II в. н. э., т. е. до изменения $b > v$ в греческом, то предполагая, что заимствование произошло не прямо, а через посредство какого-то балканского языка (дакийского). Нетрудно заметить, что первое объяснение — и здесь мы целиком согласны с Л. А. Гиндиным — страдает «не меньшей умозрительностью», чем второе [3, с. 27]: если мысль о прямом заимствовании из греческого (т. е. о славяно-греческих контактах до II в. н. э.) несовместима со всем, что известно об истории расселения славян в эту эпоху, то гипотеза о дакийском посредстве вообще не основана ни на одном реальном факте¹. Подробному разбору этих неудачных предположений и посвящена моя статья [2].

В выборе одного из этих взаимоисключающих, но ничего не проясняющих аргументов колеблется и сам Л. А. Гиндин, что в свете сказанного и неудивительно. Первоначально Л. А. Гиндин со своими соавторами (С. Б. Бернштейном и Г. П. Клепиковой) принял точку зрения о

¹ Это не помешало Л. А. Гиндину уточнить, что «этими даками могло быть племя костобоков, жившее ... на северо-востоке Карпат» [4, с. 16].

дакийском посредстве [4]. Впоследствии, однако, Л. А. Гиндин (уже с другим соавтором — И. А. Калужской) охарактеризовал слав. *kolyba иначе: как слово, непосредственно заимствованное из греческого [3]. Впрочем, на этом рано было бы ставить точку, поскольку в работе [1], посвященной разбору моей статьи, Л. А. Гиндин полагает, что славянское слово заимствовано «через посредство каких-то древних северо-балканских языков (например, фрако-дакийского или иллирийского)» — мысль, разительна напоминающая ту, от которой мой оппонент отказался в [3].

Аргументы фонетического характера — существенные, но не единственные доводы против этимологии, принимаемой Л. А. Гиндиным и И. А. Калужской. Довольно большое значение я придаю приведенным в [2] топонимическим данным, свидетельствующим о бытовании слав. *kolyba на территории северной Славии. В этом отношении я следую за Р. Траутманом, впервые обратившим внимание на то, что такие названия, как кашуб. Kolibki, по всей вероятности, связаны с интересующим нас словом, считавшимся прежде исключительно южно- и карпато-славянским. Как ни странно, мои оппоненты не замечают логической связи между позицией Траутмана и тем, что более пространно говорится в моей работе. Вместе с тем, тот малосущественный факт, что топонимический материал Траутмана процитирован мною не в том порядке, как это сделал сам автор, признается «искажением источников».

Любопытно, что некоторые факты, приводимые Л. А. Гиндиным и И. А. Калужской, имеют смысл, прямо обратный тому, который вкладывается в эти факты моими оппонентами. Они отмечают, например, что кашубский топоним Kolibki локализуется на высоком берегу Пуцкого залива и даже приводят высоту берега в футах, но чуть ниже пишут: от слова *kolyba «обычно образуются названия маленьких горных поселений». В чем же усматривается противоречие? Это скорее дополнительное подтверждение моей мысли, чем ее опровержение. Чтобы закончить на этом обсуждении топонимического аспекта проблемы, замечу, что материал опровергает также и пространные семасиологические рассуждения Л. А. Гиндина и И. А. Калужской (о семантической стороне дела см. также ниже): в окрестностях Гдыни, рядом с топонимом Kolibki, Kobileka отмечено еще несколько названий, образованных по той же семантической модели — это топоним Kasz и гидроним Kasza (к польск. kaszać się) и топоним Chylonia, Chyłowo, Chyła (к польск. chylić) [5, s. 89].

Недостаточно продуманный характер имеют и многие другие доводы Л. А. Гиндина и И. А. Калужской. Приведу лишь два-три примера. Мои оппоненты недоумевают, «каким образом слав. *o* могло одновременно передаваться с помощью нем. *o* и *a*». В том-то и заключается дело, что передачи эти не были одновременными: *a* неизменно появляется на месте слав. *o* в более ранних письменных памятниках. Спецификой иноязычных передач объясняется, конечно, и появление варианта Karluba у названия Kalibe — это результат онемечивания, переосмысления на германской языковой основе непонятого славянского слова.

Трудно принять не только фонетические, но и семантические аргументы Л. А. Гиндина и И. А. Калужской, точнее — сам их подход к анализу языковых значений. Не делая различия между русским словом *колебать* и значением 'колебать', мои коллеги подменили семантическую интерпретацию последнего ссылками на толковые словари русского языка — процедура, с точки зрения филолога, некорректная. Впрочем, даже эта некорректная процедура никак не укрепляет позицию Л. А. Гиндина и И. А. Калужской: приведенные ими словарные толкования разноречивы, и показания словарей литературного языка моим оппонентам придется предпочесть более глубоким и содержательным объяснениям В. Даля.

К сожалению, не всегда достоверны суждения Л. А. Гиндина и И. А. Калужской, относящиеся к карпато-балканской проблематике, в частности, то, что сказано относительно этимологии алб. *katua* и историко-фонетического аспекта отношений между алб. *katund* и рум. *cătun*. В об-

суждение этих проблем здесь можно не вдаваться — см. на эту тему работы [6] и, более подробно, [7], очевидно, оставшиеся неизвестными моим оппонентам.

Отвечая на критику Л. А. Гиндина и И. А. Калужской, я ставил себе целью показать логическую и лингвистическую противоречивость защищаемой ими этимологии. Если мне удалось убедить в этом моих оппонентов, цель можно считать выполненной, а полемику — завершённой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиндин Л. А., Калужская И. А. Вновь о слав. *koliba. — Советское славяноведение, 1987, № 1.
2. Орел В. Э. К вопросу о происхождении одного славянского названия постройки. — Советское славяноведение, 1985, № 5.
3. Гиндин Л. А., Калужская И. А. О применении проспективного и ретроспективного анализа в исследовании лексики карпатобалканского региона. — В кн.: Славянское и балканское языковедение. Язык в этно-культурном аспекте. М., 1984.
4. Бернштейн С. Б., Гиндин Л. А., Клепикова Г. П. «Общекарпатский диалектологический атлас» и некоторые проблемы южно-славянского этногенеза. — В кн.: Славянское языковедение. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983.
5. *Rospond St. Słownik etymologiczny miast i gmin PRL.* Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1984.
6. Орел В. Э. Состав и характеристика субстратного апеллативного фонда балканославянских языков. АБД. М., 1981.
7. Орел В. Э. Состав и характеристика субстратного апеллативного фонда балканославянских языков. Дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. М., 1981.

БОЛЬШАКОВА К. В.

У ИСТОКОВ СОТРУДНИЧЕСТВА ИСТОРИКОВ СССР
И НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ (1946—1951)

С установлением народной власти в Польше сложились благоприятные условия для развития научных связей между советскими и польскими историками. Советские ученые проявляли интерес к работам польских коллег, польские — интересовались исследованиями советских специалистов. Эти связи в рассматриваемые годы осуществлялись в основном через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС).

Одной из форм контактов советских и польских историков был обмен научными изданиями. В 1946 г. библиотека АН СССР обратилась в ВОКС с просьбой о содействии в получении из Польши книги проф. Т. Лер-Сплавиньского о происхождении славян, изданной в Познани в том же году [1, оп. 17, д. 237, л. 178 об.]. Это издание, присланное автором в ВОКС, было передано по просьбе польского ученого его советским коллегам: проф. А. Д. Удальцову (МГУ), проф. П. Н. Третьякову (Институт материальной культуры в Ленинграде), В. В. Мавродину и М. И. Артамонову (Ленинград), акад. И. И. Мещанинову (Институт русского языка АН СССР) [1, оп. 17, д. 237, л. 118—120, 189]. Советский историк акад. Б. Д. Греков получил в 1946 г. ряд брошюр из Польши, одна из которых — работа проф. Я. Домбровского «Udział chłopów w przeszłości Polski» — особенно заинтересовала его в связи с собственными исследованиями истории крестьянства на Руси (об этом Б. Д. Греков писал проф. Г. Батовскому, приславшему вышеупомянутые брошюры, обещая отправить ему зимой свою книгу о крестьянах на Руси с древнейших времен до оформления крепостных отношений, пока находящуюся в печати; в письме содержалось также напоминание польскому ученому, что ждут его статей) [1, оп. 17, д. 234, л. 77, 81].

В том же году были посланы: книга Л. В. Черепнина «Русская хронология» Варшавскому университету и Польской академии знаний (ПАЗ) [1, оп. 17, д. 234, л. 178 об.], отдельные выпуски «Кратких сообщений Института истории материальной культуры» проф. Т. Лер-Сплавиньскому [1, оп. 17, д. 234, л. 49], книга Н. В. Пигулевской «Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.» [1, оп. 17, д. 234, л. 29] проф. Т. Ковальскому, несколько книг направил ему и акад. Б. Д. Греков [1, оп. 17, д. 234, л. 42].

В 1947 г. ВОКС послал книгу акад. Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.» проф. Ягеллонского университета Т. Лер-Сплавиньскому и Ф. Буяку [1, оп. 17, д. 233, л. 179], отписки статей и библиографию работ историка-востоковеда В. А. Гордлевского, опубликованные в журнале «Советское востоковедение» и в «Известиях АН СССР», — проф. Т. Ковальскому [1, оп. 17, д. 233, л. 60, 62, 65], а Общество польско-советской дружбы (ОПСД) переслало в ВОКС два экземпляра книги проф. Вроцлавского университета В. Зимницкого «Турецко-монгольская хронология» для проф. Л. В. Черепнина и Академии наук СССР [1, оп. 17, д. 244, л. 98].

В 1948 г. проф. М. Н. Гернет отправил библиотеке ПАЗ в Кракове два тома своего исследования «История царской тюрьмы» (М., 1941, 1946). В его письме, адресованном президенту ПАЗ К. Нитшу, говорилось о том, что это издание может представить интерес для польского читателя, так как в нем впервые опубликованы сведения о некоторых поляках — участниках революционного движения [1, оп. 17, д. 241, л. 87, 88]. Акад. В. А. Гордлевский по просьбе проф. А. Зайончковского направил ему две последние статьи и список своих работ [1, оп. 17, д. 250, л. 50—52]. Из Польши были посланы книги, альбомы и т. п. для акад. Е. В. Тарле [1, оп. 17, д. 248, л. 75].

В начале 1949 г. В. А. Гордлевскому были переданы два письма и научные труды проф. А. Зайончковского [1, оп. 17, д. 257, л. 230]. В том же году библиотека ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) просила ВОКС оказать содействие в получении для временного пользования книги А. Брюкнера «История русской литературы», т. I, вышедшей во Львове в 1922 г. на польском языке [1, оп. 17, д. 259, л. 81]. В начале 1950 г. ВОКС послал книгу акад. Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси...» министру С. Дыбовскому [1, оп. 17, д. 260, л. 117]. Тогда же ВОКС по просьбе краковских историков Я. Домбровского и С. Микуцкого переслал им книги: «История культуры древней Руси» для Я. Домбровского, монографии С. В. Юшкова, С. К. Богоявленского, А. А. Новосельского, отдельные тома «Материалов и исследований по археологии СССР», несколько выпусков «Исторических записок» и др. — для С. Микуцкого. Историческому факультету Ягеллонского университета были посланы книги Н. А. Машкина «Принципат Августа», В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» и др. [1, оп. 17, д. 260, л. 103, 105].

Среди направленной в Польшу в эти годы литературы были произведения классиков марксизма-ленинизма — статьи, опубликованные в X томе Архива К. Маркса и Ф. Энгельса; отдельные работы В. И. Ленина; несколько книг на польском языке (в том числе — «История ВКП(б), Краткий курс», «Краткий очерк жизни и деятельности В. И. Ленина», книга Е. С. Варги о фашистском новом порядке в Европе и др.), работы по истории ВКП(б), СССР, дипломатии, исследования Е. В. Тарле, Н. Г. Бережкова, А. З. Манфреда, В. Н. Дурденевского, И. М. Лемина, И. П. Грайнина, «Славянский сборник», «Материалы к истории ООН» [1, оп. 17, д. 233, л. 84, 160, 161, 169; д. 234, л. 3—5 об., 84, 141, 208, 212 об., 223, 302; д. 241, л. 52, 131, 133, 135, 137, 143; д. 242, л. 72, 87, 114—119; д. 248, л. 109, 176; д. 249, л. 8, д. 257, л. 19—21, 167; д. 258, л. 109; д. 260, л. 123, 127]. В эти годы устанавливались контакты и между редакциями научных исторических журналов. Редколлегия журнала «Вопросы истории» в 1946 г. послала письмо и первый номер журнала за 1946 г. проф. Е. Корнацкому (Институт народной истории, Варшава). В письме была просьба ознакомить сотрудников института с советским периодическим изданием; говорилось также о желании «получать... информацию о научной работе в области истории, проводимой Институтом», в связи с большим интересом, проявляемым советскими учеными к работе историков Польши [1, оп. 17, д. 243, л. 301, 306].

В августе того же года в ВОКС поступило из Польши несколько номеров журнала «*Zycie nauki*» и письмо ответственного редактора этого издания М. Хойновского. Журнал предназначался для рассылки в редакции советских периодических изданий, с которыми коллеги из польского журнала хотели установить постоянный обмен. В письме Хойновского говорилось о том, что его сотрудники интересуются «всевозможными изданиями из области организации науки и ее общественной роли, а также из области философии и исторической науки; мы охотно будем помещать заметки об этих изданиях на страницах нашего журнала» [1, оп. 17, д. 237, л. 20, 21]. В адрес редакции «*Zycie nauki*», видимо, регулярно направлялся журнал «Вопросы истории» [1, оп. 17, д. 247, л. 167; д. 258, л. 70, 73; д. 259, л. 101; д. 260, л. 103, 127]. В 1949 г. «Вопросы истории» пересылались также в адрес Главной дирекции архивов в Варшаве и других польских учреждений [1, оп. 17, д. 259, л. 127, 133].

В 1948 г. редакция журнала «Slavia Occidentalis» (его издавал Западный институт в Познани) обратилась в ОПСД с просьбой направить 50 экз. журнала в ВОКС для последующей рассылки их в различные советские научные учреждения (в приложенном списке значились: Академия наук СССР, АН УССР, АН ЛитССР, несколько университетов), с которыми у редакции журнала до войны были налажены контакты и обмен изданиями. В одном из писем выражалась надежда «путем обмена... получать советские издания и этим пополнить библиотеку, пострадавшую во время войны» [1, оп. 17, д. 244, л. 34; д. 248, л. 52, 70 об.; д. 257, л. 189, 199; д. 262, л. 54].

В 1949 г. в ВОКС был послан 11-й номер (за 1949 г.) польского журнала «Archeologia» с просьбой о рассылке в девять научных учреждений СССР, в том числе редакциям журналов «Вестник древней истории» и «Вопросы истории» [1, оп. 17, д. 262, л. 36, 37]. Два экземпляра польского журнала по востоковедению были пересланы в ВОКС Посольством Польши в СССР с просьбой передать их акад. И. Ю. Крачковскому в Ленинград и директору библиотеки Академии наук во Львове В. А. Ольшевичу [1, оп. 17, д. 263, л. 3].

В Польшу пересылались издания: «Византийский сборник», «Исторические записки», «Вестник древней истории», «Советская этнография» [1, оп. 17, д. 233, л. 161; д. 234, л. 31, 63, 73]. Из Польши в СССР поступали журналы: «Nowe Drogi», «Przegląd Socjalistyczny», «Myśl Współczesna», «Dzieje Najnowsze», «Przegląd Międzynarodowy» [1, оп. 17, д. 248, л. 34 и об.; д. 249, л. 5; д. 262, л. 101—106].

Советские и польские историки оказывали друг другу содействие в выявлении необходимых материалов для исследовательской работы, обменивались такими материалами и другой информацией, представляющей обоюдный интерес.

В 1946 г. директор ИМЭЛ В. С. Кружков направил фотокопии пяти документов ОПСД (из пометы на сопроводительном письме явствует, что фотокопии были переданы одному из членов польской делегации, находившейся тогда в Москве) [1, оп. 17, д. 237, л. 138]. В мае 1948 г. В. Кружков обратился в ВОКС с просьбой связаться «с краковскими друзьями Советского Союза» и попросить их установить, есть ли в краковской университетской библиотеке одна из книг Л. Фейербаха: Институту Маркса-Энгельса-Ленина необходимо было установить дату написания В. И. Лениным конспекта работы Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии» (на первой странице ленинского конспекта был указан шифр этой книги). Институт был заинтересован в получении фотоснимка шифра, проставленного на одной из страниц книги, если таковая обнаружится в библиотеке, или обозначенного в карточке каталога; кроме того, была просьба поискать в архиве библиотеки требовательные карточки и, в случае их обнаружения, также сфотографировать [1, оп. 17, д. 241, л. 49, 50].

В 1949 г. научный сотрудник ИМЭЛ В. Брушлинский направил письмо Ю. Серадзкому (автор статьи «Ленин в Польше», «Twórczość», 1948, № 10), в котором интересовался поисками того издания книги Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии», которое В. И. Ленин конспектировал в 1914 г. В заключение письма советский исследователь уведомлял польского коллегу о том, что написал заметку о его статье для журнала «Вопросы философии» (копия текста заметки прилагалась к письму) [1, оп. 17, д. 247, л. 248, 254, 256—260]. Позднее В. Брушлинский послал Ю. Серадзкому отпечаток своей статьи «Работа Ленина над философскими вопросами в 1914—1915 гг.» («Вопросы философии», 1947, № 2), выразив благодарность «за наведенные в краковских библиотеках справки» и просил сообщить, если «удастся получить какие-нибудь новые данные о работе В. И. Ленина в краковских библиотеках» [1, оп. 17, д. 247, л. 9—11].

В начале 1950 г. в связи с 25-й годовщиной со дня смерти Ю. Марклевского в Польшу были направлены архивные материалы о его революционной деятельности [2, с. 490].

В письме акад. Б. Д. Грекова (1946) проф. А. Бохеньскому в Краков

сообщалось об организации работы по изучению русско-польских отношений, которое советский ученый считал «делом важным и своевременным», по его мнению, сотрудничество советских и польских специалистов по этой проблеме «не только желательно, но и по существу дела необходимо» [1, оп. 17, д. 234, л. 189, 201]. Директор Института истории материальной культуры АН СССР А. Д. Удальцов просил профессора Торуньского университета В. И. Голубовича сообщить о судьбе материалов отчетности по раскопкам на Замковой горе в г. Гродно (1932—1938) в связи с предполагаемым продолжением раскопок [1, оп. 17, д. 233, л. 2, 6]. А. М. Панкратова, сообщая о работе над изданием «Истории дипломатии», рекомендовала в случае перевода отдельных статей акад. В. П. Потемкина в Польшу обратиться к его вдове [1, оп. 17, д. 233, л. 20].

Советские историки интересовались деятельностью польских научных учреждений. По запросу ВОКС осенью 1948 г. были получены сведения о научных трудах Западного института в Познани, его журнале «Przegląd Zachodni» (к письму прилагалось несколько выпусков журнала), о создании при Институте Товарищества друзей науки и первом номере его печатного органа «Czasopismo Historyczno-Prawne» (был также приложен к письму), о готовящемся втором номере, в котором предполагалась публикация большой статьи о советском историке С. В. Юшкове [1, оп. 17, д. 248, л. 22 и об].

Историки СССР принимали участие в научных мероприятиях своих польских коллег. Советская делегация присутствовала на VII съезде историков Польши (19—22 сентября 1948 г., Вроцлав) в составе: П. Н. Третьяков, проректор МГУ им. Ломоносова А. Л. Сидоров и сотрудник Института славяноведения АН СССР И. И. Удальцов [1, оп. 21, д. 56, л. 39—76]. В дискуссии по проблеме революции 1848 г. участвовал И. И. Удальцов [1, оп. 21, д. 56, л. 44—45], А. Л. Сидорова особенно интересовало, как разрабатываются проблемы новейшей истории Польши. Он рассказал об изучении в СССР истории рабочего класса, истории России второй половины XIX — начала XX в. [1, оп. 21, д. 56, л. 54, 56].

После окончания работы съезда советские историки побывали в Ягеллонском университете, ПАЗ, Институте славяноведения и архивах Кракова, в Западном институте в Познани, в Лодзинском университете [1, оп. 21, д. 56, л. 50—51] и выступили с докладами и лекциями о советской исторической науке [1, оп. 21, д. 56, л. 51].

По возвращении со съезда члены советской делегации выступили с рассказом о его работе в печати [3, 1948, № 11; 4, 1948, № 11], а несколько позднее в журнале «Вопросы истории» был напечатан подробный обзор опубликованных материалов съезда, сделанный историками-славистами В. Д. Королюком, И. С. Миллером и М. В. Миско [3, 1949, № 2].

Осенью 1948 г. в Польше находился акад. Б. Д. Греков: он возглавлял делегацию советских ученых, выезжавших в ноябре на празднование юбилея ПАЗ. На торжественном заседании, устроенном в Вавельском дворце, Б. Д. Греков передал дар Академии наук СССР (спектрограф, сконструированный советскими учеными и изготовленный рабочими Ленинграда) ПАЗ и просил польских ученых рассматривать этот дар как «доказательство постоянной дружбы и живой связи, которые существуют между советским и польским народами, между советской и польской наукой» [1, оп. 21, д. 56, л. 91]. На общем собрании Академии Б. Д. Греков сделал доклад по проблеме истории крестьян феодальной Европы [1, оп. 21, д. 56, л. 91а]. (Этот доклад в переводе был опубликован в журнале Польского исторического общества «Kwartalnik Historyczny» [5, 1948, г. LVI, z. 3—4].) Выступая по краковскому радио, он рассказал о своих впечатлениях от пребывания в стране, о возможности и наличии дружеской и идейной взаимопомощи советских и польских ученых [1, оп. 21, д. 56, л. 95]. Польские ученые интересовались вопросом планирования науки в СССР; ответ Б. Д. Грекова «в значительной степени их успокоил и показал полную приемлемость, жизнеспособность и прогрессивность нашей организации науки» [1, оп. 21, д. 56, л. 93, 94]. Советская делегация была принята в редакции журнала «Życie Słowiańskie» [1, оп. 21,

д. 56, л. 92], посетила во Вроцлаве выставку, посвященную истории Западных земель, основной идеей которой являлся показ исконности, древности этих польских земель. Большой отдел выставки рассказывал о Красной Армии, освободившей Польшу, что обеспечило присоединение Западных земель к Польше [1, оп. 21, д. 56, л. 96]. По словам Б. Д. Грекова, выставка производила впечатление не столько грандиозностью, сколько искренностью и убедительностью: «...там не было натянутых моментов, которые нам как историкам... бросились бы в глаза» [1, оп. 21, д. 56, л. 97]. Во Вроцлавском университете делегация присутствовала на собрании студентов по случаю юбилея советского комсомола, где Б. Д. Греков выступил с приветствием [1, оп. 21, д. 56, л. 98]. Польские ученые обратились к нему с просьбой о присылке советских книг и он считал необходимым удовлетворить их просьбу, «потому что эти книги действительно окажут там очень большую поддержку тем ученым, которые готовы совершенно искренне идти нога в ногу вместе с нами» [1, оп. 21, д. 56, л. 99—100].

В 1949 г. Б. Д. Греков выезжал в Польшу в качестве главы делегации ВОКС, приглашенной на 3-й съезд Общества польско-советской дружбы. В составе делегации были действительный член АН ГрузССР И. Н. Векуа, вице-президент АН УССР П. С. Погребняк. Кроме участия в работе съезда делегации предстояло ознакомиться с состоянием польской науки и установить контакты с польскими коллегами. На торжественном заседании, организованном Варшавским университетом в честь советского ученого И. П. Павлова, Б. Д. Греков выступил с приветствием, оценив это собрание как «символ содружества советских и польских народов в области культуры и науки» [1, оп. 17, д. 256, л. 35]. Состоялись четыре встречи Б. Д. Грекова с польскими историками в Варшаве и Кракове. В Варшаве обсуждались проблемы происхождения польского государства и периодизация истории Польши. В результате Б. Д. Греков пришел к заключению, что среди варшавских историков произошел заметный поворот в сторону диалектического материализма, четко наметилось стремление отойти от принципов старой буржуазной периодизации и использовать опыт советской исторической науки. Было условлено продолжить обмен мнениями между советскими и польскими историками, в частности, по вопросу периодизации исторического процесса. Вопрос о происхождении польского государства был предметом широкой дискуссии на собрании в Польской академии знаний в Кракове, где Б. Д. Греков выступил дважды, рассказав о собственном подходе к решению вопроса о происхождении древнерусского государства. В Ягеллонском университете в Кракове Б. Д. Греков прочитал доклад «Советская историческая наука за 30 лет». В итоге делегация констатировала, что между советской и польской наукой налаживается деловое сотрудничество [1, оп. 17, д. 256, л. 34—40].

В 1949 г. редакция журнала «Kwartalnik Historyczny» писала о все большем знакомстве в Польше «с достижениями советской исторической науки, особенно благодаря личным... контактам с известными советскими учеными, среди которых акад. Б. Д. Греков... снискал себе признание и симпатии польских историков» [5, 1949, г. LVII, z. 1—4, s. 1].

В 1949 г. в Институте славяноведения АН СССР началась работа над «Историей Польши» [3, 1951, № 11, с. 87], а осенью 1950 г. (3—4 октября) в Институте состоялось обсуждение проспекта «История Польши» с участием польских ученых [3, 1951, № 1, с. 107—115]. Об интересе советских исследователей к проблеме истории братской страны свидетельствовала дискуссия, начатая в 1950 г. на страницах журнала «Вопросы истории», — она была посвящена обсуждению проблем периодизации истории Польши [3, 1950, № 10; 1951, № 1, 4, 7, 11; 1952, № 2, 4].

В 1950 г. для участия в заседании в Варшаве, посвященном памяти Ю. Мархлевского, выезжала советская делегация во главе с П. Н. Поспеловым [2, с. 490], в том же году, осенью, в СССР находилась в течение месяца группа польских ученых — сотрудников Института истории партии при ЦК ПОРП, а также преподавателей Варшавского, Лодзин-

ского и Вроцлавского университетов [6]. Ж. Корманова, входившая в эту группу, опубликовала статью «О советской исторической науке» [5, 1951, г. LVIII, з. 1—2].

В эти годы началась публикация статей советских и польских историков в периодических изданиях. В 1946 г. в журнале «Вопросы истории» велась работа по подготовке в печать статьи польского ученого проф. Т. Лер-Сплавиньского «О происхождении и прародине славян»: с почтой (в сент.) ВОКС копия текста статьи, сданной в типографию, направлялась в Польшу для внесения автором поправок и последующего возвращения в редакцию журнала [1, оп. 17, д. 234, л. 66, 68, 69; д. 236, л. 50]. (Статья была опубликована в [3, 1946, № 10].) В 1948 г. Б. Д. Греков получил предложение сотрудничать в польском журнале «Czasopismo Prawno-Historyczne» [1, оп. 17, д. 241, л. 66].

Обоюдный интерес историков Польши и СССР к результатам их исследований находил отражение в рецензировании и переводах трудов. В частности, в конце 1949 г. проф. Г. Батовский направил в редакцию «Дипломатического словаря» письмо с замечаниями на 1-й том этого издания [1, оп. 17, д. 257, л. 3]. В журнале «Przegląd Historyczny» были напечатаны рецензии на работы Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, Д. С. Лихачева, Н. Г. Бережкова, М. Н. Тихомирова, А. А. Новосельского, И. П. Трайнина, Б. А. Рыбакова и др. Среди рецензируемых работ были также и статьи, например, Б. Д. Грекова об опыте периодизации истории крестьян в России и О. Я. Вайнштейна о русско-шведской войне 1655—1660 гг., опубликованные в 1946 и 1947 гг. в «Вопросах истории». Рецензентами выступали Г. Ловмянский, Н. Гонсёровская, М. Маловист, Ц. Бобиньская, Ю. Бардах, Г. Батовский и др. [7]. Некоторые труды советских историков были изданы в Польше на польском языке. В 1948 г. готовилось издание перевода книги П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» [1, оп. 17, д. 249, л. 7, 14] (Перевод был опубликован в 1949 г. издательством «Książka i Wiedza») [8]. Вышли в польском переводе: «История древнего мира» под ред. проф. А. В. Мишулина, брошюра директора ИМЭЛ при ВКП(б) В. С. Кружкова [9].

В 1950 г. в издательстве «Nasza Księgarnia» был опубликован перевод брошюры Б. Д. Грекова о создании древнерусского государства [5, 1951, г. LVIII, з. 1—2]. Историки-слависты в СССР также откликались на новые исследования своих польских коллег. Только в журнале «Вопросы истории» за 1947—1951 гг. было опубликовано несколько рецензий на работы польских ученых: Т. Лер-Сплавиньского о происхождении и прародине славян и Ж. Кормановой об И. Лелевеле (рецензент акад. В. И. Пичета) [3, 1947, № 1, 5], С. Носека об археологических раскопках в юго-западной Польше (М. И. Артамонов) [3, 1947, № 12], З. Войцеховского о польско-германских взаимоотношениях в течение тысячелетия (М. В. Миско) [3, 1949, № 1], Г. Лабуды о первом славянском государстве Само (В. Д. Корольюк) [3, 1950, № 8], Ч. Выцеха «Из истории борьбы крестьян за социальное освобождение» (И. И. Костюшко) [3, 1951, № 5] и др.

Признанием научных заслуг советских историков явилось избрание в июне 1946 г. действительными иностранными членами Польской Академии знаний акад. Б. Д. Грекова и И. Ю. Крачковского [1, оп. 17, д. 237, л. 122—126].

В конце 1951 — начале 1952 г. состоялась Методологическая конференция польских историков. В работе конференции приняла участие делегация ученых из СССР: академики Б. Д. Греков, Е. А. Косминский, проф. П. Н. Третьяков, выступившие с докладами и активно дискутировавшие по проблемам польской исторической науки [2, с. 173] (по другим данным, кроме названных, среди членов делегации был А. Л. Сидоров [3, 1955, № 12, с. 68]). В интервью журналу «Przyjaźń» акад. Б. Д. Греков отметил, что «все выступления (их было свыше 170) были серьезными и продуманными, опирались на марксистско-ленинскую методологию» и сделал вывод, «что польские историки очень много, плодотворно и успешно работают, что они избрали правильный методоло-

гический путь». В заключение интервью Б. Д. Греков выразил надежду, что «постоянный научный контакт между польскими и советскими историками принесет большую пользу науке наших народов» (цит. по: [2, с. 172]).

В своей статье о конференции, опубликованной в советской печати, Б. Д. Греков писал о том, что прошедшее после VII съезда польских историков (1948) время явилось «периодом серьезных сдвигов в польской исторической науке, периодом ее решительного перехода на марксистско-ленинские позиции» [10, с. 19]. Он отметил также такой отрадный для членов советской делегации факт, что «выступавшие (на конференции) обнаруживали хорошее знакомство с советской исторической наукой — не только с крупными, общеизвестными трудами, но и с журнальными статьями», рассказал о проведенных советскими историками после конференции консультациях по специальным вопросам, о публичных лекциях, с которыми они выступали в Варшавском университете [10, с. 21]. П. Н. Третьяков также познакомил советскую научную общественность с работой конференции польских историков [11].

Приведенные данные свидетельствуют, что в рассматриваемые годы были созданы предпосылки для плодотворного сотрудничества советских и польских историков, которое с образованием в конце 1951 г. Польской Академии наук получило дальнейшее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГАОР СССР, ф. 5283.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. X. М., 1980.
3. Вопросы истории.
4. Славяне.
5. Kwartalnik Historyczny.
6. Годы братской дружбы и сотрудничества СССР и ПНР: Летопись важнейших событий советско-польских отношений 1944—1974 гг. Киев, 1974, с. 46.
7. Przegląd Historyczny, 1948—1951, t. XXXVII—XLII.
8. Петр Николаевич Третьяков (1909—1976): Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. ист. Вып. 15. М., 1983, с. 35.
9. Przujażń, 1949, № 36, s. 15, № 43, s. 15.
10. Новое время, 1952, № 16.
11. Вестник Академии наук СССР, 1952, № 6.

КИРИЛЛОВА-УГРЮМОВА Т. В.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Р. ЙОВАНОВИЧА

Радослав Йованович, серб по национальности, родился 3 мая 1886 г. в местечке Ливеровичи Никшицкого округа (Черногория). Вскоре семья переехала в Белград, где он, после окончания средней школы, продолжил образование на историческом отделении философского факультета университета, совмещая учебу с работой корректора и редактора стенографических записей и протоколов заседаний Народной скупщины Сербии. К этому периоду относится его знакомство с премьер-министром Н. Пашичем, который возлагал большие надежды на молодого историка. С 1906 г. Р. Йованович был наставником сына Пашича и фактически личным секретарем сербского премьер-министра. 27 мая 1909 г. Р. Йованович получил место ассистента в Белградском университете на кафедре всеобщей истории нового времени. В 1910—1912 гг. он работал в государственных архивах Вены и слушал лекции в Венском университете, обмениваясь корреспонденцией с Н. Пашичем и Л. Йовановичем — министром просвещения Сербии, которого знал еще по университету.

В конце 1913 г. по рекомендации Н. Пашича и Л. Йовановича министерство просвещения Сербии командировало Р. Йовановича сроком на год в Россию, формально для изучения русского языка и продолжения научной деятельности [1, инв. бр. 9850], в действительности руководство радикальной партии надеялось использовать его для пропаганды своей внешнеполитической платформы в России.

21 декабря 1913 г. Р. Йованович прибыл в Петербург и сразу активно включился в общественную деятельность, установив контакты с учеными, общественными и государственными деятелями и, прежде всего, славянофилами. Когда началась первая мировая война, Р. Йованович был прикомандирован к сербской миссии в России. Югославский историк Б. Храбак [2] писал, что Р. Йованович был прикреплен к миссии по просьбе российских научных кругов, однако, материалы архива Р. Йовановича не подтверждают в достаточной степени этот факт. В письме Йовановича Л. М. Карахану от 26 августа 1918 г. отмечается: «Когда Австрия напала на Сербию и Россия вступила в борьбу, один из моих русских приятелей обратился к нашему правительству с просьбой оставить меня в России» [1, инв. бр. 9863/14].

В своей брошюре «Как я оказался в России, что делал там и почему оставался с 1913 по 1923 год» [3], являющейся незначительной частью незавершенного Р. Йовановичем труда, он писал: «Я был послан в Россию с задачей информировать российскую общественность о наших национальных проблемах. Отсюда, естественно, вытекали задачи информировать наше правительство о России во время войны и революции» [1, инв. бр. 9829]. Он регулярно посылал сообщения в Белград о собы-

тиях общественной жизни России, и его информация, по словам самого Йовановича, часто отличалась от той, которую сербское правительство получало официальным путем [1, инв. бр. 9840/3].

В дни после получения Сербией ультиматума Австро-Венгрии, когда решался вопрос о войне, взгляды представителей радикальной партии были устремлены к России. 25 июля 1914 г. сербское правительство получило от Р. Йовановича телеграмму: «Россия нас не оставит, и Австрия будет дорого стоить ее дерзкое нападение на Сербию, если она осмелится его осуществить» [1, инв. бр. 9840/3]. По словам Л. Йовановича, эта телеграмма «воодушевила все правительство» [1, инв. бр. 9850].

В годы войны Р. Йованович, А. Белич, С. Станоевич и другие сербские ученые и общественные деятели, находившиеся в Петрограде, активно пропагандировали идею образования объединенного югославянского государства в случае победы Антанты над державами Четверного союза. Сербское правительство, направляя А. Белича в Россию, не исключало возможности создания специального института для изучения южного славянства. «Наш министр народного просвещения, — писал Белич академику Петербургской академии наук, филологу А. А. Шахматову, — недавно пригласил меня к себе и предложил устроить в Петрограде что-то вроде постоянного института для изучения южных славян... Я еще подумаю о способах устройства такого института, но идея о нем, сама по себе, не кажется мне неприсмлемой» [4, ф. 134, оп. 3, д. 105, л. 73—74]. Р. Йованович был постоянным сотрудником журналов «Новое звено», «Русское будущее», «Новое время», редактором сербского отдела Трудов императорского общества востоковедения.

В июле 1915 г. в Петрограде открылся филиал лондонского Югославянского комитета, который возглавил А. Мандич — ближайший сподвижник Р. Йовановича [5, s. 43]. Вместе с представителями чешской общественности А. Мандич и Р. Йованович развернули широкую пропагандистскую кампанию, стараясь привлечь внимание общественности России к югославянскому вопросу. Был организован редакционный комитет, в состав которого вошли академики П. А. Лавров, С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, чл.-корр. Н. И. Кареев; члены Государственной думы М. М. Ковалевский, Н. Н. Львов, Н. А. Хомяков; сотрудники сербской миссии в Петрограде Л. Пиштелич, Р. Йованович; члены Югославянского комитета А. Мандич, Ф. Поточник, позднее — профессор Белградского университета А. Белич и С. Станоевич [1, инв. бр. 9865/10]. Комитет намечал летом — осенью 1916 г. издать ряд статей и брошюр¹. Оживилась деятельность общества «Славянская взаимность», членом совета которого весной 1916 г. стал Р. Йованович², а также общества «Славянское единство», где видную роль играли А. А. Шахматов, П. А. Лавров и Н. И. Кареев. В члены общества «Славянское единство» в качестве референтов были приняты С. Станоевич, А. Белич и Р. Йованович. А. Мандич стал его секретарем [5, s. 53]. Общество организовало зимой 1916—1917 гг. ряд лекций, посвященных русско-сербским отношениям. Совместно с Русско-сербским обществом (председатель М. М. Ковалевский) было принято решение о публикации пяти книг [6, 80—4—509—518, сообщение Белича и Станоевича

¹ Ястребов. Будущее Сербии; Лавров. Культурное единство сербов и хорватов; Долобо. Этнография сербов и хорватов; Йованович. Сербо-румынские отношения; Мандич. Италия и хорватское приморье; Кареев. Италия на Адриатике; Чубинский. Развитие идеи единства сербов и ее современное положение; Йованович. Англия и современный сербский вопрос; Лавров. Славянский вопрос. Также планировалось опубликовать ряд переводов с сербско-хорватского и чешского языков, [1, инв. бр. 9865/10].

² Среди действительных членов этого общества были князь К. А. Горчаков, А. И. Гучков, М. В. Родзянко, А. А. Шахматов, а также А. Белич, А. Мандич, С. Станоевич, М. Вукичевич и др. Профессор Белградского университета Р. Кошутич являлся его почетным членом [1, инв. бр. 9865/7, инв. бр. 9868/2].

Н. Пашичу]³. Общество «Славянское единство» начало выпуск библиотеки «Мировая война и современные славянские вопросы». До середины января 1917 г. в этой серии вышли три брошюры [1, инв. бр. 9835/2].

В конце 1916 — начале 1917 г. были проведены так называемые русско-сербские вечера, на которых говорилось о необходимости создания единого югославянского государства. На вечерах выступали Кареев, Васильев, Радичев, Арбажин, Маклаков, Станоевич, Лавров, Ястребов и др. [7, с. 341]. Белич и Станоевич организовали на философском факультете петроградского университета курс лекций: Белич на тему «Развитие национальной идеи у сербов, хорватов и словенцев», Станоевич — «Генезис объединения сербов, хорватов и словенцев» и «Борьба за конституцию и внутренние свободы в Сербии» [7, с. 326]. Ими был проведен ряд лекционных вечеров, один из которых под названием «Сербия и Россия» проходил 11 декабря 1916 г. [4, ф. 134, оп. 3, д. 105, л. 79]. В феврале 1917 г. состоялись лекции Джуричича, Вукичевича и Йовановича.

Деятельность этих обществ оказывала определенное влияние на общественность и правящие круги России. Но царское правительство официально не высказывалось за создание югославянского государства. Р. Йованович позднее отмечал: «Славянская политика старой России, поскольку она вообще существовала, была лишена действительного освободительного духа» [1, инв. бр. 9845, с. 54]⁴.

Только победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла славянским народам путь к освобождению и объединению. Декрет о мире, предусматривавший заключение демократического мира без аннексий и контрибуций, имел важное значение и для Сербии и Черногории, оккупированных в конце 1915 — начале 1916 г. войсками Центральных держав, и для всех угнетенных народов монархии Габсбургов. Советское предложение в какой-то мере соответствовало интересам сербского правительства. «Наши национальные задачи, — указывал Н. Пашич в письме к сербскому посланнику в России М. Спалайковичу, — не противоречат принципам, провозглашенным русской революцией, так как и мы сами требуем и боремся за освобождение от германской оккупации, за свободу и самоопределение» [8]. Вместе с тем монархические круги Сербии, в том числе Н. Пашич, отнеслись враждебно к Октябрьской революции, считали выход России из войны уроном для дела освобождения Сербии. Сербское правительство долго скрывало от общественности вести о революции в России, надеясь на свержение Советской власти и опасаясь влияния революционизирующих идей Великого Октября.

Советская Россия, несмотря на враждебную к ней позицию, занятую сербской правящей верхушкой, стремилась к установлению дружественных связей с Сербией. В январе 1918 г. на встрече с представителями дипломатического корпуса, где присутствовал и сербский посланник М. Спалайкович, В. И. Ленин тепло отзывался о борьбе югославын [9].

26 ноября 1917 г. Р. Йованович стал атташе сербской миссии [10, F—21 (1917)]. Он был обязан, так же как и Спалайкович, информировать Н. Пашича о событиях в России.

Отношение Йовановича к Октябрьской революции было неоднозначным. Длительное время находясь в России и являясь свидетелем Февральской революции, он считал, что русский народ, «не смог остаться рабом в своем отечестве» [1, инв. бр. 9839/2]. Одну из причин Октябрьской революции Р. Йованович видел в остроте аграрного вопроса [1, инв. бр. 9835/18]. По его мнению, лишь одна политическая партия в России была способна решить стоявшие перед революцией задачи — Российская ком-

³ С. Станоевич. Стремление сербов, хорватов и словенцев к объединению; Прецеденты. Далмация (предисловие Ястребова); Программа южных славян и Далмация; Ш. Уэлли. Вопрос о Ядранском побережье (предисловие Кареева); С. Уотсон. Славяне, Балканы и Ядранское море (предисловие автора специально для русского издания).

⁴ Меморандум «Истинное отношение югославянской нации к великой войне народов и к Русской революции», написанный на русском языке.

мунистическая партия (большевиков), «единственное волевое массовое движение в русской революции» [1, инв. бр. 9839/2]. Он отмечал широту, размах, чистоту и искренность мотивов революции, «чья основная социально-экономическая проблема в пылепней фазе ее развития представляет практически факт, в решении которого прямо или косвенно заинтересован не только весь мир, но и все люди в отдельности» [1, инв. бр. 9845, с. 37]. С победой Октябрьской революции он связывал окончание войны, процесс демократизации Европы и Америки, пробуждение отсталых народов Азии и Африки [1, инв. бр. 9845, с. 56].

Касаясь отношения большевиков к освободительному движению южного славянства, Йованович указывал: «Партия большевиков, основной нерв которой истинно революционный, не может не признавать за борьбой нашей нации освободительного характера» [1, инв. бр. 9845, с. 21]. Он подчеркивал значение для югославянских народов отмены Советским правительством «всей системы тайных договоров и их бесстыдной торговли живыми нациями и их территориями» [1, инв. бр. 9845, с. 56]. Вместе с тем Р. Йованович выражал опасение, что выход России из войны может затруднить борьбу за освобождение и объединение сербов, хорватов и словенцев [1, инв. бр. 9845, с. 9]. Однако он считал, что это не давало права союзникам вмешиваться во внутреннюю жизнь России [1, инв. бр. 9845, с. 36]. Йованович осуждал действия Англии, США и Франции, направленные на международную изоляцию Советской России. Он ратовал за установление дружественных связей между Советским государством и союзниками на принципе «супернационализма», под которым подразумевал союз освобожденных славянских народов с народами Англии, США и Франции [1, инв. бр. 9845, с. 59]. В этих отношениях Сербия могла бы играть, по его мнению, роль посредника между Советской Россией и союзными державами [1, инв. бр. 9845, с. 26].

Р. Йованович присутствовал на заседании IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов в марте 1918 г., где встречался и беседовал с В. И. Лениным и другими советскими руководителями [10, F—22 (1918)]. Вспоминая о своем разговоре с В. И. Лениным, Р. Йованович писал в 1936 г., что В. И. Ленин глубоко понимал значение национально-освободительного движения южного славянства [1, инв. бр. 9840/3].

В декабре 1917 г. в Петрограде возникло Югославянское общество. Его председателем стал Л. Пиштелич, атташе сербской миссии в Петрограде, секретарями — сербский публицист Д. Илич и проф. М. Московский, членами — ученые М. Меденица, Р. Йованович, Р. Калуджерович, Ж. Нежич, А. Петрович, И. Стефанич и др. Общество выступало за создание единого, политически и экономически независимого государства сербов, хорватов и словенцев, однако не сумело стать объединительным центром югославян в России и вскоре прекратило свою деятельность.

Йованович явился идеологом и вдохновителем созданной весной 1918 г. в Москве Югославянской революционной федерации (ЮРФ). В ней были представлены все идейные течения югославянской эмиграции за исключением Югославянской группы РКП (б). ЮРФ провозгласила своей целью сличение всех югославян в России и их организаций на платформе борьбы за освобождение югославянских земель из-под власти Австро-Венгрии и объединение с Сербией и Черногорией в единое суверенное государство. При этом ее учредители исходили из наличия единого югославянского «трехименного народа» — сербов, хорватов и словенцев. По замыслу Р. Йовановича, федерация должна была играть роль посредника в отношениях между правительствами Сербии и Советской России [3, с. 21]. Программа ЮРФ была опубликована в ее печатном органе — газете «Sloboda», которая начала выходить в Москве в мае 1918 г. В программе ничего не говорилось о форме правления (монархия или республика) будущего единого государства [11]. Социальная ее часть предусматривала решение «аграрного вопроса в пользу крестьян и рабочих без выкупа (упразднение „кметов“ и всех иных форм аграрного рабства и бесплатной передачи земли земледельцам» [1, инв. бр. 9845, с. 16].

В составе ЮРФ действовали секции: земледельческая, пропагандистская, по набору добровольцев для участия в боевых действиях на Салоникском фронте и работы на заводах по производству оружия в союзных странах и др. Одной из задач ЮРФ было изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции. Этим занималась специальная научно-литературная секция. Р. Йованович неустанно призывал югославянскую общественность к глубокому осмыслению революционных событий в России, отношению к Октябрьской революции без предубеждения, считая, «что если победа коммунизма неминуема в мире, то она неминуема и у нас» [1, инв. бр. 9845, с. 18—19]. Он полагал, что октябрьский период революции следует признать «не только как факт, но и как факт-проблему, решением которой должен заинтересоваться весь мир, и к которому надо быть готовым, если не хотят допустить, чтобы великий русский опыт пропал даром» [1, инв. бр. 9845, с. 18]. Советские власти оказывали содействие Йовановичу в его работе. 21 марта 1918 г. он получил разрешение пользоваться служебными поездками на линии Москва — Петроград — Вологда [1, инв. бр. 9850/8], а 10 апреля — и телеграфной связью для переговоров с Наркоминделом и сербской миссией, находившейся в Вологде [1, инв. бр. 9850/9].

По отношению к Советскому государству ЮРФ придерживалась политики нейтралитета и невмешательства в его внутренние дела, что во многом было личной заслугой Р. Йовановича, считавшего возможное участие Сербии в интервенции пагубным не только для ее интересов, но и для всего дела освобождения и объединения югославян. 19 февраля 1919 г. Р. Йованович послал Н. Пашичу, главе делегации Королевства сербов, хорватов и словенцев на мирной конференции в Париже, радиотелеграмму. В ней говорилось: «Прошу Вас не принимать на себя никакого обязательства в вооруженном вмешательстве нашей нации во внутренние русские дела. Сама мысль об этом была и будет нелепостью, в наших народных массах никогда неосуществимой, противной самому нашему национальному инстинкту, не допускающему ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах деление русского народа на друзей и врагов. Пролитие хотя бы одной капли русской крови нашим оружием под каким бы то ни было предлогом явилось бы страшнейшим преступлением против нашего будущего и непосредственным покушением на нашу национальную честь и совесть» [1, инв. бр. 9835/18].

Противоположную позицию в этом вопросе занимал М. Спалайкович. В его телеграмме Н. Пашичу от 3 июня 1918 г. сообщалось о решении Союзнического военного совета использовать для «обороны» Мурманска «находящиеся там сербские, чешские и свои (т. е. Антанты. — Т. К-У.) войска» [12, с. 118]. Н. Пашич получил также телеграмму из Мурманска от Р. Йовановича, который категорически возражал против участия Запасного батальона в интервенции стран Антанты⁵. Н. Пашич, действуя заодно с союзниками, одобрил использование Запасного батальона в интервенционистских целях на севере России. 25 июня М. Спалайковичу в Вологде были направлены инструкции, согласно которым интервенцию союзников следовало объяснять их стремлением воспрепятствовать попыткам Германии укрепиться на севере России [12, с. 126—127].

В тяжелые дни, когда контрреволюция пыталась мобилизовать все силы на борьбу против молодой Советской республики, а югославянские подразделения принимали участие в военных действиях империалистических держав, призыв ЮРФ к невмешательству во внутренние дела России имел немаловажное значение⁶. Между тем, Югославянская комму-

⁵ Запасной батальон являлся частью Сербского добровольческого корпуса (впоследствии Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев). По сообщению Р. Йовановича, офицеры и солдаты батальона считали невозможным участвовать в борьбе против русских [1, инв. бр. 9839/2].

⁶ Югославский историк Б. Храбак утверждает, что воззвание было составлено секретарем сербской миссии в Петрограде М. Димитриевичем по просьбе В. И. Лелина для публикации в газетах «Правда» и «Известия» [13].

нистическая группа РКП(б), которая вела активную работу по вовлечению революционно настроенных югославян в ряды Красной Армии, восприняла призыв ЮРФ к невмешательству как «контрреволюционный» акт. В опубликованной 21 августа 1918 г. в газете «Известия» статье В. Чопича «участие сербских войск в англо-французской авантюре на Мурмане и в чешско-словацком мятеже» объявлялось «делом рук членов сербской миссии и „революционной“ федерации». «Вместо того, чтобы призвать всех болгар, сербов, хорватов и словенцев, способных к оружию, на решительную борьбу с английскими, французскими, германскими, чешскими и прочими разбойниками, — писал В. Чопич, — они советуют не принимать участия в этой борьбе» [14]. Осенью ЮРФ была распущена, и большинство ее руководителей уехало из Советской России.

12 марта 1919 г. Р. Йованович избирается председателем Комитета сербской колонии в Москве, в который входили также Д. Илич, Ж. Бошнякович, М. Пешич, С. Винавер, Л. Пиштелич и др. В апреле 1919 г. были закрыты все сербские официальные учреждения. Р. Йованович, Ж. Бошнякович, Л. Пиштелич и П. Пашич обратились к Советскому правительству с просьбой разрешить им выезд на родину. Однако возникли сложности в связи с официальным статусом вышеупомянутых лиц: Р. Йованович и его соратники настаивали на предоставлении им при отъезде привилегий как официальным представителям Королевства СХС. Советское правительство не могло согласиться на это, так как не получило от правительства Королевства СХС соответствующего подтверждения. Все обращения Р. Йовановича к правительству Югославии и его главе Н. Пашичу остались без ответа.

Р. Йованович встречался с В. И. Лениным, Г. В. Чичериним, М. И. Калининым, В. Д. Бонч-Бруевичем и другими советскими руководителями. В беседах с ними он высказывал и свои сомнения относительно основных принципов социализма, полагая, что «частная собственность является основным стимулом деятельности абсолютного большинства у всех современных народов, в том числе и у русского» [1, инв. бр. 9839/2]. Ни один из существовавших с 1914 по 1918 гг. режимов в России, заявлял Р. Йованович, не вызывал у него особого восхищения, но, вместе с тем, он никогда не считал, «что кто-бы то ни было, помимо великого русского народа, призван решать внутренние вопросы русского управления» [1, инв. бр. 9839/2]. Близкие отношения связывали его с семьей П. А. Кропоткина. Кропоткин писал о Йовановиче как о «человеке науки, не вмешивающемся в русскую политическую жизнь и симпатизирующем Русской революции» [1, инв. бр. 9865/31]. Сохранилась визитная карточка в которой он рекомендует Йовановича В. Н. Фигнер [1, инв. бр. 9867/2]. Во время болезни Кропоткина Р. Йованович ежедневно справлялся о его здоровье. Он присутствовал на похоронах П. А. Кропоткина, выразив глубокое соболезнование вдове покойного и лично В. И. Ленину [1, инв. бр. 9867/1]. После смерти Кропоткина Р. Йованович написал о нем статью «П. А. Кропоткин как революционер, ученый и человек», которая осталась неопубликованной [1, инв. бр. 9846].

Р. Йованович продолжал заниматься научной деятельностью, собирал книги для своей библиотеки, местонахождение которой, к сожалению, до сих пор неизвестно. В июле 1919 г. он написал меморандум «Истинное отношение югославянской нации к великой войне народов и к Русской революции». Экземпляры этого документа он направил В. И. Ленину и Г. В. Чичерину. Р. Йованович вынашивал идею создания в России специального Югославянского института, который занимался бы изучением России и Октябрьской революции [1, инв. бр. 9863/32].

3 августа 1923 г. Р. Йованович выехал на родину. Уезжая, он писал: «Должен признаться, что мои нравственные связи с Россией и в особенности с Петроградом слишком глубоки и, несмотря на искреннюю радость и надежду вернуться на родину, все же Россию не так просто и легко покинуть» [1, инв. бр. 9863/37].

Пребывание Р. Йовановича в России в течение почти десяти лет оказало существенное влияние на его взгляды. Под воздействием револю-

ционных событий он превратился из убежденного сторонника радикальной партии в ее политического противника. «Радикальная партия находится, — писал он в 1927 г. в чехословацкую миссию в России (Й. Гирсе), — в стадии разложения, без единой идеи, которая была бы общественно, национально и государственно необходимой. Эта партия поддерживается сейчас только традицией и, что еще хуже, кормится из государственного кармана» [1, инв. бр. 9842]. Р. Йованович резко осудил существовавший режим в Югославии. «Наше государство, — отмечал он, — лишь слегка замаскированная деспотия, милитаристская, и только на первый взгляд парламентская монархия» [1, инв. бр. 9842]. В отличие от югославских правящих кругов Р. Йованович сумел понять всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, считая, что «русская революционная мысль по своей глубине и объективному смыслу, русская революционная практика по бескомпромиссности своих практических решений гораздо более значительны, чем все то, что существовало в этом отношении в мире ранее» [1, инв. бр. 98403/, меморандум М. Стоядиновичу]. Неизменным осталось его глубокое убеждение в необходимости сохранения и укрепления дружбы между народами Югославии и Советской России. «Независимо, вопреки и наперекор всем режимам, как в Югославии, так и в России, наши народы неизменно были, есть и будут искренними друзьями и союзниками. В Россию я приехал, веруя в это, из России я уеду, зная это» [1, инв. бр. 9839/2].

После возвращения на родину Р. Йованович настаивал на установлении дружественных отношений с СССР, что вызвало недовольство правящих кругов Югославии. Духовно сломленный, Р. Йованович так и не смог вернуться к общественной деятельности. Он умер в 1949 г. в Белграде, всеми забытый.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Српске Академије наука и уметности, фонд Радослава Јовановића.
2. *Grabak B.* Rad Pašićevog pouzdanika u Rusiji D-ra Radoslava Jovanovića za vreme Oktobarske socijalističke revolucije. (Jugoslovenska udruženja u Rusiji od 1917 do kraja 1918 godine.) Arhivski almanah, 1958, № 1, s. 128.
3. *Jovanović P.* Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913. до 1923. године. Кратки меморандум Министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1925.
4. Ленинградское отделение архива АН СССР.
5. *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956.
6. Архив Социјалистичке Федеративне Републике Југославије. Фонд Ј. Јовановића — «Пијона».
7. *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977.
8. *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918. Београд, 1968, с. 32.
9. Документи внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959, с. 84.
10. Архив Србије, фонд Министарства иностраних дела, посланство у Петрограду.
11. *Sloboda*, 1918, 21 V.
12. Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1976.
13. *Храбак Б.* Пропаганда путем штампе Југословена комуниста у Совјетској републици 1918—1921. г.— Историјски записи поводом 50-годишњице Октобарске револуције, година XX, књ. XXIV. Титоград, 1967, с. 688—689.
4. Известия, 1918, 21 VIII.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

З. Т. ГОЛЕНКОВА. Очерк истории социологической мысли в Югославии.
М., 1984, 219 с.

Книга З. Т. Голенковой — первая в Советском Союзе монографическая работа о югославской социологии от ее зарождения до наших дней. Монография построена как бы в двух планах: в ней рассматриваются, с одной стороны, история развития социологической мысли народов Югославии, с другой — современная югославская социологическая наука. Этому подчинена и структура книги, состоящей из трех разделов. Первый посвящен основным этапам и тенденциям развития югославской социологии с момента ее возникновения, два последующих — социологии в социалистической Югославии, причем в одном анализируются вопросы общего характера (теория, методология, методика исследований), а в другом — состоянии отраслевых социологических дисциплин. Исследование развития социологической науки в социалистической Югославии (с 1945 г.) занимает в работе главное место, историческая же часть несравненно скромнее.

В развитии югославской социологической мысли автор монографии выделяет три основных этапа. Первый, который З. Т. Голенкова датирует последней четвертью XIX — началом XX вв. (до 1918 г.), охарактеризован как период, когда в начавших усиленно развиваться общественных науках можно найти первые зачатки социологии. Второй этап, когда происходит конституирование социологии как науки, автор относит к двадцатилетию между двумя мировыми войнами. Третий этап связывается в книге с послевоенным временем, когда социология в Югославии прочно заняла свое место среди других общественных наук.

В целом такая периодизация, очевидно, отражает процесс становления социологии как особой научной дисциплины в общей системе наук об обществе. Однако вызывает возражение исходный хронологический рубеж первого из выделяемых З. Т. Голенковой этапов. Она обозначает его последней четвертью XIX в., но в

противоречии с собственной схемой, сама же в качестве ранних представителей социологической мысли называет таких ученых и общественных деятелей, как В. Караджич, Ж. Жуевич, С. Маркович, жизнь и творчество которых приходится на более ранний период (все они умерли до последней четверти XIX в.). Кроме того в монографии почему-то вообще отсутствуют упоминания об общесоциологических взглядах и теориях, возникших в общественной и научной мысли югославянских народов еще в первой половине — середине XIX в., например, среди деятелей иллирийского движения 30—40-х годов или народняков и правашей в 50—70-е годы в Хорватии; в различных течениях сербских либералов, среди младословенцев в 60—70-е годы и т. д. Тем самым помимо неоправданного сужения хронологических рамок первого этапа автор, на наш взгляд, чрезмерно упростила процесс зарождения социологии в югославянских землях. Процесс этот фактически начался уже в первой половине прошлого столетия именно с возникновения общесоциологических воззрений. Оно предшествовало последующему появлению в конце XIX — начале XX в. первых зачатков социологии как особой науки, которое З. Т. Голенкова справедливо связывает с именами В. Богишича, Й. Цвинча и ряда других ученых. Могут быть, видимо, разные ответы на вопрос, объединять ли оба эти явления в один — начальный — этап или рассматривать каждое из них как отдельные этапы в истории югославской социологической мысли. Очевидно, однако, что первое из названных явлений также представляет собой неотъемлемую часть этой истории.

Рассматривая первые два из выделяемых ею этапов развития социологии в Югославии, автор кратко характеризует основные идейно-методологические направления тогдашней югославской социологической мысли. Отмечается свойственное тому времени засилье в ней различных бур-

жузных идеологических течений, испытывавших сильнейшее влияние тех или иных западноевропейских философских и собственно социологических школ — позитивизма, натурализма, культуралитических теорий П. Сорокина и т. д. Указывается, в частности, и на воздействие таких идейно-политических факторов, как клерикализм, социал-реформизм. Особое внимание уделяется зарождению и постепенному складыванию марксистского направления в югославской социологической мысли, связанного в конце XIX — начале XX в. с теоретико-пропагандистской деятельностью революционных социал-демократов (Д. Туцович, Д. Попович и др.), а с 1919 г. — с деятельностью Компартии Югославии. З. Т. Голенкова подчеркивает, что работами таких теоретиков КПЮ, как Ф. Филипович, О. Керповани, О. Прица, Э. Кардель, В. Маслеша и другие, в период между двумя мировыми войнами были заложены научные основы исследования проблем югославского общества с марксистских позиций.

В целом исторический раздел монографии, давая определенные сведения о зарождении и становлении югославской социологии, оставляет, к сожалению, впечатление слишком краткого и беглого обзора: перечисление имен и работ, сопровождаемых самыми общими определениями, не может замкнуть собой явно недостающего конкретно-исторического анализа, без которого читателю нелегко уяснить реальный процесс ее поступательного развития и складывания как науки.

Несравненно обстоятельнее, с подлинным знанием предмета, соединяя важную для читателя информативность с аналитичностью, рассматривает автор социологию в Югославии после второй мировой войны — в 1945—1980 гг.

В развитии послевоенной югославской социологии З. Т. Голенкова выделяет прежде всего первое послевоенное десятилетие, когда, по ее определению, главное внимание уделялось освобождению идеологической сферы от буржуазного влияния, разработке прогрессивного наследия, соединению марксистской теоретической мысли с практикой социалистической революции и социалистического строительства. При этом отмечается, в частности, и влияние, оказанное работами советских философов. Среди трудов югославских марксистов первых послевоенных лет автор выделяет работы Д. Недельковича, Б. Зихерла, посвященные критике различных буржуазных концепций в философской мысли Запада и доводной

Югославии. В этот же период появились и первые учебники по марксистской философии. В конце 40-х — начале 50-х годов социология в Югославии еще не конституировалась окончательно в самостоятельную научную дисциплину, а развивалась в рамках исторического материализма. Ее категориальная система, методология были еще недостаточно разработаны. Кроме того, к сложностям ее тогдашнего развития автор относит и то, что в те годы социология рассматривалась некоторыми представителями общественности как буржуазная наука и по этой причине отвергалась.

Однако затем положение существенно меняется, и наступает новый этап, связанный с институциональным оформлением социологии. С середины 50-х годов она, как показано в книге, сравнительно быстро получает статус академической и университетской дисциплины, создается Югославское социологическое общество, начинают выходить социологические журналы. В 60-е годы социологическая наука в Югославии уже располагает развитой сетью научных учреждений, факультетов и кафедр в вузах, значительной издательской базой и квалифицированными кадрами, подготавливаемыми в университетах. Но вместе с тем на данном этапе, пишет З. Т. Голенкова, среди определенной части югославских социологов наблюдается постепенный отход от принципов марксистско-ленинской теории. К началу 60-х годов обозначилось расхождение практически по всем принципиальным вопросам, связанным как с мировоззренческими проблемами, так и с задачами, функциями перспективами развития югославской социологической науки, между двумя основными направлениями. Сторонники первого, как определяет автор монографии, придерживались в основном марксистско-ленинской методологии в исследовании общественных процессов, исходя из принципов диалектического и исторического материализма. Сторонники второго направления, получившие известность в качестве представителей, как говорится в книге, так называемого «аутентичного» (правильнее было бы перевести это по-русски — «подлинного»), или «критического» марксизма, выступили за «новую версию» марксистской социологии, в которой не было места принципам исторического материализма.

Развитие югославской социологии второй половины 50—70-х годов З. Т. Голенкова рассматривает под углом зрения острой полемики, развернувшейся меж-

ду этими двумя направлениями, которая, таким образом, выступает как одно из стержневых явлений социологической мысли СФРЮ в указанный период. Давая в первом разделе общий обзор развития и основных этапов этой полемики, в том числе на собраниях Югославского социологического общества, на различных конференциях и симпозиумах 60—70-х годов, на страницах научных изданий, автор во втором разделе монографии прослеживает более углубленно ключевые аспекты полемики, которые касались как самого подхода к социологии, к определению ее предмета, задач и функций, так и вообще вопросов теории и методологии в социологических исследованиях. Эта часть книги, наполненная конкретным разбором и характеристикой работ наиболее видных представителей каждого из названных направлений, дающая предметное представление об их взглядах по соответствующим теоретико-методологическим вопросам, читается с наибольшим интересом. В немалой степени этому способствует и то, что такое изложение противостоящих друг другу теоретико-методологических позиций, свойственных социологии в СФРЮ данного периода, сочетается у З. Т. Голенковой с анализом их непосредственного проявления при изучении югославскими социологами, принадлежащими к различным направлениям, таких важнейших проблем, как вопрос о социально-классовой структуре современного югославского общества, и в первую очередь о критериях вычленения рабочего класса, определения его границ, внутренней градации и т. п. В книге довольно обстоятельно рассказывается о дискуссиях в Югославии по указанным конкретным вопросам между учеными-марксистами и теми, кто, как подчеркивает автор, отходит от марксистских принципов исследования, подменяет их взглядами, чуждыми историческому материализму, диалектико-материалистическому методу.

В монографии отмечаются значительные усилия, которые прилагались в защиту принципов диалектико-материалистической теории, ее применения к анализу югославского общества известными в Югославии философами и социологами-марксистами: Л. Живковичем, Б. Зихерлом, Л. Лековичем, Д. Марковичем, Д. Недельковичем, А. Стойковичем и др. Вместе с тем, как констатирует З. Т. Голенкова, главным образом во второй половине 60-х — начале 70-х годов сторонникам «аутентичного марксизма» удалось занять ведущее положение в Югославском

социологическом обществе, в социологических обществах республик СФРЮ, в издательствах и журналах, что дало возможность оказывать серьезное влияние, прежде всего, на жизнь университетов. Представители названного направления стали до начала 70-х годов доминировать в югославской социологии. Их организационными и теоретическими центрами явились Корчуланская летняя школа философов, работавшая в 1963—1974 гг., и начавший выходить с 1964 г. в Загребе журнал «Праксис» (помимо изданий для югославского читателя журнал публиковался на английском, французском, немецком языках). В работе школы и журнала принимали участие, как подчеркивается в книге, не только югославские, но также буржуазные философы и социологи, в том числе, например, Э. Блох, Л. Колаковский, А. Лефевр, Г. Маркузе. Сторонники «аутентичного марксизма» стремились представить себя за рубежом как, по их словам, «главное течение марксистской мысли в Югославии». В 60-е годы были изданы основные работы ведущих теоретиков данного направления, в частности П. Враницкого, Г. Петровича, С. Стояновича, Р. Супека и др. Их теории широко пропагандировались на Западе.

Давая критический анализ этого «бума» «аутентичных марксистов», З. Т. Голенкова указывает, что в своих работах они отрицали основное противоречие современной эпохи — между социализмом и капитализмом или подменяли его другими противоречиями: между бюрократией и трудящимися, техникой и гуманизмом, индивидом и обществом и др.; марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях и фазах построения социалистического общества подменялось теорией «единого индустриального общества»; ленинская теория социалистической революции отрицалась и подменялась «гуманистическим» бунтом; отрицалась ведущая роль рабочего класса и его партии и преувеличивалась роль «критически мыслящей интеллигенции»; заявлялось, будто теория о двух фазах коммунизма не соответствует объективному историческому процессу, снимает «ответственность с общества переходного периода, которое не может считаться ни социалистическим, ни капиталистическим». Подобные утверждения сторонников «Праксиса» автор рецензируемой книги характеризует как фактический пересмотр основных положений марксистско-ленинской теории, указывая, что «подобное изображение

общественного развития не имеет ничего общего с действительностью, в корне противоречит марксизму».

На рубеже 60—70-х годов, когда в связи с активизацией антисоциалистических сил были приняты под руководством СКЮ меры по защите и упрочению социалистического общественного строя СФРЮ, стабилизации политической и идеологической жизни в стране, «несоциалистское» направление, и в теории и на практике явно вступившее в конфликт с социалистическими завоеваниями, с интересами государства и политикой партии, также подверглось острой критике партийных органов, центральной печати Югославии. Ряд его представителей был исключен из СКЮ. Прекратилось издание журнала «Праксис» и работа Корчуланской школы, наступил кризис и постепенный организационный распад этого течения. З. Т. Голенкова отмечает, что в работах ряда принадлежавших к нему авторов наметилась тенденция отказа от наиболее одиозных «несоциалистских» воззрений. Однако она обращает внимание на то, что приспособление «аутентичного марксизма» за счет частичного возвращения к отдельным положениям ранее критиковавшихся им концепций создавало некоторую основу для известной его «консолидации» в югославской общественной мысли, о чем свидетельствует и переиздание в конце 70-х годов некоторых трудов представителей данного направления.

Остаиваясь на положении в югославской социологии после падения влияния «аутентичных марксистов», З. Т. Голенкова указывает на появление в 70-е годы так называемой «средней» линии, представители которой «разошлись с идеологами „Праксиса“ по политическим вопросам относительно оценки роли СКЮ и национального вопроса и вы-

ступили против их антисоциалистических действий, соглашаясь в то же время с философскими положениями праксистской интерпретации марксизма». Автор считает, что уровень общей активности социологов в 70-е годы снизился и ссылается на мнение ряда югославских ученых, пишущих даже о переживавшемся в это время кризисе социологической науки в СФРЮ, который характеризовался уменьшением числа публикаций, пассивностью научно-исследовательской работы и т. п. Вместе с тем, по оценке З. Т. Голенковой, в эти годы более интенсивно по сравнению с общей проблематикой развивались конкретные отрасли социологии, эмпирические исследования, особенно на региональном и локальном уровнях. Как уже говорилось, в специальном разделе книги автор особо характеризует развитие отраслевых социологических дисциплин в Югославии. Она рассматривает социологию труда, включая прежде всего проблемы самоуправления в СФРЮ, социологию села, социологические исследования проблем молодежи и образования, брака и семьи, средств массовой информации и общественного мнения. Надо сказать, что в этом ряду было бы уместно уделить внимание и, например, социологии культуры как целостной сферы производства, хранения, распространения и усвоения духовных ценностей. Ограничения лишь вопросами образования и средств массовой информации явно недостаточны.

В силу самого своего характера книга З. Т. Голенковой многопланова. Одно удалось в ней в большей, другое — в меньшей мере. Однако в целом эта работа не может не вызвать заслуженного интереса специалистов.

Гибианский Л. Я.

А. Н. МЕРЦАЛОВ. В поисках исторической истины. М., 1984

Монография д-ра ист. наук А. Н. Мерцалова посвящена методологии критики буржуазной историографии. Предметом исследования автора являются труды основоположников научного коммунизма, документы и материалы КПСС, где марксистские принципы научной и идейной полемики нашли свое развитие; советская и зарубежная марксистско-

ленинская критическая литература 70—80-х годов, посвященная буржуазной историографии послеоктябрьского периода истории СССР, истории КПСС и всеобщей истории; работы буржуазных историков.

Опираясь на наследие классиков марксизма-ленинизма, документы КПСС, а также обобщая методологический опыт,

накопленный марксистской критической литературой, автор монографии делает попытку осмыслить теоретические итоги критики буржуазной историографии новейшей истории.

В первой главе показывается подход К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина к буржуазной историографии, механизм раскрытия ими пороков методологии буржуазных общественных наук, развитие марксистско-ленинских принципов критики в новейших документах и материалах КПСС.

Основопологающим принципом научной критики является партийность и объективность. Анализируя советскую литературу о буржуазной историографии, автор указывает на органическую связь партийности и объективности, раскрывает многогранность проявлений этой связи. К важнейшим принципам критики буржуазной историографии отнесены ее наступательность. Внимание критики должно быть сосредоточено на наиболее актуальных в идейно-политическом и научном отношении вопросах, на выделении главного и второстепенного. Научная критика предполагает выявление и положительного в работах тех буржуазных ученых, которые стремятся к объективному освещению проблематики.

Интересен раздел книги «Критика буржуазной историографии как научная дисциплина». Здесь и твердое убеждение автора в том, что литература о буржуазной историографии должна быть особенно высококвалифицированной в профессиональном отношении, что критика имеет свои задачи и свой специфический предмет исследования, что она не может ограничиваться разоблачением недостатков и пороков, а призвана способствовать развитию научных знаний (с. 96—97).

Заключительная, третья глава книги «Всесторонность и другие требования диалектической логики в советской критической литературе» показывает, как в научной литературе о современной буржуазной историографии применяются требования диалектической логики: всестороннее изучение предмета, рассмотрение его в процессе, в динамике, выявление общего и особенного. Всесторонность подхода автор видит в изучении всех аспектов буржуазной историографии, центральное место среди которых занимают социально-политические основы историографии, ее функции, а также национальные особенности.

Отмечая единство методологической

основы буржуазной историографии — многовариантный исторический идеализм, автор считает возможным и необходимым выделять в этой историографии ряд направлений: крайне и умеренно консервативное, либеральное и демократическое (с. 125) и, что особенно важно, рассматривать буржуазную историографию как явление постоянно развивающееся.

Проанализировав многочисленные труды советских критиков, А. Н. Мерцалов делает вывод, что в советской историографии констатируется и исследуется, зачастую весьма обстоятельно, эволюция буржуазной историографии. Но, вместе с тем, полагает автор, необходима большая оперативность в изучении новых тенденций в буржуазной историографии, так как имеют место «переход части буржуазных обществоведов от нигилистического отрицания марксизма-ленинизма к более или менее последовательному констатированию его научного и политического значения» (с. 132—133) и «усиление дифференциации ее (буржуазной историографии. — А. Н.) представителей, рост влияния либеральной и демократической литературы, а также в ряде случаев усиление изоляции крайне консервативных историков и публицистов» (с. 134). Предлагая свою схему дифференциации буржуазной историографии, автор оставляет за ее пределами «социал-реформистскую и тем более лево-социалистическую литературу» (с. 140), не смотря на их идейно-политическую, методологическую и организационную близость, исключает из научной историографии неофашистскую публицистику, паразитирующую на историографии.

В книге приводятся многочисленные примеры терминологического развоя. Автор обосновывает используемую им и многими другими советскими исследователями терминологию, а также главные критерии дифференциации буржуазной историографии, дает свое понимание периодизации «как главного инструмента изучения развития» (с. 219).

Представляется, что книга А. Н. Мерцалова будет встречена с большим интересом, ибо она подкупает желанием автора ставить вопросы, размышлять над положением дел в советской критической литературе, предложением системы методологических принципов и приемов, попыткой дать свои ответы на многие важные вопросы, касающиеся критики буржуазной историографии. Не

все суждения и оценки А. Н. Мерцалова могут быть приняты без оговорок, но книга, конечно, будет способствовать

развитию знания о научной критике как дисциплине.

Носкова А. Ф.

Kultura polska XVIII i XIX w. i jej związki z kulturą Rosji. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1984, 204s.

Польская культура XVIII—XIX веков и ее связи с культурой России

В основу рецензируемого труда положены материалы польско-советского симпозиума, состоявшегося в 1978 г. в Неборове (ПНР) по инициативе Института искусства ПАН и Института славяноведения и балканистики АН СССР. Научная проблематика сборника представляет несомненный интерес. В него вошли статьи, посвященные общим проблемам истории культуры, а также изобразительному искусству, театру, музыке и фольклору. На первый взгляд, подобная структура может показаться традиционной. Однако методологический ориентир сборника предопределен новым этапом исследования этой отрасли знания — это ориентир междисциплинарный.

По сути дела, комплексное освоение художественной культуры и не может не быть междисциплинарным. В силу особенностей самого предмета, требующего подключения целого ряда наук, такой подход — не мода, а научная необходимость.

Целостно изучать художественную культуру, которая представляет собой совокупность многих искусств, развивающихся несинхронно и описываемых с помощью различных категорий, конечно же, сложно. Но ведь искусства не замкнуты по отношению друг к другу — во всяком случае «изоляция» между ними в действительности нарушается чаще, нежели о том можно судить по многим научным работам. Как справедливо пишет И. Бэлза в открывающей книгу статье «Об исследованиях польской художественной культуры XVIII — XIX веков», «Культура однопородна и нельзя искусственно обособлять ее области и ее деятелей, игнорировать ее связи». Такое вычленение эффективно на определенной стадии анализа — для понимания «внутрикультурных» свойств того или иного явления. А для осознания художественной культуры как некоего единства необходим взгляд на нее извне. Это значит — нужен особый угол зрения.

В рецензируемом труде требуемый ракурс найден. Мы бы определили его так: роль художественной культуры в формировании духовного облика нации. Заметим попутно: художественная культура чаще рассматривается как продукт общественного сознания — без обратного воздействия. Эта проблематика предстает в сборнике в специфическом преломлении: связи культуры Польши и России в XVIII—XIX вв., в эпоху сложнейших отношений между двумя странами.

Материалы в сборнике можно условно разделить на две группы — «по доминанте». В первой — исторические документы истолкованы как факты культуры, во второй — культурные факты становятся документами истории. В статьях, основанных на документальных источниках, речь идет преимущественно о непосредственных контактах представителей польской и русской культуры. В статьях, посвященных самим культурным фактам, выявляются параллели и типологические схождения.

Работа историка В. Дьякова «Польское освободительное движение и культура 1830—1860 гг.» построена на обнаруженных ученым в архивах новых данных, вскрывающих прямое или косвенное участие польской творческой интеллигенции в конспиративной деятельности в тридцатилетие между польскими и январскими восстаниями. Автор предлагает рассматривать эти данные в «исторической» перспективе, т. е. с точки зрения тех импульсов, которые задавали литература и искусство национально-освободительному движению. (Тогда как обычно анализируют влияние национально-освободительной борьбы на литературу и искусство, ее отражение в литературе и искусстве.) Исторические документы подсказали ученому еще один аспект проблемы: политическое и культурно-просветительское влияние ссыльных поляков на население Сибири. Ряд находок В. Дьякова дополняет сведения о контактах деятелей культуры

Польши и России, общности их идейных целей и эτικο-эстетических позиций (в частности, ссыльных поляков-повстанцев и русских декабристов, польского художника Б. Залесского и Т. Шевченко). В. Дьяков, привлекая богатый фактографический материал, весьма убедительно доказывает, что культурные контакты, как правило, были и контактами революционными.

Аналогична по направленности (хотя и уже по охвату) статья К. Шамаевой «Новые архивные материалы, посвященные польско-украинским музыкальным контактам во второй половине XIX в.». В центре внимания автора — сфера музыкальной педагогики, деятельность известного педагога Ю. Витвицкого, которому принадлежат также первые концертные обработки украинских народных песен. Творчество Ю. Витвицкого стало достоянием как польской, так и украинской культуры. Весьма интересны найденные К. Шамаевой материалы о культурной жизни в Житомире, где жили и творили польские писатели-патриоты Ю. И. Крашевский, А. Коженевский, где провел молодые годы видный польский пианист и композитор Ю. Зарембский.

К русской и польской прессе XIX в., к воспоминаниям и дневникам людей театра обращается З. Вильский (ПНР) в статье «Выступления польских актеров в России в XIX в.». Он уточняет дату первого выступления польских артистов в Москве (1803, а не 1797 г., как считалось прежде), составляет хронику гастролей польских трупп в России на протяжении прошлого столетия. И хотя гастроли проходили нерегулярно (после 1806 г. был перерыв почти в 70 лет), они способствовали взаимному профессиональному влиянию польского и русского театров. Автор акцентирует и тот важный в общественном смысле факт, что выступления польских артистов поддерживали национальные традиции среди живших в России поляков. Гастроли знакомили с польским национальным репертуаром, а следовательно, с проблемами польского народа и русскую публику.

Если В. Дьяков, К. Шамаева, З. Вильский вводят в научный обиход новые документы, то польские исследователи К. Вежбицкая-Михальская («Формирование национального театра в Польше и в России»), З. Хехлинская («Польско-русские музыкальные контакты в XIX веке»), Л. Белявский («Связь польского музыкального фольклора с фоль-

клором восточных славян в XIX в.»), обобщая накопленный опыт, сопоставляют культуры двух стран и устанавливают их влияние друг на друга.

К. Вежбицкая-Михальская пишет об организационных основах национального театра в России и в Польше, подчеркивает сходство той базы, на которой он строился в XVIII в. В России национальный театр сформировался несколько раньше и его жанровый репертуар был шире. Но общественная, воспитательная функция у обоих театров была единой.

Существенны выводы З. Хехлинской, отмечающей такие «каналы» культурных связей, как обучение польских музыкантов в России, их участие в концертной жизни, публикация их сочинений в русских изданиях. Анализируя собственно творческий уровень связей, автор утверждает, что польская музыка в известном смысле воздействовала на русскую (напомним о популярности в русском обществе сочинений Шопена, о частом исполнении русскими композиторами полонеза и мазурки). Влияние русской музыки на польскую шло по линии овладения техникой композиции и школой пианизма. Лишь позднее, на рубеже XIX — XX вв., это влияние скажется и в композиторском творчестве.

Как показывает Л. Белявский, польские фольклористы всегда наряду с собственным собирали и исследовали восточно-славянский фольклор (украинский и белорусский). Если тексты польских народных песен изобилуют украинизмами — и не только в пограничных районах, — то любопытно проследить, существуют ли такие «украинизмы» в музыкальном языке. Решение этой задачи, считает Л. Белявский, могло бы прояснить проблему развития общеславянского фольклора.

В ряде статей книги анализируется главное достояние культуры — сами произведения искусства. Архивные разыскания И. Свириды («Русско-польские художественные связи в конце XVIII — первом тридцатилетии XIX в.») свидетельствуют о том, что этот период, прежде считавшийся непродуктивным с точки зрения связей, достаточно богат ими: многие польские художники подолгу жили в России, учились в Петербургской Академии художеств, состояли в дружбе с русскими деятелями культуры. Чрезвычайно ценной представляется та часть статьи, где показаны опосредованные связи польского и русского изыска

зительного искусства. Так, например, живопись и рисунок А. Орловского, оставаясь сугубо национальными, повлияли на русскую живопись, особенно жанровую и пейзажную; впервые введенные этим художником мотивы получили развитие в творчестве русских мастеров. Осуществив автором типологическое сопоставление работ А. Орловского и О. Кипресского расширяет наше представление об особенностях романтизма и зарождении реализма в изобразительном искусстве Польши и России. Пристальный анализ полотен позволяет автору выявить заключенную в них мысль, а вслед за этим — воссоздать духовный облик художника как носителя ведущих идей эпохи.

Для Л. Софроновой («Роль театра в формировании национальной культуры в Польше и России в последнем тридцатилетии XVIII в.») лучшее свидетельство времени — само произведение искусства. Исследуя идейное содержание и эстетическую структуру польской и русской драматургии эпохи Просвещения, автор показывает этапы ее становления от заимствований к адаптации, а от них — к подлинно национальным произведениям. Постигание идейно-образной системы, жанровой специфики, общего пафоса произведений и соотношения в них идеала и действительности дает возможность реконструировать концепцию личности исследуемой эпохи во всей ее конфликтности и противоречивости. Л. Софронова доказывает, что драматургия и театр, выдвигавшие и популяризовавшие новые ценности, способствовали формированию национального самосознания, духовной культуры нового типа. Сказанное справедливо и для Польши, и для России. Подобное сведение воедино эстетического и этического, т. е. представления о прекрасном, запечатленного в художественном творчестве, и образцов нравственного общественного — поведе-

ния — и есть стержень истории культуры¹.

Авторы сборника исследуют художественные явления, каждое из которых уникально. Но имея перед собой строгую научную цель, они обнаруживают в этих оригинальных явлениях определенные закономерности, преодолевают рамки «частного» знания и выходят к познанию «общего» — к науке. Представленные ими многочисленные аргументы (среди которых есть как факты, так и «минус-факты, не менее важные для понимания истории культуры) свидетельствуют о том, что польская и русская культура в XVIII и XIX вв. интенсивно взаимодействовали и обогащали друг друга — вопреки внешнему ходу событий. В сборнике не только многопланово обрисована художественная культура, но и выделены ведущие черты культуры духовной, облечен в плоть *Zeitgeist* — дух эпохи.

Крайне важно, что каждый из авторов сборника намечает перспективу дальнейших исследований, что подтверждает плодотворность развития истории культуры как науки на нынешнем этапе.

Медведева О.

¹ Особняком стоят в сборнике статьи А. Рышкевича («Становление современного польского искусства») и Л. Виноградовой («Первые программы польской фольклористики как выражение национального самосознания»). Они лишь частично отвечают заявленной проблематике труда и русско-польских контактов не касаются. Отметим оригинальную постановку вопроса Л. Виноградовой, которая связывает зарождение и развитие фольклористики с ростом патристических настроений в культурной и общественной жизни Польши, а также суждение А. Рышкевича, соотнесшего начало современного польского искусства с деятельностью и личными качествами короля Станислава Августа Понятовского, что вызвало на симпозиуме дискуссию.

Очередной выпуск Ученых записок Тартуского университета [1] стал первым номером попой серии *Slavica Tartuensia*. В ее редакционную коллегию вошли А. Д. Дуличенко, В. М. Мокшенико, С. В. Смирнов, А. Е. Супрун, Н. И. Толстой, М. А. Шелябин; и состав редколлегии, и состав авторов первого выпуска указывают на то, что *Slavica Tartuensia* задумана как междуниверситетский славистический орган.

Рецензируемый сборник, посвященный 150-летию отечественного университетского славяноведения, содержит семь статей и три публикации архивных документов. В предисловии ответственный редактор сборника А. Д. Дуличенко отмечает, что славистика в Тартуском (бывш. Дерптском) университете начинает развиваться лишь во второй половине XIX в., «когда в 1865 г. новым университетским уставом учреждается новая кафедра русского языка в особенности и славянского языковедения вообще» (с. 4). Дальнейшее развитие славистики здесь связано с именами И. А. Бодуэна де Куртена (1883—1893), Н. К. Грунского (1912—1915), Г. А. Ильинского (1918—1920), М. Фасмерá (1918—1921), А. Стендер-Петерсена (1927—1934) и П. Арумаа (1934—1944).

В статье П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова «Некоторые проблемы организации изучения зарубежных славянских языков и литератур в вузах СССР (к 150-летию начала преподавания славяноведения в университетах России и СССР)» (с. 6—14) довольно подробно рассказано о деятельности секции зарубежных славянских языков и литератур Научно-методического совета по высшему филологическому образованию. По приведенным ими данным наглядно видно, что, несмотря на общие успехи университетского славяноведения в СССР, в вузах страны имеется много нерешенных проблем, связанных как с организацией научно-учебного процесса, так и с его обеспечением кадрами и литературой. Авторы указывают, в частности, на необходимость увеличения количества часов на изучение зарубежного славянского языка и на необходимость сделать обязательным (не факультативным) курс истории славянских литератур на филологических факультетах. Они считают своевременным также создание «специального журнала или межвузовского сборника, посвященного методическим вопросам преподавания славянской фило-

логии» (с. 13). Актуальность этих предложений несомненна; от себя добавим, что проблемам учебного славяноведения больше внимания могли бы уделять и «Филологические науки», и «Советское славяноведение».

Далее статьи и публикации сборника расположены в порядке хронологических срезов истории славяноведения, которым они посвящены.

Н. Б. Мечковская в статье «Архаическое и новое в лингвистическом сознании одной эпохи (к характеристике восточнославянских грамматик XVI—XVII вв.)» (с. 15—24) показывает, что тенденция к семантизации знаков письма «является главной отличительной чертой старинной орфографической теории от современной» (с. 19—20). В XV—XVII вв. проявлением этой тенденции было введение Зизанием и Смотрицким буквы «Є великого» и Смотрицким — буквы г (г взрывного), усложнение системы надстрочных знаков, а также воспроизведение иноязычных орфограмм.

В статье Г. К. Венедиктова — «К начальной истории изучения в России памятников новоболгарской письменности» (с. 25—44) подробно рассматриваются факты, подтверждающие ведущую роль Ю. И. Венелина в становлении русской болгаристики. Список литературы к данной статье содержит новые публикации о жизни и творчестве Ю. И. Венелина.

Интересная работа Ю. И. Минералова — «Внутренняя форма как проявление стиля (к концепции А. А. Потебни)» (с. 45—62) — подлинная аналогия учения Потебни о внутренней форме, попытка развенчать «безответственных интеллектуалов», обвинявших Потебню в наивности, неполноте и незавершенности его построений. Автор предлагает интерпретировать высказывания А. А. Потебни с учетом гумбольдтианского «склада ума» этого филолога и философа. Термин «внутренняя форма» у Потебни, считает он, «соответствует современному представлению о сформированной сущности, т. е. о содержании в строгом смысле слова» (с. 54). Что ж, сказано вполне по-гумбольдтиански. Вообще, после чтения этой статьи убеждаешься еще раз, что каждое поколение ученых идейное наследие Гумбольдта и Потебни интерпретирует по-своему, и, видимо, *Humboldtiana* и *Potebniana* обречены на бесконечность.

А. В. Каупуж опубликовала «Доклад-

ную записку» И. А. Бодуэна де Куртене об изучении резьянских говоров и его письмо И. И. Срезневскому, в которых он хлопочет о продлении ему заграничной командировки.

С. В. Смирнов в статье «А. С. Будилович как лингвист» (с. 70—84) рассказывает о творческом пути этого ученого, дополняя сведения о нем, содержащиеся в словаре М. Г. Булахова «Восточнославянские языковеды» и библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России». Не отрицая вклада А. С. Будиловича в развитие русского славяноведения, автор склонен согласиться с высказыванием И. В. Ягича о том, что административная деятельность значительно мешала Будиловичу заниматься «славянской наукой», поскольку «он не имел ни досуга, ни душевного равновесия, чтобы продолжительно углубиться в ее дебри» (с. 73). По нашему мнению, до сих пор не утратили своего значения этностатистические таблицы А. С. Будиловича о славянах второй половины XIX в.

Л. П. Лаптева («Пребывание у лужицких сербов русского ученого Льва Васильевича Щербы», с. 82—87) уточняет: после 1913 г. Л. В. Щерба уже не бывал в Лужице (в словаре М. Г. Булахова отмечено лишь его посещение Лужицы в 1907—1908 гг.). В работе приводятся также архивные сведения о переписке Л. В. Щербы и А. Муки.

Статья В. М. Мокиенко — «Л. В. Щерба, Б. А. Ларин и филология будущего» (с. 88—100) по существу затрагиваемых в ней проблем заслуживает особого обсуждения. Автор указывает на общие моменты в научных воззрениях, в подходе к решению интересовавших их проблем и в чертах характеров двух больших лингвистов. Однако стержнем статьи является проблема прогнозирования развития языковедения. В связи с этим отмечается, что «развитие лингвистики в 60—80-е годы полностью подтвердило предсказанный Б. А. Лариним расцвет сравнительно-типологического направления в изучении билингвизма» (с. 95) и что вообще стало актуальным изучение механизмов языковой интерференции, блестяще начатое Л. В. Щербой в его работе по мужаковскому говору. Но не является ли полемическим преувеличением утверждение о том, что «Л. В. Щерба дал языковедению именно то направление, которое ведет к филологии будущего» (с. 100)?

М. М. Кривль, В. А. Моторный и К. К.

Трофимович представляют «Неизвестные документы о серболужицко-восточнославянских связях» (с. 101—107), повторно публикуя и комментируя письма (пзданные в 1968—1970 гг. в ГДР) видного деятеля серболужицкого возрождения Яла-Арношта (Эрнста) Смолера к Я. Ф. Головацкому.

Завершается сборник информативной и содержательной статьей А. Д. Дуличенко «Стаповление русинской филологии в Югославии» (с. 108—142). Автор приводит краткие этнолингвистические сведения о русинах, а затем последовательно излагает почти столетнюю историю изучения духовной культуры этого малого славянского народа. Предлагает четкую периодизацию истории русинской филологии, этапы ее развития описывает в тесной связи с историей русинской письменной культуры. Эта работа представляет собой солидную основу для будущих монографий о современном русинском языке и его истории.

По нашему мнению, первый выпуск серии *Slavica Tartuensia* вполне удался. С появлением ее количество славистических изданий в Прибалтике удвоилось (в Вильнюсе выходит посвященная русскому и восточнославянскому языковедению серия Ученых записок высшей школы ЛитССР *Kalbotyra* (2)). Остается пожелать новому изданию долгого и успешного продолжения.

В заключение несколько слов о юбилее, которому посвящается прорецензированный сборник. Кафедры истории и литературы славянских наречий были учреждены в России с подписанием 26 июня (ст. ст.) 1835 г. нового университетского устава, опубликованного в VII (июльском) номере Журнала министерства народного просвещения (ЖМНП). Открытие этих кафедр было подготовлено всем ходом развития русской славистики, однако до возвращения из заграничных командировок О. М. Бодянского, И. И. Срезневского и П. И. Прейса в 1842 г. и до публикаций В. И. Григоровича, относящихся к этому же времени, отечественная университетская славистика переживала, так сказать, «внутриутробный» период своего развития. М. П. Погодин рассказывает о своей беседе с Колларом в 1835 г.: «Он встретил меня упреком, почему русские не занимаются родственными наречиями. Я отвечал ему, что теперь учреждаются, как слышно, кафедры особые для преподавания их в наших университетах» [2]. Это, пожалуй, единственный отклик «толстых» журналов того времени на официа-

альное начало русской славистики. В 1836 г. тот же Погодин с горечью отмечал, что славянская филология, «родная нам, по своей пользе для русского языка, должна была бы быть гораздо известнее всех других, древних и новых», по опа, «к стыду нашему, неизвестнее самой восточной» [3].

Сам факт открытия славистических кафедр стимулировал рост общественного внимания к славянской проблематике. В ЖМНП за 1836 г. появляется целая серия небольших по объему, но очень содержательных публикаций П. И. Кеппена (в виде писем к редактору) о текущих событиях в зарубежной славистике. В этом же году начинается публикация отрывков из сочинений П. Шафарика в «Московском наблюдателе».

Может быть, учитывая особенности начального периода истории университетского славяноведения в России, отметить не только юбилей опубликования Устава 1835 г., но посвятить специальные публикации, конференции и статьи в научных и художественно-публицистических журналах 150-летию периода становления русской славистики — 1835—1842 гг.?

Чекмонас В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 710 (Slavica Tartuensia, I). Тарту, 1985.
2. Журнал Министерства народного просвещения, 1835, № IX, с. 549.
3. Московский наблюдатель, 1836, ч. VIII, с. 288.

КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ

В соответствии с планом работы Комиссии историков СССР — ПНР 19—24 мая с. г. в Познани на базе Познанского университета им. А. Мицкевича была проведена научная конференция советских и польских историков по проблеме социально-экономического, политического и культурного развития России, Украины, Белоруссии, Литвы и Польши во второй половине XVII — первой половине XVIII в.

До открытия конференции группа советских ученых была принята секретарем воеводского комитета ПОРП Яном Мачковяком. Во время приема он рассказал о работе партийной организации воеводства, о положении дел в промышленности, сельском хозяйстве, высшей школе, научных учреждениях и ответил на ряд вопросов советских историков. Затем состоялся прием советских ученых в ректорате Университета.

Работа конференции началась в Малой Ауле Коллегиум Минус. В выступлениях проф. Ю. Бардаха и проф. И. И. Костюшко подчеркивалось научное значение проблематики, подлежащей рассмотрению на конференции, и отмечались результаты плодотворного сотрудничества историков в рамках Комиссии. На первом заседании Комиссии присутствовали секретарь ВК ПОРП Я. Мачковяк, советский консул в Познани М. Могилатов и польские историки — преподаватели и сотрудники Познанского университета. Были заслушаны доклады: И. Б. Грекова — «Вечный мир 1686 г. — важная веха в истории народов России и Речи Посполитой», Е. Охманьского — «Послевоенные исследования польских ученых по истории Белоруссии периода феодализма», В. И. Буганова — «Главные тенденции социально-экономического, политического развития России во второй половине XVII — первой половине XVIII в.».

На следующих заседаниях заслушаны доклады: д-ра ист. наук В. И. Мелешко

(Минск) — «Социально-экономическое положение Белоруссии во второй половине XVII — первой половине XVIII в.», д-ра ист. наук В. А. Смолия (Киев) — «Влияние социально-экономических и этно-культурных процессов на самосознание крестьянства Правобережья» в указанный период, Я. Руткевича (Познань) — «Чинш и барщина в королевских экономиках Великого княжества Литовского в начале XVIII в.», доц. д-ра Я. Собчака (Познань) — «Татары на службе Речи Посполитой в Великом княжестве Литовском и на Украине во второй половине XVII и начале XVIII в.», канд. ист. наук А. А. Тилы (Вильнюс) о демографическом спаде на территории Жмуди в середине 50-х годов XVII в., Гр. Блащика о заселении Жмуди в первой половине XVIII в., проф. И. Квятковской (Краков) — «Из истории изучения понятия наказания в странах Центральной и Восточной Европы XVI — XVIII вв.», проф. Ст. Гродзицкого (Краков) — «Из истории исследований кодификации права на Левобережной Украине XVIII в.», д-ра Е. Малец (Краков) — «Литва в условиях унитаристских тенденций формирования новой модели государства в начале правления Станислава Августа Понятовского».

Истории политических взаимоотношений стран региона были посвящены доклады: Я. Сташевского (Торунь) — «Польско-русские отношения в первой половине XVIII в.», д-ра М. Гродзинского — «Русская проблематика в политической деятельности Станислава Лещинского», д-ра ист. наук Л. Л. Муравьевой (Москва) — «Отношения России с Гданьском в начале XVIII в.».

С интересом были прослушаны доклады, освещающие культурные взаимоотношения в рассматриваемое время. А. И. Рогов (Москва) раскрыл тему «Польские художники в России во второй половине XVII в. и их роль в польско-русских культурных связях в этот

период». Э. Малек (Лодзь) рассмотрела литературные русско-польские связи второй половины XVII — начала XVIII в., канд. ист. наук Д. О. Галустян (Ереван) сделала доклад на тему «Историческое и культурное наследие армянских колоний в Речи Посполитой». Проф. П. Бухвальд-Пельцова (Варшава) представила доклад «Книга в эпоху раннего польского и русского Просвещения. Параллели и связи (первая половина XVIII в.)», доц. А. Кияс (Познань) рассмотрел старейшее польское описание Петербурга; в докладе проф. В. Витковского (Краков) было показано заимствование элементов польского языка русским языком в первой половине XVIII в. на материалах лексикона Ф. Поликарпова-Орлова (Москва, 1704).

По докладам развернулась дискуссия, в которой приняли участие Ю. Бардах, И. И. Костюшко, В. И. Буганов, А. И. Рогов, Э. Малек, Я. Руткевич и др.

В заключение конференции была отмечена плодотворность проделанной работы, указывалось на целесообразность дальнейшего изучения данной эпохи (как в связи с ее важным значением в восточно-европейском историческом процессе эпохи феодализма, так и в связи с наличием ряда еще недостаточно исследованных проблем этого периода).

Для участников конференции была предложена большая и интересная культурная программа. Состоялась экскурсия в Курник, где была показана знаменитая библиотека, а также созданный здесь музей, и в город Гнезно. Участникам польско-советского симпозиума была предоставлена возможность ознакомиться с достопримечательностями Познани, с древнейшими памятниками польской государственности на Ледницком острове, а также увидеть комплекс архитектурных сооружений польского села XVIII—XIX вв., коллекцию предметов крестьянского быта этой эпохи.

Работа конференции получила отражение в местной периодической печати — в газетах «Czas Wielkopolski» и «Gazeta Poznańska».

В ходе конференции проявилось взаимное стремление познанских и советских историков к сотрудничеству, заинтересованность польских историков в более тесных контактах с советскими научными учреждениями. На собрании Комиссии обсуждались вопросы, касающиеся подготовки очередной конференции Комиссии по проблеме «70-летие Великой Октябрьской социалистической революции», которую планируется провести в июне 1987 г. в г. Москве.

Греков И. Б.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО БОЛГАРИСТИКЕ

С 23 мая по 3 июня 1986 г. в Софии проходил Второй международный конгресс по болгаристике. Его тема — «Болгария в прошлом и настоящем. Язык, история, культура» — дала возможность ученым разных стран вместе со своими болгарскими коллегами обсудить на представительном научном форуме широкий круг проблем болгарской истории, лингвистики, литературоведения, культуры и искусства, а также вопросы развития современной Болгарии.

Конгресс проводился под патронатом Генерального секретаря ЦК БКП, председателя Государственного совета ИРБ Тодора Живкова, обратившегося к участникам конгресса с приветствием.

В работе конгресса приняло участие около 500 ученых из 50 стран мира и более 700 болгарских исследователей. Советская официальная делегация — одна из самых многочисленных — на-

считывала 60 человек, представлявших академические институты и университетские центры Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Кишинева, Тбилиси, Еревана, Харькова, Краснодара, Казани, Донецка, Махачкалы. В ее составе были историки, лингвисты, литературоведы, этнографы, фольклористы, философы, экономисты, социологи. Делегацию возглавляла чл.-корр. АН СССР директор Института всеобщей истории АН СССР З. В. Удальцова.

Конгресс открыл президент Болгарской академии наук, председатель Национального комитета конгресса академик А. Балеvский.

На пленарных заседаниях были прочитаны доклады акад. В. Георгиева (Болгария) «Болгарский язык на протяжении одиннадцатого веков», д-ра ист. наук Г. Г. Литаврина (СССР) «Славяно и протоболгары. Традиции и реальность»,

акад. П. Зарева (Болгария) «Национальное и универсальное значение болгарской литературы», проф. Р. Пиккио (Италия) «Литературные и языковые аспекты древнеболгарской литературы», проф. Р. Бернара (Франция) «Наблюдения над морфологией существительных женского рода в современной болгарской литературе», акад. П. Динекова (Болгария) «Литература и судьба народа», акад. Хр. Христова (Болгария) «Образование, утверждение и восход болгарской нации в эпоху Возрождения», акад. В. Хаджиниколова (Болгария) «Традиционная культура в современной культуре НРБ», проф. П. Киран (Венгрия) «Некоторые вопросы болгарской возрожденческой литературы», проф. Г. И. Чернявского (СССР) «Роль Георгия ДIMITрова в становлении марксистско-ленинской концепции новейшей истории Болгарии (1918—1944 гг.)» и проф. М. Симова (Болгария) «О болгарском опыте в политическом мире социализма».

Работа конгресса продолжалась в шести секциях: «Язык», «История», «Литература», «История науки», «Культура и искусство», «Современная Болгария», причем в этих секциях было выделено 25 подсекций.

Самой многочисленной по количеству докладов и сообщений была секция «История», в рамках которой работало 6 подсекций и был заслушан 341 доклад. В них были рассмотрены вопросы, имеющие первостепенное значение для болгарской историографии. Во многих докладах был использован новый документальный материал, применены современные методы анализа исторических фактов (математический, статистический), выдвинуты новые концепции, вызвавшие оживленные дискуссии.

В первой подсекции «Болгарские земли в древности до создания болгарского государства» рассматривались вопросы этногенеза болгарского народа, преемственности между античной и болгарской средневековой культурами. На заседании второй подсекции — «Болгария в средние века» — были освещены проблемы социально-экономического развития болгарского средневекового государства, культуры болгарского средневековья, богомильского движения. В третьей подсекции — «Болгария в XV—XIX вв.» — обсуждались демографические процессы в Болгарии, развитие болгарского народностного и национального самосознания, генезис болгарской нации, развитие просвещения в отдельных районах

страны, переселение болгар в Валахию и Россию, общественно-политические и революционные связи болгарского национально-освободительного движения с Россией и западными странами, развитие Восточного кризиса во второй половине 70-х годов. В четвертой подсекции «Болгария после Освобождения (1878 г.)» особый интерес вызвали вопросы развития буржуазной демократии, политической системы Болгарии в межвоенный период, внешнеполитических отношений Болгарии с различными странами, антифашистского движения. Работа пятой подсекции «Болгария в эпоху социализма» была посвящена проблемам периодизации социалистического строительства в НРБ, демографической, социальной и культурной политики, внешней политике НРБ в переходный период, развитию общественно-политической мысли в социалистической Болгарии, развитию советско-болгарских отношений. В шестой подсекции — «Этнография» — состоялся обмен мнениями по вопросам обрядового и современного фольклора, эпического народного творчества, фольклора в иноэтническом окружении. Во всех подсекциях большое внимание уделялось источниковедению, историографии и методологии. Важно подчеркнуть, что в работе конгресса проявилась единая, марксистская методология науки социалистических стран, обогащенная новой методикой исследований.

Большое место в программе конгресса занимала лингвистическая проблематика. В четырех подсекциях секции «Язык» было прочитано 220 докладов. В подсекции «История болгарского языка» рассматривались разнообразные проблемы истории болгарского языка на всем протяжении его развития. Значительное внимание было уделено изучению среднеболгарского периода в развитии языка и формированию современного литературного языка. В подсекции «Современный болгарский язык» обсуждался широкий круг вопросов, касающихся специфических грамматических категорий, количественных характеристик отдельных языковых явлений болгарского литературного языка, вариативности норм и социолингвистических аспектов его функционирования, культуры речи в настоящее время. Общетеоретические и более частные проблемы сравнительного и синхронно-сопоставительного изучения разных уровней болгарского языка, других славянских и неславянских языков рассматривались в докладах на подсек-

ции «Сравнительное и сопоставительное языкознание». В подсекции «Диалектология и ономастика» наибольшее внимание было уделено обсуждению диалектного членения болгарского языка в синхронном и диахроническом плане в свете новых диалектологических и лингвогеографических данных, характеристике болгарских пограничных и переселенческих говоров. Рассматривались также отдельные явления территориальных и современное состояние социальных диалектов в Болгарии.

В секции «Литература» работало пять подсекций. В подсекции «Древняя болгарская литература» обсуждались доклады, посвященные характеристике литературного процесса в Болгарии в отдельные периоды средневековья, гуманистическим тенденциям и жанрам древнеболгарской литературы (в частности, гимнографии), ее посреднической роли, а также роли некоторых книжных центров в развитии литературы, литературной деятельности видных древнеболгарских писателей, месту отдельных оригинальных и переводных произведений в древнеболгарской литературе. В подсекции «Болгарская литература в эпоху национально-освободительной борьбы» значительное внимание уделено творчеству крупнейших писателей эпохи Возрождения, рецензии болгарской литературы в самой Болгарии и в некоторых зарубежных странах. В подсекции «Болгарская литература после Освобождения (1878 г.)» обсуждались основные процессы развития болгарской литературы после освобождения Болгарии от османского господства; из более частных проблем в докладах освещались место экспрессионизма и роль журнала «Мисъл» в болгарской литературе данного периода. Участники подсекции «Современная литература» касались разнородного круга проблем развития болгарской литературы в послевоенное время — традиции классической литературы, гуманистические тенденции, региональное, национальное и общечеловеческое в этом процессе. Большое внимание было уделено проблемам жанра, поэтики и героя в современной литературе, творчеству Й. Радичкова, Н. Вапцарова, Е. Багряны и других современных писателей и поэтов. В подсекции «Переводы и рецепция болгарской литературы за рубежом и зарубежной литературы в Болгарии» в историко-литературном, теоретическом и сравнительно-типологическом аспектах рассматривались вопросы

перевода и восприятия болгарской литературы в других странах и литературы других стран в Болгарии.

В секции «Культура и искусство», на которой было прочитано более 150 докладов, работало 4 подсекции — «Фольклор», «Архитектура и изобразительное искусство», «Театр и кино» и «Музыка». На них обсуждались многие вопросы развития и современного состояния народного творчества (особенно обрядового фольклора и эпоса), архитектурного и музыкального наследия, театральной и кинодраматургии, режиссуры, истории болгарской музыки, современного композиторского творчества, музыкального исполнительства и др.

Включение в программу конгресса секций «История науки» и «Современная Болгария», освещение на заседаниях широкого круга проблем в области культуры, искусствоведения, современных социальных и общественных отношений, экономики способствовало утверждению болгаристики как комплексной науки о древней и сегодняшней Болгарии. Работа секции «История науки» проходила в двух подсекциях: «Развитие общественной мысли в Болгарии» и «Развитие науки и образования в Болгарии». В большинстве выступлений анализировались развитие научных взглядов и вопросы культуры в период болгарского национального Возрождения.

В секции «Современная Болгария» было выделено 4 подсекции: «Экономика», «Социальные отношения», «Государство и право», «Международные отношения». Были рассмотрены вопросы развития болгарской экономики, социально-классовой структуры и социальных изменений, развития социалистической демократии, внешней политики Болгарии на Балканах, в Европе и в мире, участия НРБ в международном сотрудничестве и в борьбе за мирное будущее планеты.

В рамках конгресса состоялся также симпозиум «Кирилло-мефодиевистика», приуроченный к 1100-летию прибытия учеников Кирилла и Мефодия в Болгарию. На нем был заслушан 51 доклад. Важнейший круг проблем, обсуждавшихся на нем, был связан с происхождением и распространением древнеболгарского письменно-литературного языка и древнеболгарской литературы. В докладах болгарских ученых и некоторых ученых других стран развивалась концепция о том, что переводы Кирилла и Мефодия были сделаны на древнеболгарский язык и что древней-

шие сохранившиеся памятники славянской письменности написаны на языке древнеболгарском. В свете этой концепции доказывалось, что научно правильным и обоснованным наименованием языка кирилло-мефодиевских переводов и древнейших памятников славянской письменности является только термин «древнеболгарский язык». В связи с вопросом о распространении древнеболгарского языка проф. О. Кронштайнер (Австрия) в докладе «Древнеболгарский или древнецерковнославянский?» утверждал, что на Руси до XVII—XVIII вв. своего, собственно русского литературного языка не было. На научную несостоятельность данной точки зрения указали в дискуссии д-р филол. наук Р. М. Цейтлин, д-р филол. наук Е. И. Демина (СССР), проф. Д. Иванова-Мирчева (Болгария). На симпозиуме рассматривались также вопросы фонетики, грамматики, словообразования, лексики древнеболгарского языка, палеографии и текстологии, подготовки издания сочинений Кирилла и Мефодия.

В рамках конгресса были проведены вечер, посвященный 1100-летию прибытия учеников Кирилла и Мефодия в Болгарию, и вечер, посвященный поэту-революционеру Христо Ботеву по случаю 110 годовщины со дня его гибели.

В программу конгресса был включен «круглый стол» «Болгаристика — состояние и перспективы», участники которого проинформировали о достижениях болгаристики в НРБ и в других странах за последние пять лет и определили перспективы ее развития. Впервые проводился коллоквиум молодых болгарис-

тов, в котором участвовали молодые научные работники, преподаватели и студенты из 14 стран мира, в том числе из Советского Союза.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы конгресса, руководители секций представили отчеты о работе. От имени иностранных участников конгресса выступила З. В. Удальцова. Она подчеркнула, что Второй международный конгресс явился важным этапом в развитии болгаристики, превратившейся в комплекс научных дисциплин. З. В. Удальцова отметила деловую, доброжелательную обстановку, атмосферу уважения к научной молодежи. Она высоко оценила сотрудничество советских и болгарских ученых в развитии различных областей болгаристики.

Второй международный конгресс болгаристике показал, что за пять лет, прошедших со времени Первого конгресса, учеными-болгаристами разных стран была проведена большая и плодотворная исследовательская работа, созданы труды, ставшие весомым вкладом в изучение истории и культуры Болгарии с древнейших времен до наших дней.

По окончании рабочей части конгресса председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков устроил для участников конгресса прием в правительственной резиденции «Бояна».

Участникам конгресса была предложена разнообразная культурная программа. Состоялись также две экскурсии по Болгарии.

Валева Е. Л., Венедиктов Г. К.

В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ СОВЕТЕ ПО ЗАЩИТЕ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ (ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ) ПРИ ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

В течение 1984—1985 гг. специализированный совет провел 19 заседаний, на которых были рассмотрены представленные на защиту докторские и кандидатские диссертации, тщательно проанализированы научная и политическая актуальность исследованных соискателями тем, новизна и научная аргументация выводов, использование печатных и архивных источников. При решении вопроса о принятии к защите учитывалось также соответствие темы профилю совета, наличие необходимых публикаций по теме, утверждались оппоненты и назначалась ведущая организация. Члены совета выступали в качестве официальных и неофициальных оппонентов. Среди оппонентов были сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР (специалисты по разным областям науки), ученые из других научных учреждений, в частности, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института истории СССР АН СССР, Института военной истории, Кемеровского и Ужгородского университетов и других, коллеги из СФРЮ.

Рассматриваемые советом диссертации отвечали главным направлениям исследований наиболее значительных (в научном и политическом плане) вопросов истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, многовековых и разносторонних взаимосвязей народов этого региона с народами нашей страны. Проблематике новейшей истории была посвящена докторская диссертация Ю. Н. Щербакова «Искры Великого Октября: вклад интернационалистов в революционное рабочее движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917—1921 гг.)» (на защиту представлена монография, вышедшая в 1982 г. в Политиздате). В ней освещался вклад зарубежных интернационалистов, принимавших участие в Великой Октябрьской социалистической революции, в революционное движение в странах региона.

В докторской диссертации М. М. Сумароковой «Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны (1929—1939)» (на защиту была представлена монография, опубликованная под таким же названием в издательстве «Наука») глубоко рассматривалась борьба демократических сил Югославии во главе с Коммунистической партией

против реакционной политики правящих кругов страны, против фашистской и военной опасности в 30-х годах нашего столетия.

Работа И. И. Удадьцова «Историография Чешского национального возрождения. Новейшие чехословацкие и советские исследования (1950—1980)» дает представление о развитии послевоенной чехословацкой исторической науки, о вкладе советской науки в изучение истории Чехословакии, а также об идейной взаимосвязи буржуазно-националистических концепций, распространявшихся в ЧССР ревизионистскими, антисоциалистическими деятелями в 60-х годах нашего века, с национально-политическими программами чешской буржуазии (XIX в.).

Проблемам истории и истории культуры посвящены кандидатская диссертация Е. П. Аксеновой «История народов Центральной и Юго-Восточной Европы в русской революционно-демократической периодике 50—60-х годов XIX в.» и докторская диссертация И. И. Свириды «Польская художественная жизнь в национальном историко-культурном процессе (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.)» (с разрешения ВАК СССР по ходатайству специализированного совета защищена по двум специальностям: всеобщей истории и истории искусства).

Проблематика истории средневековья освещалась в докторской диссертации Г. Э. Санчука «Видукинд Корвейский. Деяния саксов» (представлена одноименная книга, вышедшая в издательстве «Наука») и кандидатских диссертациях С. А. Иванова «Славяне и Византия в VI в. по данным Прокопия Кесарийского», В. К. Ронина «Политические взаимоотношения славян и Франкского государства при Карле Великом», О. А. Акимовой «Историческая мысль Далмации в XIII в. (хроника Фомы Сплитского)».

В 1985 г. были защищены Ф. Г. Зуевым докторская диссертация «Социалистическое содружество и разрядка в Европе. Исторический опыт политической разрядки второй половины 60-х — первой половины 70-х годов» (на защиту представлена монография, опубликованная в 1984 г. в издательстве «Наука») и кандидатские диссертации Е. П. Серапионовой «Чехословацко-польские отношения и проблема послевоенного сотрудничества

(1939—1945 гг.)», Н. Н. Станкова «Ста- новление отношений братства и дружбы Германской Демократической Респуб- блики с ее восточными соседями — Чехосло- вакией и Польшей в 1949—1955 гг.» и А. И. Овчаренко «Советско-польское со- трудничество в развитии тяжелой индуст- рии Польши в 1945—1955 гг.».

Кроме того, Совет рассмотрел доктор- скую диссертацию Б. Й. Желицкого «Ра- бочий класс социалистической Венгрии 60-х и первой половины 70-х годов (со- циальное развитие)» (на защиту представ-

лена монография, вышедшая в 1984 г. в издательстве «Наука»), кандидатские дис- сертации Т. С. Прониной «Рабочий класс НРБ на этапе построения развитого со- циалистического общества», Е. К. Вя- земской «Восстания в Боснии и Герцего- вине и российская дипломатия (1875 — апрель 1877 г.)» и М. В. Никулиной «Сла- вяноведение в России в первой трети XIX в.» и присудил соискателям соот- ветствующие ученые степени.

Наумов Е.

<i>Markov D. F.</i> For the further intensification of scientific research. <i>Kuzmin M. N.</i> The history of the socialist development of the Central and South-East Europe countries in the works of the Institute for Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR (results and aims). <i>Dostjan I. S., Frejdzon V. I.</i> Basic problems of the formation of national states in the South-East Europe (end of the XVIII century — 1870s). <i>Zelenina L. V.</i> The origins of the status quo principle in the Balkan policy of the Great Britain (1790—1809). [<i>Gribovskaja A. I.</i>]; <i>Motor-nyj V. A.</i> On the periodization of the Ukrainian-Bulgarian literary contacts. <i>Osipova N.</i> On Slavo Rumanian literary contacts (I. Slavic and L. Rebreanu and Slavic literatures). <i>Gindin L. A., Kalužskaja I. A.</i> Once more on Slav. *koliba. <i>Orel V. E.</i> Pro et contra of an etymology	3
--	---

COMMUNICATIONS

<i>Bolshakova K. V.</i> Historians of the USSR and People's Poland: at the origins of the cooperation (1946—1951). <i>Kirillova-Ugrjumova T. V.</i> On the social activities of R. Jovanović	79
--	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Gibianskij L. Ja.</i> З. Т. Голшкова. Очерк истории социологической мысли в Югославии. <i>Noskova A. F.</i> А. Н. Мерцалов. В поисках исторической истины. <i>Medvedeva O. R.</i> Kultura polska XVIII i XIX w. i. jej zwaźki z kulturą Rosji. <i>Chekmonas V.</i> Studies on the history of Slavic linguistics	93
--	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Grekov I. B.</i> Conference of Soviet and Polish historians. <i>Valeva E. L., Venediktov G. K.</i> 2nd International Congress of bulgarists. <i>Naumov E.</i> In the specialized council for the doctoral theses (in history) at the Institute for Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR.	104
---	-----

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 10.10.86	Подписано к печати 02.12.86	А-12762	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отг. 12,4	Уч.-изд. л. 11,2 Бум. л. 3,5
Тираж 1218 экз. Зак. 3033			

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, Н-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В - 17
В ОРДИНКА 34/38-40
ТОЛСТОМУ И И
70891

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891

*В издательстве «Наука»
готовятся к печати:*

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ВЫП. X. 20 л. 3 р. 50 к.

В выпуске публикуются исследования, посвященные общественным и культурным связям народов России и балканских стран в XVIII—XX вв., рассматриваются достижения советской историографии в разработке проблем русско-югославских общественных связей. Приводятся новые архивные данные о деятельности интернационалистов из балканских стран в Одессе в 1919 г., о культурном взаимообмене между Россией, Сербией, Румынией, Болгарией с конца XVIII до рубежа XIX и XX вв., сотрудничестве СССР с рядом балканских стран в области науки и культуры в 50—70-е годы нашего века.

Книга предназначена для историков и международныхников.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ. 20 л. 3 р. 50 к.

В сборнике обобщены важнейшие проблемы социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Хронологические рамки исследований охватывают 40—70-е годы. В статьях рассматриваются вопросы становления социально-классовой структуры нового типа, дан сравнительный анализ изменений в рабочем классе под влиянием научно-технической революции; освещены некоторые аспекты становления социалистических производственных отношений в деревне, развития социалистической интеллигенции.

Издание рассчитано на историков и широкий круг читателей.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370001 Баку, Коммунистическая ул., 51; 690088 Владивосток, Океанский проспект, 140; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.